

SOCIOLINGUISTICS

**Goals,
Approaches
and Problems**

Roger T. Bell

**B.T. Batsford
LTD
London**

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Цели,
методы
и проблемы

Роджер Т. Белл

ЭКЗЕМПЛЯР
ЧИТАЛЬНОГО
ЗАЛА

Москва
Международные
отношения • 1980

932 237

ВОЛОГОДСКАЯ

*Под редакцией доктора
филологических наук
проф. А. Д. ШВЕЙЦЕРА*

*Перевод с английского
В. А. ВИНОГРАДОВА*

УДК 327.5
620.001.6
АБВ

Предисловие

Шестидесятые и семидесятые годы ознаменовались бурным развитием социолингвистики, нового междисциплинарного направления, возникшего на стыке языкознания и ряда смежных дисциплин — социологии, социальной психологии, этнографии. Проблемам социолингвистики посвящаются многочисленные монографии, сборники, периодические издания, в том числе международные. Они обсуждаются на специальных симпозиумах, конференциях, международных конгрессах лингвистов и социологов.

Интерес к социолингвистической проблематике вполне закономерен. С одной стороны, он обусловлен потребностями современного общества, испытывающего острую необходимость в научно разработанных принципах языковой политики и языкового строительства, а с другой, является своеобразной реакцией на внутрилингвистическую ориентацию структурного языкознания, исключавшего из рассмотрения социальный контекст языка.

Социолингвистические исследования представляют интерес не только для лингвистов, но и для социологов, философов, психологов и этнографов. Вместе с тем в современной социолингвистической литературе имеется существенный пробел. До сих пор не было книги, которая бы вводила широкого читателя в социолингвистическую проблематику и знакомила бы его в предельно сжатой форме с наиболее важными результатами социолингвистических работ, книги, которая бы сыграла роль, аналогичную той, которую в свое время сыграла работа американского лингвиста Г. Глисона, изложившего в доступной для неспециалиста форме основы дескриптивной лингвистики*.

Вместе с тем в такого рода введении в современную социолингвистику ощущается острая необходимость, поскольку данные многих социолингвистических иссле-

* Глисон Г. *Введение в дескриптивную лингвистику*. М.: Изд. иностр. лит., 1959.

дований приводятся в малодоступных для широкого читателя публикациях, главным образом, в материалах конференций и симпозиумов, и порой нуждаются в систематизации и обобщении.

Книга Роджера Т. Белла, преподавателя кафедры языкознания Ланкастерского университета, в значительной мере восполняет этот пробел, знакомя читателя с важнейшими проблемами социолингвистики, с ее понятийным аппаратом, теоретическими концепциями, методами анализа и перспективами. При этом, однако, следует иметь в виду явно одностороннюю ориентацию этой книги, опирающейся на те направления современной социолингвистики, которые разрабатываются, главным образом, американскими и западноевропейскими (преимущественно английскими) учеными. Все это, несомненно, сказывается и на методологических позициях самого автора, и на отборе рассматриваемых в книге вопросов, и на их освещении. В работе Р. Белла не нашли отражения многочисленные труды советских ученых и ученых социалистических стран, разрабатывающих теоретический аппарат и конкретные проблемы социолингвистики на основе марксистско-ленинской теории.

На методологических установках самого автора в значительной мере сказались воззрения основоположника Лондонской школы структурного языкознания Дж. Р. Фёрса и его последователей. Это находит свое проявление, в частности, в освещении эпистемологического вопроса о реальности существования лингвистических конструкторов. В споре современных лингвистов по поводу экзистенциального статуса таких категорий, как «фонема», «трансформация» и др., автор усматривает аналогию спору средневековых теологов о природе «универсалий». Р. Белл утверждает, что большинство лингвистов XX века придерживалось взглядов, сходных с теми, которые выдвигали средневековые платоники-реалисты, постулировавшие субъективное существование универсалий. Номиналистская же точка зрения, согласно которой универсалии — это имена вещей и, таким образом, существуют лишь «после вещей», представлена, по его мнению, в работах Фёрса и его последователей. Именно к их концепции восходят, как он полагает, взгляды многих, если не всех, социолингвистов.

Разумеется, сложный вопрос об отражении в современном языкознании и социолингвистике тех или иных философских течений никак не может быть сведен к

аналогии со спором между представителями двух течений средневековой теологии. Но даже если усматривать в этом споре некий, пусть заведомо упрощенный, аналог борьбы двух тенденций — материалистической и идеалистической, то и в этом случае нет никаких оснований считать Фёrsa чуть ли не основоположником материалистической тенденции в современном языкознании, а работы подавляющего большинства современных лингвистов безоговорочно отождествлять с идеалистической концепцией средневековых реалистов.

Для ознакомления с позицией советских ученых по многим из тех проблем, которые освещаются в книге Р. Белла, читателю следует обратиться к книге А. Д. Швейцера и Л. Б. Никольского «Введение в социолингвистику» (М.: Высш. школа, 1978), в которой с позиций марксистской социологии излагаются теоретические основы современной социолингвистики. Для более углубленного ознакомления с достижениями советских социолингвистов могут быть рекомендованы такие работы, как: В. А. Аврорин. «Проблемы изучения функциональной стороны языка (К вопросу о предмете социолингвистики)» (Л.: Наука, 1975), Л. Б. Никольский. «Синхронная социолингвистика (Теория и проблемы)» (М.: Наука, 1976); А. Д. Швейцер. «Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы» (М.: Наука, 1976), Г. В. Степанов. «Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи» (М.: Наука, 1976), Ю. Д. Дешериев. «Социальная лингвистика. К основам общей теории» (М.: Наука, 1977), «Социально-лингвистические исследования». Под ред. Л. П. Крысина и Д. Н. Шмелева (М.: Наука, 1976), «Социальная и функциональная дифференциация литературных языков». Отв. ред. В. Н. Ярцева и М. М. Гухман (М.: Наука, 1977), «Языковая политика в афро-азиатских странах». Отв. ред. Л. Б. Никольский (М.: Наука, 1977), «Проблемы языковой политики в странах тропической Африки». Отв. ред. Н. В. Охотина (М.: Наука, 1977) и др.

С результатами социолингвистических исследований в социалистических странах читатель может познакомиться по некоторым материалам, опубликованным в указанном выше сборнике «Социально-лингвистические исследования» и в реферативном сборнике «Теория и история языкознания. Проблемы зарубежной социолингвистики» (М.: АН СССР, 1976).

В работе Р. Белла достаточно точно отражено понимание целей и задач социолингвистики, характерное для тех направлений, на которые он ориентируется. Одним из первых эти задачи сформулировал У. Брайт, редактор одного из первых опубликованных в США сборников статей по вопросам социолингвистики. По его мнению, задачей социолингвистики является выявление посящего системный характер совместного варьирования языковой и социальной структур*. Однако, как отмечает Р. Белл, нечеткость этого определения, предусматривавшего лишь чисто коррелятивный подход к структурам языка и общества, с течением времени стала очевидной, и обнаружилось два принципиально различных подхода к проблеме «язык и общество». Согласно первому из них, именуемому «собственно социолингвистическим», задачей социолингвистики является расширение рамок лингвистического анализа за счет включения в него «грамматики» взаимодействия говорящего и слушающего. Второй подход, именуемый «социологией языка», предусматривает более широкие и далеко идущие задачи: интеграцию языковой и социальной структур в рамках знаковой теории, основанной на объединении языкознания с другими общественными науками и преследующей цель выяснить, каким образом знаки используются в контексте общественной жизни.

Наиболее универсальным Беллу представляется определение предмета социологии языка, даваемое американским социологом Р. Кьолсетом, характеризующим последнюю как комплексный, междисциплинарный, многоуровневый и основанный на множестве методов подход к изучению естественного, развертывающегося в определенной последовательности и обусловленного социальной ситуацией языкового поведения**.

Из сказанного следует, что социолингвистика, по Беллу, является, попросту говоря, лингвистикой, несколько расширившей свой предмет за счет включения в рассмотрение некоторых социально-коммуникативных аспектов речевого поведения, тогда как социология языка — это междисциплинарная область, преследующая более широкие цели.

* Bright W. *Introduction*. — "Sociolinguistics". The Hague, 1966, p. 11.

** Kjolseth R. *The Development of the Sociology of Language and its Social Implications*. — "Sociolinguistics Newsletter", III, 1972, p. 7—10, 24—29.

Думается, что противопоставление социолингвистики как лингвистической дисциплины, анализирующей социальные аспекты речевого взаимодействия, и социологии языка как междисциплинарного направления едва ли оправдано. Предлагаемое разграничение социолингвистики и социологии языка, по-видимому, продиктовано тем, что за последние годы в США и ряде западноевропейских стран социолингвистика занималась преимущественно микроуровневым анализом социально обусловленной вариативности речевого поведения, тогда как анализом более широких (макросоциологических) проблем занимались в основном социологи. Но такое положение явно не способствует решению основной задачи социолингвистики, а именно -- изучению всего комплекса социолингвистических проблем в рамках единого междисциплинарного направления. Проблема социолингвистического анализа речевого взаимодействия, которая закрепляется за собственно социолингвистикой как дисциплиной лингвистической, требует такого же междисциплинарного подхода, как и другие социолингвистические проблемы. Разделение же предметной области социолингвистики на собственно социолингвистику и социологию языка по сути дела закрепляет отсутствие достаточной координации усилий социологов и лингвистов. Ведь сам смысл существования междисциплинарных направлений, к числу которых относится или, по крайней мере, должна относиться социолингвистика, заключается в том, что они дают возможность увидеть то, что недоступно наблюдению с позиции лишь одной из взаимодействующих дисциплин. Синтез двух подходов (лингвистического и социологического), синтез теории, понятийного аппарата и исследовательских процедур позволяет гораздо глубже и разностороннее осветить природу явлений, лежащих в сфере перекрещивания интересов смежных дисциплин.

В рамках социологии языка интеграция социологического и лингвистического подхода осуществима, по мнению Р. Белла, на базе знаковой теории, предметом которой является использование знаков в общественной жизни. Думается, что такого рода семиотический подход в принципе возможен, хотя едва ли правомерно видеть в семиотике единственную основу комплексного решения проблемы «язык и общество». Здесь, по-видимому, сказывается тот «знаковый фетишизм», который получил значительное распространение в буржуазной науке и, в

частности, в социологии и который характеризуется абсолютизацией роли знаков и знаковых систем*.

В тех определениях предмета и задач социолингвистики, которые приводятся в книге Р. Белла, обращает на себя внимание усиленное подчеркивание поведенческих аспектов социолингвистики. Порой речь идет об обусловленном социальной ситуацией языковом поведении (Кьолсет), порой сами языковые проблемы, исследуемые социолингвистикой, рассматриваются как проблемы социального поведения (Лабов). Такого рода позиция неслучайна. В ней находит свое проявление определенная методологическая установка, характерная для ряда представителей тех социолингвистических течений, которые рассматриваются в этой книге.

Еще К. Пайк**, впервые предпринявший попытку перебросить теоретический мост от дескриптивизма к современной американской социолингвистике, предложил «унифицированную» модель языка в его социальном контексте на бихевиористской основе. Сохраняя верность бихевиористской традиции, он рассматривал язык как поведенческий феномен, описываемый в терминах бихевиористской модели «стимул-реакция». Ориентированная на шаблонизированное, строго регламентированное и поэтому более или менее предсказуемое речевое поведение в жестко заданных стандартных ситуациях, модель Пайка имеет весьма ограниченную объяснительную силу. Тем не менее бихевиористские идеи, получившие столь отчетливое воплощение в этой модели, продолжают находить свое выражение в работах многих американских и западноевропейских социолингвистов. Они лежат в основе самого понимания языка как одной из форм социального поведения, одностороннего подчеркивания поведенческих аспектов языка и культуры, чрезмерного акцентирования ритуальных и жестко регламентируемых социальной ситуацией форм общения.

Пожалуй, наиболее прямолинейно мысль о примате поведенческого аспекта в изучении языка и культуры была выражена еще Б. Малиновским, оказавшим значительное влияние на разработку лингвистических и социолингвистических проблем в первую очередь в Англии,

* Панфилов В. З. *Философские проблемы языкознания: Гносеологические аспекты*. М.: Наука, 1977, с. 74.

** Pike K. L. *Language in Relation to a Unified Theory of Human Behavior*. The Hague, 1967.

где его идеи нашли свое отражение в трудах его последователя Дж. Фёрса, а также в США, где они встретили благоприятный отклик у некоторых этнолингвистов.

В своей программной работе «Дилемма современной лингвистики»* Б. Малиновский выдвинул тезис, согласно которому язык является важнейшей формой человеческого поведения, которая должна исследоваться с ориентацией на социологию, а сама лингвистика должна стать составным элементом теории культуры.

В работах Б. Малиновского мы сталкиваемся со своеобразным решением проблемы «язык и речь». По его мнению, необходимо отказаться от этой соссюрдовской дихотомии, так как язык, как он полагает, представляет собой лишь «общую норму речевой деятельности». Единственным объектом лингвистического анализа должна быть речь, которая в полном соответствии с постулатами бихевиоризма рассматривается как совокупность навыков, как «стандартизованный тип деятельности человеческого организма» и как один из способов адаптации человека к среде и к механизмам культуры.

Любопытно, что эта методологическая установка перекликается с некоторыми современными работами, на которые ссылается в своей книге Р. Белл. Так, например, он отмечает, что некоторые социолингвисты вслед за философами Дж. Остином и Дж. Сёрлем не видят необходимости в дихотомии «компетенция — исполнение» или же «язык — речь», поскольку «исполнение» (речевая деятельность) также характеризуется наличием структуры, и более того, использование языка связано со знанием его, а компетенция идеального говорящего-слушающего (по Хомскому) является лишь частью этого знания. Задачей лингвистики является выявление «коммуникативной компетенции», которая охватывает не только знание грамматики, но и знание социальных норм общения.

Особенно созвучны идеям Б. Малиновского некоторые постулаты, выдвигаемые Дж. Сёрлем, который, исходя из того, что говорить на языке — это значит производить речевые акты, приходит к выводу о том, что речевой акт является не только основной единицей коммуникации, но и основным объектом языкознания, так как

* Malinowski B. *The Dilemma of Contemporary Linguistics*. — "Language in culture and society", New York, 1964, p. 63—65.

адекватное изучение речевых актов и есть адекватное изучение языка.

Сказанное выше никак не следует понимать как отрицание той важнейшей роли, которая вполне обоснованно придается изучению речевой деятельности и, в частности, речевых актов. Думается, что позиция некоторых зарубежных социолингвистов по этому вопросу является реакцией на теоретическую концепцию Хомского, который считал лишь компетенцию, понимаемую к тому же в узком смысле как интернализованные знания идеального говорящего-слушающего, достойным объектом лингвистического анализа, тогда как «исполнение» (performance), то есть речевая деятельность, фактически исключалась из рассмотрения как «неграмматичная» и хаотичная. Справедливо критикуя Хомского за сознательное игнорирование социального контекста языка, некоторые зарубежные социолингвисты сами допускают явное упрощение, строя модель языка, односторонне ориентированную на речь.

Особого рассмотрения заслуживает разрабатываемая некоторыми социолингвистическими направлениями теория коммуникативной компетенции (в противовес компетенции Хомского, понимаемой лишь как способность порождать грамматически отмеченные предложения). Коммуникативная компетенция означает способность не только порождать такие предложения, но и выбирать из них именно те, которые наиболее адекватно отражают социальные нормы поведения в данных актах речевого взаимодействия. В понимании социолингвистов компетенция — это не врожденная способность, как полагает Хомский, а способность, формирующаяся во взаимодействии с социальной средой в процессе приобретения социального опыта.

Таким образом, социолингвистам удалось внести ряд существенных коррективов в понятие компетенции. Выдвигаемая ими теория коммуникативной компетенции, несомненно, содержит рациональное зерно. Так, например, нельзя не согласиться с тем, что знание социальных норм употребления языка является не менее важным элементом владения им, чем знание его грамматических правил. Однако думается, что это положение может найти конкретное воплощение в теоретическом аппарате социолингвистики лишь на основе решительного размежевания с чуждыми самой сути социолингвистики методологическими принципами генеративизма,

игнорирующего общественную природу языка и конструирующего идеального говорящего (слушающего), сознание которого существует независимо от окружающего мира.

Нуждается в уточнении и само понятие компетенции. Думается, что упрек, в свое время адресованный Хомскому в смешении таких понятий, как «знание», «умение» и «навык»*, в значительной мере относится и к социалингвистам, оперирующим этим понятием.

Выше упоминалось существующее в американской и западноевропейской лингвистике разграничение микроуровневого и макроуровневого анализа социалингвистического материала. В зависимости от уровня социалингвистического анализа различаются микросоциалингвистика, в центре внимания которой находится индивид, взаимодействующий с другими членами малой группы в рамках речевых актов, и макросоциалингвистика, основным объектом которой является социальная группа, взаимодействующая с другими группами. Первое направление тесно смыкается с психологией и, в особенности, с социальной психологией. Для второго направления более существенны связи с социологией, этнографией, экономикой и другими общественными науками.

Книга Р. Белла выгодно отличается от множества других социалингвистических работ, опубликованных за последние годы в США и странах Западной Европы, тем, что в ней сочетаются оба подхода к социалингвистическому материалу, тогда как в других работах преобладает односторонняя микросоциалингвистическая или макросоциалингвистическая ориентация. Вместе с тем следует иметь в виду, что противопоставление микросоциалингвистики макросоциалингвистике носит в значительной мере условный характер. На самом деле оба подхода тесно смыкаются друг с другом. Попытки некоторых американских социалингвистов предложить микросоциалингвистический подход в качестве альтернативы подходу макросоциалингвистическому едва ли можно признать состоятельными**. В самом деле, учет макросоциологического контекста оказывается неизбежным даже в работах, ориентированных на межличностное взаимодействие в рамках малых групп. Для социалингвиста, стоящего на марксистских позициях, не может быть

* Hockett Ch. F. *The State of the Art*. The Hague, 1970.

** См. Gumperz J. J. *Language in Social Groups*. Stanford, 1971.

приемлем бытующий в буржуазной социологии взгляд на малую группу как на микрокосм большого общества.

Микросоциолингвистика может быть ценным дополнением к макросоциолингвистике, но никак не может заменить ее. Она может быть подлинно эффективной лишь в том случае, если она опирается на прочную макросоциологическую базу. Такую базу дает марксистская социология, которая рассматривает социальные структуры малых групп как производные от классовой структуры общества.

Нельзя не заметить, что освещаемые в книге проблемы действительно являются центральными для рассматриваемых в ней направлений зарубежной социолингвистики. Сюда относится в первую очередь проблема социально обусловленной вариативности языка. Именно этой проблеме посвящены первые главы книги. В свете ее рассматриваются такие важные вопросы, как границы предметной области, цели и задачи социолингвистики.

Тот акцент, который делается в книге Р. Белла на проблемах вариативности языка, не случаен. В значительной мере он объясняется неудовлетворенностью социолингвистов характерной для некоторых направлений структурализма и, в особенности, для дескриптивной лингвистики тенденцией рассматривать язык как единую и монолитную структуру и (по образному выражению У. Брайта, автора цитированной выше программной статьи) «заметать под ковер» социальную вариативность языка как «свободное варьирование». И в самом деле, одним из преимуществ социолингвистического моделирования языка по сравнению с таксономическими моделями дескриптивистов является то, что оно дает возможность анализировать языковые единицы не только как элементы инвариантных структур, но и как переменные величины, функционально зависимые от составляющих социальной структуры.

Разумеется, проблема вариативности языка далеко не исчерпывает предметной области социолингвистики. Но нельзя не признать, что она действительно является одной из центральных проблем этой дисциплины. И освещается она в книге Р. Белла достаточно полно и разносторонне. Автор знакомит читателя с разработанным У. Лабовым понятийным аппаратом теории вариативности. Здесь обращает на себя внимание дифференциация таких понятий, как «переменная» (отклонение от некоего абстрактного эталона) и «вариант» (конкретная реали-

зация переменной). Переменная может выступать в качестве индикатора тех или иных социально-демографических характеристик носителя языка или в качестве маркера, обнаруживающего ситуативно обусловленную стилистическую вариативность. В то же время некоторые переменные являются стереотипами и отражают устойчивые представления о нормах языка, которые порой расходятся с языковыми фактами. Автор различает вариативность, вызываемую внутриязыковыми процессами, и вариативность, вызываемую действием внешних факторов. Последняя включает межличностную вариативность, соотношенную с социально-демографическими категориями, внутриличностную вариативность, соотношенную со стилистической дифференциацией языка и с ситуацией общения, и наконец, так называемую «ингрентную вариативность» (*inherent variation*), которая является свободным варьированием в подлинном смысле этого термина. Кроме того, Р. Белл различает и уровни вариативности. Сюда относится, в частности, вариативность самой системы (например, инвентаря фонем того или иного диалекта или языка), вариативность дистрибуции одних и тех же языковых единиц, вариативность встречаемости этих единиц и, наконец, вариативность их реализации.

Не менее информативны разделы книги, посвященные описанию различных моделей вариативности, таких, как модель сосуществующих диасистем языка, разработанная У. Вайнрайхом, модель переменных правил Лабова, представляющая собой как бы социолингвистическое дополнение к порождающей грамматике, модель импликационного шкалирования, предложенная Бейли, и др. Думается, что, несмотря на свои недостатки, эти теоретические модели могут найти применение при описании некоторых аспектов социально обусловленной вариативности языка.

Особый интерес представляют разделы книги, посвященные функциональным моделям языка. Автор знакомит читателя с моделями языка, используемыми в теории информации, социологии и социальной психологии. Вполне обоснованным представляется его вывод о том, что картина языка, которую рисуют эти модели, кажется крайне упрощенной. Стремясь конкретизировать некоторые исходные понятия функционального моделирования языка, Р. Белл вносит уточнения в некоторые термины. Так, например, он пытается выяснить, что сле-

дует иметь в виду, когда речь идет о каналах коммуникации, используемых говорящим и слушающим, о характере информации, передаваемой по этим каналам, о ситуативных ограничениях, влияющих на выбор того или иного канала, об информативном содержании речевого акта.

Р. Белл признает, что предлагаемые им подходы к этой сложной проблеме являются лишь первым приближением к ее адекватному решению и поэтому должны рассматриваться как промежуточный этап научного поиска. Ответы на поставленные им вопросы оказались гораздо сложнее, чем это первоначально представлялось. Так, например, устанавливаемые им корреляции между выбором канала коммуникации и содержанием информации носят, по его признанию, чисто условный характер. Среди нерешенных вопросов автор называет необходимость уточнения понятия «функция» применительно к языку, расширения коммуникативной модели языка, с тем чтобы она отражала не только процессы межличностной коммуникации, но и коммуникацию внутри больших социальных групп и между группами.

Автор пересматривает традиционную классификацию функций языка, различающую три функции — когнитивную, оценочную и аффективную, и выделяет вслед за Хэллидеем три основные «макрофункции», связанные с выражением опыта, межличностной коммуникацией и структурированием речевого акта. Думается, что автор прав, полагая, что и эта модель носит весьма условный характер. В самом деле, как видно из самого перечня «макрофункций», они относятся не к языку вообще, а лишь к порождению речевого высказывания, к процессу двусторонней коммуникации между говорящим и слушающим.

Автор подробно останавливается на «правилах» социального использования языка. По его мнению, для адекватного описания языка необходимо сочетание двух видов «правил» — категорических, присущих закрытым системам, и переменных, присущих открытым системам и носящих вероятностный характер.

В книге отмечается взаимодействие разных дисциплин — философии, социальной психологии и языкознания, стремящихся, каждая со своих позиций, эксплицировать понятие правила применительно к социальному функционированию языка. Сравните правила речевого акта у Сёрля, правила обращения у Эрвин-Трипп, прави-

ла дискурса у Лабова. Все они отражают, по мнению Р. Белла, различные аспекты речевого взаимодействия.

Для того чтобы расширить рамки функциональной модели языка за пределы диады «говорящий/слушающий», автор вводит понятия социальной группы, социальных ролей и кодов, а также коммуникативных систем, используемых группой. Интересна попытка установить зависимость между выбором кода, с одной стороны, и принадлежностью к первичной или вторичной социальной группе, с другой. Автор вполне обоснованно усматривает аналогию между «переключением кода» у одноязычных носителей языка, выражающуюся в стилистическом варьировании, и у билингвов, попеременно использующих разные языки. В основе такого переключения лежит изменение ролевых отношений между участниками коммуникативного акта.

В книге резюмируются материалы многих исследований, посвященных проблемам билингвизма, его типам, механизмам переключения кода и интерференции при билингвизме. Обращается внимание на соотношение сфер использования взаимодействующих языков как на важнейшую социалингвистическую характеристику билингвизма. Кроме того, ставится вопрос о соотношении между языком и культурой в двуязычной ситуации, о соотношении между билингвизмом и диглоссией, а также о правилах переключения кода при билингвизме. Особый интерес в этой связи представляют наблюдения относительно иноязычных лексических вкраплений, «слов-переключателей», стимулирующих переключение кода, и т. п.

Раздел, посвященный билингвизму и диглоссии, служит как бы связующим звеном между микросоциалингвистическими и макросоциалингвистическими проблемами, освещаемыми в книге Р. Белла. В заключительной части книги в центре внимания находятся проблемы макросоциалингвистики, среди которых видное место занимает проблема функциональной типологии языков. Автор детально описывает типологические модели Стюарта (1962 и 1968 гг.) и Хаймса (1971 г.). Думается, что этот раздел книги выиграл бы, если бы автор включил в него материалы многочисленных работ советских ученых, посвященных описанию и классификации различных форм существования языка.

Характерной чертой функциональных типологических моделей является то, что в их основу положены не те

или иные формальные или структурные признаки, а признаки социалингвистические, основанные на социальных функциях и социальных установках. Сам автор признает, что точки отсчета шкал, используемых авторами рассматриваемых им типологических моделей, установлены весьма произвольно. И это не удивительно, поскольку речь идет о признаках, часть которых базируется на субъективно-оценочных категориях. Существенным недостатком этого раздела является то, что автор проходит мимо того вклада, который внесли в разработку этой проблемы советские ученые.

Читатель найдет немало интересных сведений в разделе, посвященном проблеме пиджинизации и креолизации языков. Пиджины и креольские языки рассматриваются как особый случай взаимодействия языков в результате языковых контактов в условиях, способствующих ускоренному развитию аналитизма. С социалингвистической точки зрения креольские языки и пиджины отвечают ряду признаков «первых» (или родных), а также «вторых» (или неродных) языков. Подобно первым, они обладают всеми необходимыми нормами, а подобно вторым — редуцированной структурой.

Наконец, в книге освещается комплекс проблем, связанных с типологией языковых ситуаций и с языковым планированием. Автор знакомит читателя с разнообразными социальными и социально-демографическими факторами, влияющими на языковую ситуацию в условиях многоязычия, с принципиально важным разграничением ситуаций, характеризующихся эндоглоссией и экзоглоссией, то есть выбором местного или неместного языка в качестве национального или официального языка данной общности.

Думается, что в этом разделе наиболее остро ощущается необходимость учета богатого опыта советских лингвистов в решении многообразных теоретических и практических вопросов языковой политики и языкового строительства. Так, например, автор подробно излагает предлагаемую американским социалингвистом Дж. Фишманом классификацию различных видов языковой политики. В качестве основного и определяющего фактора здесь фигурирует наличие или отсутствие у данной общности достаточной культурно-исторической и, в частности, литературно-письменной традиции. Вместе с тем опыт языкового строительства в Советском Союзе и, в частности, создания литературных языков у народов,

которые в сравнительно недалеком прошлом были бесписьменными, убедительно свидетельствует о том, что решающая роль в этом отношении принадлежит обществу, создающему соответствующие условия для решения проблем культурного строительства.

Не следует забывать и о том, что в условиях многонационального государства языковая политика является одним из важнейших компонентов национальной политики. Языковая политика, проводимая в Советском Союзе, является наглядным воплощением ленинских принципов национальной политики — равноправия наций, последовательного демократизма, интернационализма, политики, подчиненной интересам трудящихся и целям социального прогресса.

Следует отметить, что в предлагаемой автором трактовке вопросов языковой политики и языкового строительства сказывается ориентация на буржуазную социологию и, в частности, на известную «теорию элиты», призванную замаскировать классовую структуру современного буржуазного общества. Так, например, Р. Белл гипертрофирует роль элиты, понимаемой как совокупность представителей правящих и деловых кругов, политических деятелей, высших государственных служащих, военных, духовенства и др. (независимо от их классовой принадлежности), в определении языковой политики. Такая трактовка явно противоречит марксистскому пониманию политики вообще и языковой политики в частности, поскольку она исходит из непризнания классовой природы последней.

Социолингвисты давно ощущали необходимость в выработке единого метаязыка, который давал бы возможность однозначно и лаконично описывать языковую ситуацию в многоязычном обществе и на этой основе проводить те или иные сопоставления. С этой целью была предложена классификационная схема Фергюсона, дающая, казалось бы, возможность в сжатой форме охарактеризовать языковую ситуацию с помощью цифровых и буквенных символов.

Однако схема Фергюсона имеет ряд существенных недостатков. Прежде всего, обращает на себя внимание использование в ней некоторых понятий, основанных на механическом соединении весьма разнородных признаков. Сюда относится, в частности, деление языков на «крупные» и «малые» на основе весьма произвольного

сочетания количественных и качественных критериев. Другим существенным недостатком этой схемы является то, что она исходит из официального статуса того или иного языка, не учитывая разницы в их фактическом положении. Так, например, эта схема ставит знак равенства между испанским и каталанским языками в Испании, английским и французским языками в Канаде и т. п.

Серьезным просчетом этой схемы является также и то, что она никак не учитывает социальную иерархию языковых систем и, соответственно, иерархию языковых коллективов, использующих эти системы. В качестве ключевого понятия здесь могло бы быть использовано понятие «нация» (в его марксистской интерпретации), которое является точкой пересечения двух понятийных рядов: ряда, включающего социальные категории внутри одной нации — от малой группы до нации в целом, и ряда, включающего этносоциальные категории «народ», «народность», «этническая группа». Последний ряд лежит в основе дифференциации таких понятий, как «язык народности», «язык народа» и «национальный язык».

Несомненной заслугой советских языковедов является то, что, разработав, опираясь на марксистскую концепцию нации, понятие национального языка, они рассматривают последний не как вневременную, а как историческую категорию, возникшую в условиях экономической и политической концентрации, характеризующей формирование нации. Понятие национального языка как сложной системы, включающей разнообразные формы существования языка от литературного языка до региональных койне и местных диалектов, рассматривается советскими социалингвистами как ключевое понятие, лежащее в основе социалингвистического описания языковых ситуаций.

В заключительной главе Р. Белл, резюмируя содержание предыдущих глав, ставит ряд важных методологических и теоретических вопросов, имеющих первостепенное значение для современной социалингвистики, и намечает некоторые перспективы ее дальнейшего развития. Здесь, в частности, приводятся интересные соображения У. Лабова о возможности использования социалингвистических наблюдений над современными языковыми процессами для объяснения некоторых данных истории языка. Представляют значительный практический интерес замечания автора относительно возможных источников ошибок в ходе опроса информантов, а также

относительно представительности анализируемой социолингвистом выборки.

Не менее важной является проблема теоретической адекватности социолингвистического описания, отношения эмпирических данных к теории. Думается, что, правильно отмечая ограниченность объяснительной силы некоторых теоретических моделей современной социолингвистики, автор в то же время делает не вполне правомерный вывод о том, что в обозримом будущем социолингвистика сможет осуществлять лишь эмпирические исследования, основанные на чистой индукции. Сам автор прекрасно понимает слабость такого рода подхода, который, как он отмечает, в своей крайней форме может дать лишь списки наблюдаемых явлений и таксономий. Как и всякая научная дисциплина, социолингвистика должна строиться на основе гармонического сочетания индукции и дедукции. В этой связи уместно вспомнить слова Энгельса о связи индукции и дедукции. «Вместо того, — писал он, — чтобы односторонне превозносить одну из них до небес за счет другой, надо стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если не упускать из виду их связь между собой, их взаимное дополнение друг друга».*

Р. Белл, несомненно, прав, считая, что социолингвистика может внести существенный вклад в языкознание, этнографию, социологию и психологию. Интересен его вывод о той роли, которую может сыграть лингвистика и, в особенности, анализ дискурса в качестве связующего звена между языкознанием и социолингвистикой. Нельзя не согласиться с ним и тогда, когда он считает неизбежным известное влияние социолингвистики на все языкознание, хотя бы в силу того, что отказ от структуралистских догм, требовавших исключения из рассмотрения значения, и реабилитация значения в качестве объекта лингвистического анализа влекут за собой анализ социальных признаков.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что Р. Белл написал полезную и достаточно информативную книгу. Прочитав эту книгу, советский читатель получит достаточно полное представление о некоторых направлениях современной социолингвистики, разрабатываемых, главным образом, в США и Англии. На работах

* Энгельс Ф. *Диалектика природы*. М.: Изд. полит. лит., 1969, с. 196.

представителей этих направлений сказывается противоречивость и ограниченность их методологической ориентации*. Вместе с тем следует иметь в виду, что многие из предлагаемых ими теоретических решений и аналитических процедур, будучи поставленными на прочную методологическую основу марксистской социологии, смогут принести пользу в решении комплексной проблемы «язык и общество».

А. Д. Швейцер

* Подробнее см.: *Философские основы зарубежных направлений в языкознании*. Отв. ред. В. З. Панфилов. М.: Наука, 1977, с. 204—256.

Содержание

<i>Список иллюстраций</i>	25
<i>Введение</i>	26
1. Проблемы и принципы изучения вариативности	
1.1 Типы научного описания	31
1.2 Язык	34
1.3 Проблема вариаций в языке	36
1.4 Границы социолингвистики	41
1.5 Цели и проблемы социолингвистики	47
1.6 Заключение	51
2. Модели для описания вариаций в языке	
2.1 Типы вариаций	53
2.2 Уровни вариаций	59
2.3 Модели и вариации	62
2.4 Альтернативные модели	70
2.5 Заключение	87
3. Функциональные модели языка: компоненты	
3.1 Функциональные модели языка в его употреблении	88
3.2 Каналы и содержание коммуникации	97
3.3 Компоненты коммуникативной ситуации	105
3.4 Функции языка	113
3.5 Заключение	119
4. Функциональные модели языка: правила и динамика	
4.1 Типы правил	121
4.2 Правила употребления языка	124
4.3 Группы, роли и коды	137
4.4 Кодовое переключение	147
4.5 Заключение	151

5. Переключение кодов: билингвизм и диглоссия	
5.1 Двухязычный индивид	154
5.2 Билингвизм и сферы употребления	171
5.3 Диглоссия	175
5.4 Языковые континуумы	179
5.5 Правила билингвального кодового переключения	186
5.6 Заключение	191
6. Языковые типы: формальные и функциональные типологии	
6.1 Формальные типологии языков	192
6.2 Функциональные типологии языков	195
6.3 Диапазон разновидностей английского языка	201
6.4 Пиджинизация и креолизация языков	208
6.5 Заключение	214
7. Языковое планирование: языковые общности и политика	
7.1 Использование языка в многоязычных обществах	216
7.2 Цели	222
7.3 Типы языковой политики	226
7.4 Языковое планирование в трех несхожих ареалах	230
7.5 Национальные социолингвистические профили	240
7.6 Заключение	245
8. Общий обзор и будущие перспективы	
8.1 Некоторые аксиомы и проблемы социолингвистики	247
8.2 Дискурс: ситуативно обусловленное употребление языка	268
8.3 Коммуникативная компетенция	272
8.4 Отношения между социолингвистикой и другими дисциплинами	282
8.5 Заключение	298
<i>Библиография</i>	301

Список иллюстраций

РИС.

2.1 Социолингвистические переменные	55
2.2 Гласные Трэгера-Смита	73
2.3 Компоненты модели	78
2.4 Гипотетическая шкала Гутмана	83
2.5 Пример волны Бейли	85
2.6 Шкала языковой вариации	86
3.1 Модель теории информации	89
3.2 Пересмотренная модель теории информации	90
3.3 Антропологическая модель	92
3.4 Социологическая модель	94
3.5 Социально-психологическая модель	96
3.6 Каналы коммуникации	101
3.7 Отношения между каналом и содержанием	104
3.8 Типы средств коммуникации	108
3.9 Типы дискурса	109
3.10 Аспекты и функции по Якобсону	115
3.11 Ситуации и языковые системы	118
4.1 Английские формы обращения в диадах	129
4.2 Логическая схема использования проигрывателя	131
4.3 Американская система обращения	132
4.4 Социальные отношения	140
4.5 Сети	144
4.6 Рольевые отношения	148
5.1 Язык: порядок усвоения и использования	155
5.2 Лингвистическая модель билингвизма	158
5.3 Межъязыковая идентификация 1	166
5.4 Межъязыковая идентификация 2	167
5.5 Конфигурация преобладания	172
5.6 Билингвизм и бикультуризм	174
5.7 Гайанский континуум 1	180
5.8 Гайанский континуум: шкала 1	182
5.9 Гайанский континуум 2	183
5.10 Гайанский континуум: шкала 2	184
5.11 Гайанский континуум: шкала 3	185
6.1 Социолингвистическая типология 1	197
6.2 Социолингвистическая типология 2	198
6.3 Социолингвистическая типология 3	200
8.1 Коммуникативная компетенция	279

Введение

Эта книга является плодом десяти лет преподавания социалингвистики на уровне старших курсов и аспирантуры отделения лингвистики Ланкастерского университета. В ней представлено большинство тем, затронутых в курсах социалингвистики для студентов, у которых основным или второстепенным предметом были либо социалингвистика, либо английский язык, сопровождающиеся обычно еще одним предметом гуманитарного цикла (иностран- ный язык, история, философия и т. п.) или одной из «со- циальных наук» (психология, социология и т. п.).

Оказалось, что включенные сюда темы вызывают постоянный интерес студентов, обусловленный главным образом тем, что благодаря своему междисциплинарно- му характеру социалингвистика образует естественный мостик между гуманитарными науками, с одной сторо- ны, и социальными — с другой. Следует, однако, преду- предить читателя, что эта книга — отнюдь не вводный учебник. Предполагается, что читатель уже знаком с техникой и принципами современной дескриптивной лингвистики и умеет оперировать фонемной транскрип- цией, а также основными положениями и методами грам- матического и семантического анализа.

Общий принцип, лежащий в основе этой книги, состо- ит в формулировке оснований построения модели, при- менении моделей к анализу данных в микро- и макроси- туациях и в акцентировании того, каким образом эта процедура соотносит интересы лингвиста, занимающего- ся социальными функциями языка, с интересами ученых в других социальных науках. Данный подход является, следовательно, кумулятивным и вряд ли может рекомен- доваться преподавателям, желающим найти норматив- ный учебник. Мы твердо убеждены, что на нынешнем этапе развития социалингвистики отдельный препода- ватель достигнет наиболее удовлетворительных резуль-

татов скорее путем построения своего собственного курса на основе личного опыта и легко доступных пособий (см. ниже), нежели полагаясь на тот или иной учебник. Эта книга, вероятнее всего, может рекомендоваться как обзорный текст, дающий совокупную картину данной области в целом, тот общий взгляд, который нередко теряется в ходе изучения полемики о целях, методах и проблемах социалингвистики.

Построение книги отражает переход от микроуровня социалингвистического объяснения — функции языка у индивида, в диадическом и групповом взаимодействии (малые группы) — к макроуровню языкового выбора в больших группах и совокупностях, вплоть до уровня нации или государства. Если иметь в виду соотношение данной тематики с другими социальными науками, то нетрудно заметить, что первые разделы книги представят наибольший интерес для изучающих психологию и социальную психологию, центральные разделы — для социологов и антропологов и заключительные разделы — для работающих в области теории планирования, управления и политики.

Поскольку эта книга преследует цель интегрирования материала, почерпнутого из разных источников, и различных подходов к проблеме, каждая глава делится на подразделы, оканчивающиеся резюме, и каждая глава содержит заключение, в котором представлены основные моменты изложенного в ней вопроса. Мы надеемся, что такое построение книги облегчит пользование ею и как критическим обзором, и как средством создания новых обзорных курсов отдельными преподавателями.

Выше упоминались пособия и введения в социалингвистику, поэтому представляется полезным кратко охарактеризовать наличную литературу такого рода и тем самым определить, как и в чем эта книга дополняет предшествующие.

Пять введений в социалингвистику опубликованы в течение последних пяти лет: книга Дж. Фишмана [Fishman, 1970], который «пытается дать концептуальное обобщение социалингвистической литературы.., с тем чтобы микросоциалингвистика, макросоциалингвистика и прикладная социалингвистика могли пониматься во взаимосвязи, а не как отдельные уровни или области анализа» (ibid., с. XI); книга Р. Берлинга [Burling, 1970], отражающая подход автора к предмету как антрополога, интересующегося «языком и культурой», но пытающегося

исследовать «нелингвистические факторы, влияющие на использование нами языка»; книга Дж. Прайда [Pride, 1971], написанная с точки зрения лингвиста, ищущего «более непосредственную... ориентацию человека на социальное и культурное окружение» (с. 106), чем это принято в лингвистике; книга У. Робинсона [Robinson, 1972], написанная с позиций социального психолога, стремящегося «достичь некоторой перспективы, которая могла бы стать удобной канвой изучения связи между языком и социальным поведением» (с. 15); наконец, книга П. Траджилла [Trudgill, 1974], который, как и Прайд, подходит к предмету с позиций лингвиста, но при этом лингвиста, имеющего существенный опыт в диалектологии; он различает, с одной стороны, «собственно социолингвистику», представляющую собой такое «изучение языка в его социальном контексте, которое связано главным образом с ответом на вопросы, интересные для лингвиста,— например, как мы можем улучшить наши теории о природе языка или как и почему язык изменяется», и, с другой стороны, «социологию языка», которая в большей мере связана с тем, «как люди в различных общностях реально пользуются языком; а также с социальным, политическим и педагогическим аспектами отношения между языком и обществом» (с. 33).

Настоящая книга по своей ориентации находится, по-видимому, между книгами Фишмана и Траджилла, так как она стремится охватить как социологию языка, так и социолингвистику. От указанных работ она отличается прежде всего тем, что в ней подчеркивается (особенно в первых главах) необходимость адекватных моделей для объяснения социального использования языка и важность создания отчетливых связующих звеньев между теориями, моделями и дескриптивной техникой социальных наук, с одной стороны, и лингвистики, с другой.

В дополнение к общим введениям в социолингвистику, имеются также сборники статей, обычно в основе своей материалы конференций,— см. Sebeok (1960), Brazzaville (1964), Shuy (1964), Bright (1966), Fishman et al. (1968), Whiteley (1971), Hymes (1971), охватывающие широкий круг вопросов от стилистики до билингвизма и педагогического значения использования нестандартизованных диалектов.

Некоторые ученые, например, Дж. Гринберг [Greenberg, 1971] и С. Эрвин-Трипп [Ervin-Tripp, 1973], опубликовали недавно собрания своих наиболее важных статей

или издали в отдельных томах оригинальные работы других авторов (например, [Dance, 1967]), но до сих пор наиболее частой формой публикаций по социолингвистике остаются «хрестоматии», начиная с изданий Д. Хаймса [Hymes, 1967] и Фишмана [Fishman, 1968] и кончая такими последними изданиями, как Fishman (1971), Bailey and Shuy (1973), Giglioli, Gumperz and Hymes (1972), Laver and Hutcheson (1972), Pride and Holmes (1972), Turner (1972).

В этой связи мы можем лишь повторить высказанное выше предложение: любому преподавателю легко доступен широкий ассортимент книг, из которых он может отбирать то, что необходимо ему для иллюстрации положений, содержащихся в его курсе. Настоящая книга — один из возможных образцов такого подхода к анализу проблем социального использования языка, и мы надеемся, что она окажется полезной.

Проблемы и принципы изучения вариативности

Поскольку эта книга представляет собой попытку обрисовать относительно новый в лингвистике подход к описанию вариаций в языке, известный как социолингвистика, необходимо с самого начала оговорить, что мы считаем «языком» и в каком отношении к нему находится «лингвистика». Можно принять в качестве определения лингвистики что-нибудь вроде «научного изучения языка» [Lyons, 1968, 1] и рассмотреть, каковы могли бы быть задачи такого изучения и как «научное» и «язык» могут по-разному трактоваться, видоизменяя тем самым цели того или иного лингвиста или лингвистической школы, пытающихся построить общую теорию, которая охватила бы добытые знания о языке.

Язык изучался на протяжении многих веков разными дисциплинами с использованием самых разнообразных, нередко контрастных, подходов: на древнем Востоке — Китай и Индия, в античной Европе — Греция и Рим, в средневековой и современной Европе [Robins, 1967], но можно выделить два коренным образом отличающихся допущения о природе языка, лежащих в основе всех разновидностей подхода к его изучению. В сущности язык может рассматриваться либо как (1) «система сигналов, соотносящихся с правилами, которые составляют его грамматику» (Greenberg, 1971, 1), т. е. как чистый код или коммуникативная система, либо как (2) «набор передаваемых через культуру моделей поведения, общих для группы индивидов» [там же], т. е. как код, образующий часть «культуры».

Ясно, что лингвист, принимающий первое определение или некоторую его разновидность, будет считать своей задачей спецификацию составных частей кода и описание процессов, посредством которых соответствующие множества символов могут комбинироваться для построения «сообщений». Он будет в своей работе искать

близкие параллели с тем, что делается в теории коммуникации и символической логике, ставя во главу угла систему *per se* и избегая рассмотрения использования этой системы людьми, что будет аргументироваться им ссылкой на принадлежность данного вопроса к области социальной или «поведенческой» науки.

Ученый же, которому более по вкусу придется второе определение языка, будет стремиться соотнести формы кода с социальными функциями, находя параллели в области социальной психологии и социологии, а когда исследовательские интересы приведут его к попытке связать языковой выбор с состоянием развития нации или общества в целом, то и в области политических наук.

В этой главе дается обзор некоторых допущений «чистой» лингвистики и показывается, как социолингвистика ставит их под сомнение, а также отчасти излагается сущность основных подразделений внутри социолингвистики, упомянутых выше.

Термин «научный» в течение долгого времени также интерпретировался по-разному, и это неизбежно накладывало отпечаток на лингвистику как на научную дисциплину. Достаточно сказать прежде всего, что в то время как в XIX веке были заняты, по существу, историческим изучением развития языка во времени и пытались сформулировать законы языковой эволюции, подобные по форме биологическим теориям Дарвина, в XX веке в общем отказались от динамического эволюционного подхода и сосредоточились на описании конкретных языковых систем в произвольно выбранной временной точке, зачастую в настоящем,— статического *état de langue*, вневременного «состояния языка», из которого время как значимая переменная исключается.

Ниже мы рассмотрим некоторые типы научного описания, в отношении которых можно показать, что, хотя они свойственны науке вообще, их очевидная значимость для лингвистики видна не только в развитии ее как дисциплины, но и в существующих разногласиях между лингвистами по фундаментальным вопросам о границе их области исследований и о средствах, необходимых для достижения ими своих целей.

1.1 ТИПЫ НАУЧНОГО ОПИСАНИЯ

В философии науки (ср. Nagel, 1961, 20 сл.) стало избитым фактом выделять по крайней мере четыре явно раз-

личных типа научного объяснения, которые зависят от принятого понимания природы того, что подлежит объяснению, и которые в свою очередь влияют на типы теорий и моделей, считающихся наиболее подходящими для такого объяснения. Все четыре типа, как можно заметить, используются либо использовались в лингвистических объяснениях феномена языка.

1.1.1 Дедуктивные объяснения

Вероятно, наиболее легко признаваемо научное объяснение, имеющее формальную структуру дедуктивного доказательства, в котором объект объяснения рассматривается как логически необходимое следствие предпосылок объяснения. Такие дедуктивные модели наиболее типичны для естественных наук; например, объяснение того феномена, что лед плавает в воде, будет содержать в качестве предпосылок закон Архимеда и определение льда как разновидности «тела», а воды — как разновидности «жидкости», вследствие чего эти две субстанции (лед и вода) должны подчиняться указанному закону. Лингвистика нашего века обнаруживает решительный сдвиг в сторону принятия дедуктивных принципов в попытках объяснения языка, приближаясь тем самым в своих целях и методах к естественным наукам, но достигается это, как мы увидим ниже, такой ценой, что социолингвистика об этом особенно сожалеет. Следовательно, дедуктивный подход в лингвистике в сущности обрекает лингвиста на поиски универсальных абстрактных истин о языке, от которых он переходит, через последовательности правил, к установлению конкретных фактов — движение от общих и — в идеале — универсальных свойств языка *per se* к специфическим фактам реального языка. Мы убедимся ниже, что такой подход предполагает каждый раз строгую оговоренность степени абстракции и сохранение необходимой дистанции между наблюдаемыми данными и абстракциями, которые на них постулируются.

1.1.2 Вероятностные объяснения

Многие науки занимаются не утверждением логически необходимых истин, а вероятностным объяснением явлений. В то время как дедуктивное доказательство строится на утверждениях типа «если дан *x*, то следует *y*», вероятностное объяснение формулируется в терминах ве-

роятности следования *y* при наличии *x* и, таким образом, существенно зависит от статистических данных. В последних работах по социолингвистике широко используются вероятностные объяснения. Это особенно заметно в тех случаях, когда исследователь пытается объяснить соотношение между выбором конкретного языка или языкового варианта и принадлежностью говорящих к определенному социально-экономическому классу или их особыми склонностями. Такой подход делает необходимыми весьма различные допущения о степени абстракции и обнаруживает, как увидим, непосредственную заинтересованность ключевой проблемой языковой вариативности.

1.1.3 *Функциональные объяснения*

С вероятностными объяснениями связаны, хотя и отличаются от них в основных допущениях, функциональные, или телеологические объяснения, предполагающие возможность объяснения свойств в терминах их функций или назначения, например, наличие длинной шеи у жирафа связывается с необходимостью доставания листвы с высоких ветвей дерева. Биологические и социальные науки обычно прибегают к такого рода объяснениям, и в той мере, в какой социолингвистика стремится установить корреляции между языковой и социальной структурой (в самом широком значении этого термина), социология языка должна придерживаться подобной ориентации. В гл. 3 (3.1) будет показано, какое решающее значение имеют для социолингвистики функциональные объяснения, и главной задачей этой книги в целом является в действительности попытка очертить такую модель, т. е. правила использования языка.

1.1.4 *Генетические объяснения*

Четвертый тип объяснения — генетический — был особенно популярен в XIX веке, когда развитие языков из некоторого гипотетического «прапредка» до их современных форм объяснялось, *post facto*, в терминах набора инвариантных «законов», например, Гримма или Грасмана. Хотя эти законы ограничивались почти исключительно сферой фонологии, они были, однако, в высшей степени правомерны и приводили к реконструкции исторически предшествующих «протоязыков», лежащих в ос-

нове языковых «семей», в частности индоевропейской, которая охватывает большинство языков Европы и северной части Индийского субконтинента.

1.1.5 Резюме

Итак, можно отметить несколько существенных различий, всплывающих при сравнении четырех типов объяснений. Между ними наблюдается сдвиг акцентов как в отношении оси статики — динамики, так и в отношении степени абстракции и логического расстояния между теорией и первичными наблюдаемыми фактами, подлежащими объяснению. Действительно, первый подход, постулирующий существование механической системы, полностью исключает время, в отличие от трех остальных, включающих время как значимую переменную и тем самым допускающих возможность объяснения прошлых состояний системы и «предсказывание» будущих. Мы увидим в дальнейшем, что эти четыре подхода к объяснению лингвистических фактов имеют важные последствия для целей, преследуемых учеными всевозможных направлений, и для моделей, которые они строят в процессе такого объяснения.

1.2 ЯЗЫК

Как было сказано в предыдущем разделе, четыре типа научного объяснения выводятся из допущений о природе объекта описания. Применительно к лингвистике, следовательно, различия в подходе зависят от понимания природы языка. То, как лингвист строит свое описание и объяснение феномена, именуемого «язык», зависит от его ответа, выраженного явно или подразумеваемого, на вопрос «что такое язык?» Существуют два диаметрально противоположных определения языка (см. выше), заслуживающих более подробного рассмотрения.

В прошлом веке на этот вопрос давался недвусмысленный ответ: «язык есть изменение» — в полном соответствии с бывшими в ходу генетическими объяснениями и с целями, стоявшими перед тогдашней лингвистикой: реконструкция «первоначальной» формы засвидетельствованных языков, существование которой предполагалось для некоторого определенного момента в прошлом. По причинам, которые станут ясными в дальнейшем, историческая лингвистика оказалась в XX веке менее мод-

ной, хотя отнюдь не прекратила своего существования: мало кто из студентов-англистов в университете не изучает хоть в небольшом объеме историю родного языка, какой бы строгой ни была ориентация отделения на литературную критику или современную лингвистику.

На протяжении XX столетия, в основном под влиянием Соссюра (см. ниже 1.3.1), язык рассматривался как «объект», доступный описанию посредством дедуктивных методов, подобных методам естественных наук. Точнее говоря, язык понимался как система со своими собственными компонентами и отношениями, описываемая в себе и для себя безотносительно к особенностям ее использования. Соссюр был совершенно непреклонным в своем требовании автономности лингвистики: «единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в себе и для себя» [Saussure, 1915, 317].

Короче говоря, в первой половине текущего столетия большинство лингвистов отвернулось от изучения внешних аспектов изменения и использования языка, чтобы сосредоточить внимание на внутренних свойствах языка как системы и структуры, а не как формы социального поведения человека. Это не означает, что изучение языка в его социальном контексте умерло с последним европейским исследователем риторики в XIX веке; попытки соотносить языковые формы с социальными функциями, безусловно, продолжались, но в основном как приложения к социологическим, педагогическим или психологическим разысканиям. Единственной значительной группой лингвистов (помимо таких представителей «антропологической лингвистики», как Фёрс и Малиновский в Великобритании и Сепир и Уорф в США), по-прежнему занимающихся внешними аспектами употребления языка, были диалектологи, о которых нам придется поговорить ниже (см. 1.4.1). Однако даже они стремились ограничиться в своих целях стойкой исторической традицией, на которой большинство из них было воспитано, и это обстоятельство имело своим результатом то, что их описания диалектов были почти без исключений ориентированы не на город, а на деревню — на «сохранение» речи старшего поколения и на выяснение степени выживания старых речевых форм в изолированных общностях (см. [Orton, 1962]).

Корнем всех проблем, с которыми сталкивается лингвист при выборе рабочего определения языка и методологии его исследования, является удивительно сложная и двойственная природа самого языка. Он представляет собой высокоструктурированную абстрактную систему, общую для всех членов речевого коллектива, но проявляющуюся лишь в виде индивидуального поведения, и в то же время явно подверженную капризу идиосинкразии. С такой дилеммой сталкиваются не только лингвисты. Равным образом социопсихолог видит в социальном взаимодействии «увлекательный и обескураживающий объект изучения: с одной стороны, оно непосредственно и знакомо, с другой — загадочно и невыразимо; похоже, что нет ни слов, чтобы описать его, ни понятий, чтобы с ним оперировать» [Argyle, 1967, 85].

Ввиду этого обстоятельства большинство современных исследователей языка предпочитает ограничиваться описанием кода — его синтаксиса, а в последнее время и семантики; при этом вариации, которые не удается объяснить исходя из структуры кода, в худшем случае игнорируются, а в лучшем — именуются «свободными вариациями».

Небесполезно, следовательно, напомнить некоторые основные аксиомы, на которых покоится дескриптивная лингвистика XX века, и указать, почему социолингвист не может далее считать их бесспорными.

1.3.1 Некоторые аксиомы дескриптивной лингвистики

Большинство представителей дескриптивной лингвистики опирается на два ключевых положения, которые восходят, несмотря на относительно незначительные уточнения, к Ф. де Соссюру [Saussure, 1915]. Они могут быть сформулированы — правда, в несколько экстремальной форме — следующим образом:

1. Имеется дихотомия между *langue* 'язык' (код, которым пользуется данная речевая общность) и *parole* 'речь' (реальное употребление языка). И коль скоро эта дихотомия признана, вместе с допущением, что *parole* недостаточно хорошо структурирована, *langue* становится для лингвиста единственным подходящим объектом изучения.

2. Имеется дихотомия между *синхроническим* и *диахроническим* описанием, или описанием статического состояния и динамической системы. По существу, это положение следует из дихотомии *langue* — *parole*, но мотивировалось оно, особенно у Соссюра, стремлением отрешиться от исторической ориентации лингвистики прошлого века. В связи с этим лингвистическое описание стало определяться как *синхроническое* описание «состояний языка» в определенной временной точке, а не как *диахроническое* описание механизма языковых изменений.

Однако как только лингвисты начали описывать *langue*, возникли определенные трудности операционального порядка, поскольку в то время казалось очевидным, что эмпирический подход правомерен лишь в рамках описания *parole*, доступной непосредственному наблюдению с помощью органов чувств, но неприменим к *langue*, заложенному в «коллективном сознании» речевой общности. В результате строгое применение соссюрковского тезиса должно было поставить лингвистов в такое положение, что они способны описать только то, что неинтересно, но совершенно неспособны справиться со своим ими же декларируемым объектом исследования! Были испробованы два пути решения этой дилеммы: (1) *индукция* — обобщение, основанное на данных, которые получены от отдельного информанта; (2) *дедукция* — использование самонаблюдения для постижения структуры языка. Мы увидим, что оба эти подхода, какими бы различными они ни казались, исходят из одного и того же допущения: язык есть в некотором отношении свойство индивидуального говорящего — реального в первом случае и идеализированного во втором.

Рассмотрим теперь основные аксиомы современной дескриптивной лингвистики, представив контраргументы и альтернативные аксиомы со стороны социолингвистики.

1.3.1.1 Язык — речь и компетенция — употребление

На протяжении веков языковеды пытались «обнаружить» идеализированную «чистую» форму языка, скрытую в массе реальных и в высшей степени изменчивых фактов его употребления. Для лингвистов XIX века (ничуть не меньше, чем для Платона) «чистая» форма существовала только в прошлом, а современная речь рассматривалась как ее «испорченная» разновидность. Соссюр, при всей новизне его пионерских идей, также был занят поисками

чистой гомогенной системы, существование которой он полагал не в прошлом, а в «коллективном разуме» общества. По Хомскому, местонахождение «чистой» формы более абстрактно — разум «идеального говорящего-слушающего».

Что наиболее поразительно, так это разделяемая всеми вера в то, что реальная речь (*parole*, *performance*, *speech*, *usage* — какой бы термин ни употреблялся) слишком изменчива, чтобы быть доступной описанию. С этим социолингвист никоим образом не может согласиться. Никто не станет отрицать, что речь изменчива, но языковед, стремящийся создать «социально реалистическую лингвистику» [Labov, 1966b, 14], не может принять утверждение, что употребление языка (*performance*) есть не более чем бледное и весьма искаженное отражение языковой компетенции, настолько хаотичное, что не поддается описанию. Такой языковед возразит, что часть «совершенного знания языка» [т. е. языковой компетенции, по Хомскому — *прим. пер.*, см. Chomsky, 1965, 3], состоит из знания того, как и когда язык употреблять, и что без этих навыков «идеализированный говорящий-слушающий» был бы «культурным монстром» [Hymes, 1967b, 639 сл.].

Как далеко социолингвист пожелает зайти в отстаивании своей аргументации, зависит от его понимания целей лингвистики вообще и социолингвистики в частности. Он может, подобно В. Фромкин [Fromkin, 1968], считать главной задачей социолингвистики построение теории языкоупотребления. Или же, напротив, он может сделать более решительное заявление (ср. [Searle, 1969]), что нынешние теории компетенции неадекватны и что социолингвистика есть фактически «лингвистика», чье место было, так сказать, «узурпировано грамматикой». Слабые и сильные требования социолингвистики будут подробнее рассмотрены ниже (1.5.1).

1.3.1.2 Синхроническое — диахроническое описания

Строгое разграничение между синхроническим и диахроническим, на котором настаивал Соссюр и которое было понятно как реакция на сильный диахронический уклон лингвистики XIX века, начинает все чаще рассматриваться как удобный методический прием, удобство которого превосходит, однако, его полезность. Это справедливо не только в случае социологически ориентированных иссле-

дований и, в частности, попыток произвести удовлетворительный анализ континуумных ситуаций (см. 5.3.1), но даже в тех случаях, когда исследование находится в главном русле лингвистики. Например, некоторые представители трансформационализма [Chomsky and Halle, 1968] склонны теперь допускать в рамках синхронической модели языковые данные, относящиеся к более ранним этапам развития языка, и включать эти данные в систему правил современного языка. В частности, задача перевода «глубинной формы» (underlying form) лексической записи в ее орфографическую форму предполагает, что у идеального говорящего-слушающего частью его «знания языка» является представление о происхождении лексических единиц на уровне позднесреднеанглийского и ранненовоанглийского. Более того, последние работы по «пресуппозиции» предполагают, хотя и в более узком временном интервале, «знание» прошлых употреблений и коннотаций и заставляют со всей отчетливостью уяснить, что язык, даже воспринимаясь как статичный, является по существу динамической системой, в которой главным мотивом изменения оказывается речь, о чем говорил еще Соссюр: «наконец, именно явлениями речи обусловлена эволюция языка» [Saussure, 1915, 37].

1.3.1.3 Материал лингвистики

Лингвистика, как и другие науки, занята установлением структуры своего материала исследования «методом моделирования, сущность которого заключается в том, что строится некоторая последовательность абстрактных схем, которые должны явиться более или менее близкой аппроксимацией данных конкретной действительности» (Ревзин, 1962, 8). Что могут представлять собой эти модели, обсуждается в главе 2, а здесь мы поговорим о природе лингвистического материала — об источниках его получения и степени абстракции, используемой при построении объективных описаний.

Традиционный структуралистический подход к описанию языка начинался с операционального допущения, что один тщательно выбранный информант способен представить удовлетворительные данные для общего описания языка в целом. Было, однако, признано, что такие данные могут быть не вполне последовательными и что вследствие этого лингвист обязан исключать «вариации... модели от индивида к индивиду или от группы к группе

в пределах речевой общности» [Hockett, 1958, 1], а также «некоторые типы вариаций, представляющие меньший интерес, ограничившись... высказываниями, произнесенными одним говорящим в определенных обстоятельствах» [Gleason, 1955, 391], т. е. «допустить, что все стили данного диалекта могут быть огрубленно описаны с помощью единственной структуральной системы» [Harris, 1951, 11].

Нетрудно понять, почему такое ограничение должно приниматься ради эффективности процедуры, хотя сам Соссюр указывал, что *langue* рассматривается им не как помещающийся целиком в сознании отдельного индивида, но как достояние совокупного разума всей речевой общности: «система, виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в коллективе», [Saussure, 1915, 30]. В самом деле, строгая привязанность к свидетельствам единственного информанта приведет фактически к описанию не диалекта или языка, а идиолекта, т. е. «речевых навыков отдельного индивида» [Robins, 1964, 51].

Представители трансформационно-генеративного направления, естественно, отвергают заключительную часть соссюрковского положения о языке, если оно применяется к их описанию *компетенции*, поскольку их информант, будучи совершенной идеализацией исконного носителя языка, является, по определению, знатоком всей системы.

Однако в той же мере, в какой социалингвист мог бы выдвинуть социологические и статистические возражения против обобщений, основанных на неизбежно односторонних данных, полученных от единственного информанта, на том основании, что существование вполне представительного информанта весьма сомнительно, в такой же мере более абстрактный идеализированный информант трансформационалистов не защищен от возражений, поскольку также маловероятно, чтобы в реальности существовал репрезентативный набор интуитивных знаний о структуре языка.

И структуралист, и трансформационалист избирают такой подход к материалу, который социалингвист будет стремиться модифицировать. С его точки зрения, неучтенной оказывается часть фактов реальной действительности, которые, как он полагает, может и должна охва-

тить лингвистическая модель функционирования языка. Самая вариация, обойденная главным потоком лингвистических изысканий, превращается для социолингвиста в искомый объект его основных научных интересов, даже если его конечная цель может быть в сущности такой же, как цель более «ортодоксального» лингвиста.

Еще один момент необходимо прояснить, прежде чем перейти к обсуждению границ социолингвистики; речь пойдет о размере отдельных кусочков языкового материала (как бы он ни был собран), на которых базируется лингвистический анализ. До недавнего времени лингвистическое описание останавливалось на предложении. Типичная структуралистская процедура хорошо иллюстрируется подзаголовком книги А. А. Хилла «Введение в лингвистические структуры» (1958): 'От звука к предложению в английском языке', тогда как трансформационная процедура ясна из начального символа этих грамматик — Σ : 'предложение'. Хотя эти два подхода различны по направлению (первый по существу синтетический, второй — аналитический), оба они, однако, принимают в качестве предельной единицы предложение. Социолингвистическое же описание выходит за эти рамки, охватывая более крупные структуры, по отношению к которым предложения являются их компонентами; и основное внимание сосредоточивается не просто на отдельных предложениях, произведенных отдельными говорящими (даже идеализированными), а на взаимодействии говорящего и слушающего и на структуре более крупных текстов: бесед, речей, клятв, диалогов и т. п. (мы еще вернемся к этому вопросу в 4.2 и в главе 8).

1.4 ГРАНИЦЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Из того, что было сказано выше, может показаться, что социолингвист отвергает все, что было сделано в лингвистике до него, но это далеко не так. Крупные достижения XIX века, итог десятилетий напряженной работы, заложили основы фонетики и фонологии и, в силу своего преобладания, привели Соссюра к поискам новой ориентации, которая сама по себе оказалась плодотворной. Сегодня мы знаем о природе языка больше, чем знали сто лет назад, и это — интеллектуальное достижение, которое не может быть с легкостью отброшено в угоду каким-то новым прихотям. Нет, знаменательно то, что большинство социолингвистов считают себя *лингвистами*, призна-

вая своей целью попытку установления регулярных соответствий между языковой и социальной структурами, и, сверх того, видят свою роль в том, чтобы поставить под сомнение некоторые положения лингвистики с целью разработки более полного и удовлетворительного описания языка, или, говоря словами У. Лабова, «чтобы решить лингвистические проблемы, памятуя о том, что они являются в конечном счете проблемами анализа социального поведения» [Labov, 1966b] (этот момент подробнее обсуждается ниже в разделе 1.5). В сущности, социолингвист со своей заинтересованностью вариацией может считать себя наследником диалектологов, а свои попытки распространить лингвистическое описание за пределы предложения — возрождением очень древней традиции риторики, которая, как это формулировалось до недавнего времени в истории нашей науки, составляла вместе с грамматикой фундамент лингвистического знания. И если это так, то небесполезно уточнить, в чем социолингвистика отличается от диалектологии и риторики.

1.4.1 *Диалектология и социолингвистика*

Вероятно, большинство социолингвистов склонно будет сегодня включать диалектологию в свою область на том основании, что изучение диалекта традиционно концентрировалось на речевых обычаях социальных групп, отличавшихся от остального общества использованием системы, которая явно не совпадала со «стандартом», т. е. разновидностью языка, обычно описываемой «чистой» лингвистикой. Однако по своим основным интересам диалектология резко отличается от современной социолингвистики. Ее подход был преимущественно диахроническим, связанным с поиском ответа на вопросы: «как данный диалект связан исторически с другим?», «какие черты более старых форм литературного языка сохранились в данном диалекте?» и т. п.; в этом проявляется тенденция «фокусировать внимание на самих формах и их соответствиях, а не на вербальных привычках говорящих, пользующихся ими» [Gumperz, 1964, 127]. Социолингвистика же, напротив, стремится использовать синхронический подход, беря образцы языка в определенной временной точке и пытаясь соотнести выбор, осуществляемый говорящими, с экстралингвистическими критериями; усилия исследователя направлены скорее на описание языкового состояния, нежели на акцентиро-

вание динамизма языка как изменяющейся системы. Конечно, не вся диалектология имеет исторический уклон. В частности, в Лингвистическом атласе США и Канады, который начал издаваться в 1929 г., совмещаются оба подхода [Kurath, 1939].

Диалектология и социалингвистика расходятся еще в одном отношении — в выборе первичной единицы анализа. Первая трактует языки и диалекты как монолитные структуры, между которыми, в идеале, должны существовать отчетливые разделительные линии; понятие *изоглоссы*, т. е. «проведенной на карте линии, определяющей зоны, характеризуемые встречаемостью определенных языковых признаков» [Wakelin, 1972, 7 сл.], очевидным образом зависит от указанной трактовки. Социалингвистика же стремится сосредоточить внимание на социальной группе и используемых ею языковых переменных, пытаясь соотнести эти переменные с традиционными демографическими единицами социальных наук: возрастом, полом, принадлежностью к определенному социально-экономическому классу, региональной группировкой, статусом и т. д. В последнее время делаются также попытки установить корреляции между языковыми формами и социальными функциями на микроуровне — при внутригрупповой интеракции, и между выбором языка и социальными функциями более крупного масштаба на макроуровне — при межгрупповой интеракции (см. ниже).

1.4.2 Риторика и социалингвистика

Начиная с античных времен, с Цицерона и Квинтилиана в частности, затем в елизаветинскую эпоху (Паттенхэм с его «Искусством английской поэзии» среди прочих), до конца прошлого века в Англии и непрерывно в Северной Америке преподавалась риторика — искусство убеждающего использования языка. Интерес к мотивам языкового выбора и эффекту, произведенному этим выбором на слушателя и читателя, сближает риторику с социалингвистикой, но, как и в случае диалектологии, между двумя этими дисциплинами наблюдается резкое различие в подходе. В то время как целью риторики традиционно было перечисление и, разумеется, предписывание «наилучших» методов убеждения и лишь во вторую очередь описание этих методов, социалингвистика стремится к дескриптивной и объективной регистрации языковых умений (в

самом широком смысле этого слова) и соответствующего выбора их в различных коммуникативных ситуациях. Мы можем также видеть в «стилистике», обычно понимаемой как лингвистическое описание литературных текстов, ростки новой «дескриптивной риторики», складывающейся бок о бок с традиционной нормативной риторикой, известной из учебников по литературному стилю и композиции [Leech, 1969, 2].

Общим для риторики (в ее обоих типах) и социолингвистики является фокусировка внимания на тексте, но опять-таки ограничение области риторики преимущественно «убедительным языком» и зачастую в его письменной форме резко контрастирует с широтой целей социолингвистики, для которой все тексты — устные или письменные, затрагивающие любую тему и демонстрирующие любое намерение, — оказываются в сфере ее интересов. Главной проблемой социолингвистики, к которой нам еще придется вернуться в дальнейшем, является ограниченность поля исследования и неприменимость многих категорий и значительной части терминологии риторики, в особенности к ситуациям взаимодействия (интеракции), которые игнорировались риторикой в прошлом. Например, социолингвист, столкнувшийся с проблемой лингвистического анализа, скажем, заседания некой комиссии, интуитивно чувствует, что здесь должны входить в расчет единицы, превышающие высказывание, но меньшие, чем «речи» отдельных участников в целом, но он напрасно станет искать какую бы то ни было из существующих классификаций, которая могла бы помочь ему в решении его задачи. Одной из причин такого положения является отсутствие в нашем распоряжении соответствий между языковой формой и социальной функцией [Wilkins, 1972], «грамматик говорящего-слушающего» [Richter and Moore, 1974] и «грамматик текста», — отсутствие которых находится в прямой зависимости от ограниченности дескриптивной лингвистики уровнем предложения и идеализированными свидетельствами отдельного идеализированного говорящего. Следовательно, главной задачей социолингвистики, а во многом это касается и самой лингвистики, является перемещение анализа за пределы предложения, — перемещение, которое должно оказать глубокое воздействие на всю дисциплину в целом, а в конечном счете и на систему образования (мы затронем вопрос о «дискурсе» более подробно в главе 8).

1.4.3 Микро- и макросоциолингвистика

Выше мы высказались за то, чтобы считать одной из определяющих характеристик социолингвистики ее упор на изучение использования языка (социальными группами). Возможны, однако, два весьма различных взгляда на структуру группы, которые, будучи соотнесены с языком, дают поразительно разные результаты. Эти противоположные взгляды могут быть выражены через характер отношения, предполагаемого для индивида и группы. В качестве первичного может избираться либо индивид, либо группа, и лингвистические признаки взаимодействия могут описываться с точки зрения индивидуальной или групповой динамики.

Первый подход, ставящий в центр внимания индивида, имеет очевидные точки соприкосновения с психологией вообще и социальной психологией в частности. Второй подход более социологичен и отчетливо связан с самой социологией, экономикой, антропологией и политикой, в зависимости от характера, размера и строения группы.

Естественно, разделение двух подходов не отличается безукоризненной четкостью, однако удобно принять по аналогии с социологией [Timasheff, 1957, 269] термины *микро-* и *макро-*, применяя название *микросоциолингвистика* к анализу, сфокусированному на индивида в неформальной внутригрупповой интеракции малых групп, а термин *макросоциолингвистика* — к изучению межгрупповой интеракции на уровне крупных групп, вплоть до контактирующих наций и государств.

1.4.3.1 Микросоциолингвистика

В сущности, разграничение микро- и макросоциолингвистики носит, по-видимому, философский характер, находясь в зависимости от определения *индивидуальности*. Для микросоциолингвиста наиболее подходящая интерпретация этого термина предполагает выдвижение на первый план различий между индивидами, например, «общая сумма характеристик некоторого индивида, которые отличают его от прочих индивидов» [Krech et al., 1962], т. е. акцентируется то, каким образом данный индивид *не* попадает в некоторую произвольно определенную социальную категорию. С точки зрения лингвистики, такое акцентирование, в его чистой форме, должно привести к описанию совокупности автономных и несвязанных

идиолектов, не поддающихся группировке в диалекты и аннулирующих установленный объект социолингвистического описания — корреляцию между языковой и социальной структурой. На практике, конечно, эта дилемма решается путем перемещения акцентов исследования со статического понятия групповой *принадлежности* на языковую *интеракцию*. В связи с этим может возникнуть вопрос такого типа: если принять, что группы состоят из индивидов, то как происходит, что каждый индивид обращается к ресурсам языка для облегчения межличностной интеракции в группах, членом которых каждый является?

Центральным лингвистическим признаком для такого рода исследования будет, несомненно, *речевой акт* [Searle, 1965], коль скоро он входит в первичные группы социолога (см. 4.3.1) и модифицируется такими переменными, как статус, близость, родство, отношение и цель применительно к отдельным участникам контакта. Большинство лингвистических переменных окажется отнесенным скорее к общей рубрике *регистра* [Crystal and Davy, 1969], чем *диалекта*, т. е. к вариациям, обусловленным *использованием* языка индивидом в конкретной исследуемой ситуации, а не к вариациям, связанным с относительно постоянными характеристиками самого *говорящего*, такими, как возраст, образование, принадлежность к социальному классу и т. п.

Лингвист, пытающийся заняться сложным феноменом речевого акта, с тем чтобы создать жизнеспособные модели микропроцессов, в которых он функционирует как единица, вынужден все чаще обращаться к материалу, прежде исключавшемуся из лингвистического исследования — к «экстралингвистическим» каналам коммуникации, использующим жесты, зрительный контакт, пространственную близость и т. п., что было в течение долгого времени особой областью психологии и психиатрии [Argyle, 1969]. Вопрос о том, каким образом эти вспомогательные коммуникативные системы могут быть соотнесены с языком и интегрированы вместе с ним в более крупную семиотическую систему, составит в будущем одну из главных забот социолингвиста. В настоящий момент делаются лишь неясные предположения, но даже они представляются захватывающими по своим последствиям. Может оказаться, например, что жесты образуют высоко структурированную систему, аналогичную системе фонологии, и что для адекватного описания потребуется перечислить

и показать взаимоотношения между множествами «жестом» и их «алложестов», как мы привыкли это делать с «фонемами» и «аллофонами» в структурной фонологии [Birdwhistell, 1952].

1.4.3.2 Макросоциолингвистика

По-видимому, макросоциолингвист предпочтет определение индивидуальности следующего типа: «...отдельный индивид есть просто точка пересечения ряда исчисляемых переменных» [Eysenck, 1952, 18] и постарается объяснить распределение языковых различий в обществе в терминах «...возраста, пола, образования, рода занятий и этнической принадлежности изучаемых говорящих» [Labov, 1966b, 25]. Иными словами, он будет склонен соотносить лингвистические переменные с демографическими категориями, стремясь обнаружить в явно идиосинкретическом использовании языка отдельным говорящим указания не на его индивидуальность, а на его групповые связи. Он примет в качестве первичной, так сказать, социальную группировку социолога, с последующим наложением ее на индивида, который будет оцениваться на «плотность пригонки». Лингвистические признаки, которые он выделит, очевидным образом попадут скорее под рубрику *диалекта* (в широком смысле этого термина, оговоренном выше), чем *регистра*, т. е. в разряд переменных, обусловленных характеристиками самого говорящего, а не ситуативным использованием им языка.

Пограничная черта между «микро-» и «макро-» в социолингвистике является, как уже говорилось, весьма неопределенной, однако типичным для макросоциолингвиста будет изучение межгрупповой коммуникации, вероятнее всего в контексте одного общества, — например, использование родного и местного языков национальными меньшинствами (при этом социолингвист будет работать в содружестве с социологом и педагогом); либо он будет заниматься более широкими вопросами, такими, как выбор официального языка для новой политической федерации, защита прав языковых меньшинств или общие вопросы политики и планирования.

1.5 ЦЕЛИ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Исходная мотивировка социолингвистики была отчетливо сформулирована более десяти лет назад: «...показать систематическую ковариацию языковой и социальной

структуры, а возможно, и причинную связь в том или другом направлении» [Bright, 1966, 11]. Такая задача привела, как увидим, к корреляционному подходу, предполагающему, что языковая и социальная структура являются отдельными выделяемыми сущностями, частично уже описанными дисциплинами-«родительницами» — лингвистикой и социологией. Вскоре, однако, стало ясным, что первоначальное определение было гораздо более двусмысленным, чем это вначале казалось, и что имеются по крайней мере два существенно различных подхода к описанию социально обусловленного использования языка.

Первый из них, собственно именуемый *социолингвистикой*, имеет своей целью включение таких социальных данных, которые бы усилили модели дескриптивной лингвистики и придали им более общий характер, т. е. этот подход является в основе своей *лингвистическим* и связан с расширением сферы лингвистики за пределы предложения в направлении к грамматикам интеракции «говорящего-слушающего». Мы увидим ниже, что строго социолингвистический подход оказывается, как ни парадоксально, «самоликвидирующимся» [Fishman, 1971, 9], поскольку его удаchi будут абсолютными, когда он будет принят как норма всеми лингвистами.

Второй подход — *социология языка* — ставит более широкие междисциплинарные цели: интеграция языковых и социальных структур в форме некоторой знаковой теории, объединяющей лингвистику с социальными науками через изучение того, каким образом знаки используются в контексте социальной жизни. Такое понимание самой лингвистики предвосхищено еще соссюрдовской семиологией, а позже — попыткой К. Пайка создать «интегрированную теорию человеческого поведения» [Pike, 1967]. Весьма широкое определение предложено Р. Кьолсетом: «Социология языка может рассматриваться как интегрированный, междисциплинарный, основанный на множестве методов и многоуровневый подход к изучению естественного, развивающегося в определенной последовательности и обусловленного социальной ситуацией языкового поведения» [Kjolseth, 1972].

1.5.1 *Отношение социолингвистики к лингвистике*

До сих пор мы только затронули вопрос о связи социолингвистики с собственно лингвистикой (1.3.1.1), поэтому представляется важным осветить здесь две возможные крайности в отношении к нему со стороны социолингвиста. Существуют две фундаментально различные ориентации, зависящие от силы требований, предъявляемых к данной дисциплине отдельными учеными: 1) слабое требование, согласно которому социолингвистика есть подсобная наука, подчиненная грамматике в широком смысле этого слова, т. е. изучению синтаксиса, семантики и фонологии, и 2) сильное требование, которое отрицает адекватность существующих лингвистических описаний и настаивает на переоценке целей и методов лингвистики с тем, чтобы включить социально релевантные данные в более широкую семиотическую модель языкоупотребления. Ниже рассматриваются эти два требования.

1.5.1.1. *Слабое требование социолингвистики*

Некоторые лингвисты (например, В. Фромкин) принимают ограничения, предложенные Н. Хомским [Chomsky, 1965, 15] относительно включения данных о реальном использовании языка в общую схему его описания, т. е. считают необходимым строить модели языкоупотребления — «побочный продукт работы над порождающей грамматикой» [там же]. Чтобы достичь этого, исследователь, описывающий язык, должен принять дихотомию компетенции и языкоупотребления, встать на точку зрения, согласно которой «лингвистическая теория связана в первую очередь с идеальным говорящим-слушающим... [а не] с такими грамматически иррелевантными условиями, как ограниченность памяти, рассеянность, перенос внимания и интереса, а также ошибки (случайные или характерные) в изменении говорящим знаний о языке при реальном его употреблении» [Chomsky, 1965, 3], и своим исследованием обеспечить обратную связь для грамматиста, которая приведет к построению все более сильных моделей компетенции.

1.5.1.2 *Сильное требование социолингвистики*

Некоторые социолингвисты, следуя трудам по «речевым функциям» и «речевым актам» таких философов, как Дж. Л. Остин [Austin, 1962] и Дж. Сёрль [Searle, 1969],

отвергают подчиненный статус социолингвистики, вытекающий из слабого требования, и отрицают необходимость дихотомии компетенции и языкоупотребления (а также *langue* и *parole*), особенно вывод об отсутствии в последнем структуры; этот подход аргументируется тем, что языкоупотребление влечет за собой «знание о языке», лишь часть которого образует компетенция идеального говорящего-слушающего. Подлинной целью лингвистики является, по мнению сторонников сильного требования, спецификация *коммуникативной компетенции* говорящего-слушающего, т. е. его знания не только о грамматически правильном, но и о социально приемлемом. Дж. Сёрль, в частности, настроен наиболее критично в отношении существующих моделей компетенции, упрекая их в «неизбежной неполноте» и сурово порицая за ограниченность описания чисто формальными признаками, что он сравнивает с «формальным изучением денежного обращения и кредитной системы в экономике без исследования роли обращения и кредита в экономических сделках» [Searle, 1969, 17]. Он исходит из ясно сформулированного положения: «...говорение на языке есть осуществление речевых актов..., таких, как референция или предикация, и эти акты в общем оказываются возможными и осуществляются в соответствии с определенными правилами использования языковых элементов». Следовательно, «речевые акты... являются минимальными базисными единицами языковой коммуникации» и «адекватное изучение речевых актов есть изучение *langue*» (*ibid.*, 16).

1.5.1.3 Резюме

Независимо от того, примет ли социолингвист сильное или слабое требование в своей работе, выяснение внутренней структуры, наличной в реальном языкоупотреблении, должно оказать, а по существу определенным образом уже оказывает, воздействие на общие цели всей лингвистики. В ряде последних исследований по синтаксису на глубинном уровне — глубинной структуры, или, в более новых терминах, базового компонента трансформационной модели, — предполагается, что существенное множество предложений имеет в своей исходной глубинной структуре перформативные глаголы, которые сами описывают речевой акт, осуществляемый с их помощью, см. [Leech, 1974, 344], — идея, восходящая к Остину [Austin, 1962]. Эти факты, а также любые «пресуппози-

ции» со стороны говорящего-слушающего и растущий интерес к «степеням грамматичности» [Chomsky, 1965, 148-153] — все это вместе свидетельствует о сужении разрыва, возникшего, по общему признанию, между «собственно лингвистом» и социолингвистами. В самом деле, некоторые трансформационалисты готовы допустить, особенно в контексте фонетических процессов «низшего уровня», что «специфическое разграничение компетенции и употребления, проводимое грамматикой, представляет собой гипотезу, которая может оказаться ошибочной, когда другие факторы, значимые для языкоупотребления, и их взаимоотношения станут объектом исследования» [Chomsky and Halle, 1968, 111]. Ясно поэтому, что, насколько это касается лингвистики, долг социолингвиста — пытаться построить такие модели, которые объединяют кодовые формы и процессы с речевыми актами, а те и другие — с социальными функциями языка, что будет шагом к новой, покоящейся на более широком основании лингвистике.

1.6 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социолингвист в своем стремлении соотнести языковые и социальные структуры ставит под сомнение многие основополагающие догматы «ортодоксальной» лингвистики. Он отыскивает вариации (см. об этом 6.2.1), которые традиционно привлекали мало внимания со стороны лингвистов, и пытается продемонстрировать не только наличие разных типов таких вариаций, но и то, что многие из них носят не случайный, а регулярный характер. Он представляет материал под таким углом зрения, чтобы включить признаки, обычно считающиеся «экстралингвистическими», и это заставляет его осознать непригодность для его задач существующих дедуктивных моделей, особенно когда они нацелены на описание — предложение за предложением — интуитивного знания о коде, которым обладает идеальный говорящий-слушающий, т. е. создание грамматики, «не являющейся моделью для говорящего или слушающего», но характеризующей «в наиболее нейтральных терминах знание языка, которое создает основу для реального использования языка говорящим-слушающим» [Chomsky, 1965, 8-9]. Социолингвист, подобно социологу, «будет интересоваться компетенцией и исполнением, или ситуативно обусловленным употреблением, так как именно взаимодействие компе-

тенции и исполнения существенно для понимания повседневной деятельности» [Cicourel, 1973, 44].

Насколько широко определит социолингвист свою область исследования, зависит от того, какого рода «системой» он сочтет язык, и от размера единиц, которые он изберет для анализа. С точки зрения крайних возможностей, он может сосредоточить внимание, с одной стороны, на микропроцессах интеракции между отдельными членами малой группы, с другой стороны — на выборе средства внутреннего и внешнего общения в масштабах государства. Из этого вытекает удобное полярное деление социолингвистики на «микро-» и «макро-», которое проводится через всю эту книгу.

Модели для описания вариаций в языке

Отказавшись от понимания языка как монолитного го-могенного объекта и приняв вместо этого взгляд на язык как на гетерогенную динамическую систему, социолингвисты вынуждены отыскивать вариации и строить новые объяснения и новые модели представления таких объяснений.

Целью настоящей главы является анализ последствий новой ориентации исследования, обсуждение понятия «модель» и обрисовка нескольких видов моделей с привлечением, насколько это возможно, примеров распространенных по всему миру вариаций в английском языке.

2.1 ТИПЫ ВАРИАЦИЙ

Прежде чем рассматривать возможные модели для описания вариаций в языке, необходимо несколько подробнее остановиться на том, что мы понимаем под «вариацией».

Мы будем использовать несколько категорий, предложенных У. Лабовым [Labov, 1966b; 1963]: *переменные* и *варианты*, а также три типа лингвистических переменных — *индикаторы*, *маркеры*, *стереотипы*.

Прежде всего, могут быть формально разграничены *переменные* и *варианты*. Переменная есть «непоследовательность или расхождение, демонстрируемое конкретной формой языка в сравнении с абстрактным стандартом», тогда как вариант есть «специфическое значение переменной». Например, в своем исследовании нью-йоркской речи Лабов выделяет, среди прочих, переменную (r): встречаемость или не встречаемость [r] в конце слова или перед конечными согласными в таких словах, как car 'автомобиль', card 'карта', fire 'стрелять', fired 'стреляный' и т. п. Он обнаружил два важных варианта: ще-

левой звук типа 'r' и нещелевой глайд без примет 'r', [ə] или просто удлинение гласного. Следовательно, слово типа саг может реализоваться как [kɑg], [kɑ^ə] или [kɑ:]. Мы увидим в дальнейшем (2.4.1.4), как это проясняет два аспекта «диафона» — понятия, широко используемого в более ранних работах по «сосуществующим» фонемным системам.

Помимо формальных значений, переменные могут иметь различные социальные значения, ассоциируемые с ними. Переменная может действовать как *индикатор*, имеющий индексальное значение, коррелирующее с принадлежностью к социально-экономическому классу или с другой демографической характеристикой говорящего. Такие индикаторы осознаются обществом в целом, но не подвержены стилистическому варьированию, т. е. они являются относительно постоянными характеристиками речи определенных индивидов или групп, не изменяющимися от ситуации к ситуации, например, употребление централизованных дифтонгов [aɪ] и [aʊ] некоторыми группами говорящих на о. Мартас-Виньярд [Labov, 1963].

Маркеры, напротив, имеют индексальное значение, как и индикаторы, но в отличие от последних, они подвержены стилистическому варьированию. В нью-йоркской речи [Labov, 1966b] переменная (r) может служить хорошим примером маркера, указывающего на социальную стратификацию, но его наличие или отсутствие в речи одного и того же информанта связано с переходом от «небрежного» стиля к «старательному».

Стереотипы представляют собой зеркальный образ индикаторов, так как они не связаны с социальными факторами (в том смысле, как это оговорено выше), но подвержены стилистическому сдвигу. Примером может служить употребление увулярного 'r' на северо-востоке Англии. Большинство исконных носителей английского языка в Соединенном Королевстве, если попросить их передразнить «Geordie» (ироническая кличка шотландца-углекопа — *прим. пер.*), прибегнет к такому 'r'; точно так же лица, живущие в указанном районе, будут использовать этот звук, рассказывая традиционные истории или воспроизводя местные песни, несмотря на то, что [ʀ] вышел из употребления, сохраняясь лишь в речи старшего поколения в изолированных сельских местностях. Стереотипы представляют значительный интерес, поскольку они демонстрируют представления о нормах речи, идущие вразрез с наблюдаемой реальностью и основанные

на памяти о речевых навыках, которые были общими несколько поколений назад.

Рис. 2.1 помогает прояснить различие между тремя типами переменных.

РИС. 2.1 Социолингвистические переменные

ТИП	СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ	СТИЛЕВОЙ СДВИГ
индикатор	+	—
маркер	+	+
стереотип	—	+

Как выяснится, некоторые источники вариации традиционно привлекали к себе интерес лингвистики, по крайней мере в тех случаях, когда причины ее рассматривались как «внутренние» по отношению к самому языковому коду. Мы имеем в виду вариации, обычно именуемые «аллофоническими» в традиционной фонемной теории.

Имеются, однако, и внешние мотивы языкового варьирования, которые выводятся, огрубленно говоря, либо из характеристик говорящего, либо из характера использования языка. В этом плане хорошо знакомы такие неформальные термины, как «диалект», «регистр» и «стиль».

Дальнейшей задачей исследователя языковых вариаций, стремящегося не просто дать перечень контрастирующих форм, но интегрировать их в некоторой схематической модели, неизбежно становится определение того, на каком уровне языковой системы встречается каждая вариация. Более того, если модель это позволяет, он попытается указать внутренние и внешние причинные связи между наличием определенных переменных и конкретными наборами типических вариантов.

Поэтому мы начнем с рассмотрения источников вариации — как внутренних, так и внешних, — а затем перейдем к выяснению места вариаций в лингвистической модели, используя поначалу скорее таксономический подход.

2.1.1 *Внутренние источники вариации*

Даже если бы мы решили ограничиться изучением тех различий в языковой форме, которые присутствуют в коде исключительно благодаря процессам, протекающим в самом коде, мы бы постоянно сталкивались с вариациями и с необходимостью их объяснения. Это и есть как раз те внутренние вариации и изменения, с которыми имели дело лингвисты прошлого века, чьи «законы» демонстрируют появление изменения в результате влияния одних звуков или групп звуков на другие. Хорошо известным примером является Великий сдвиг гласных в английском языке XV века, в процессе которого «долгие гласные» стали постепенно повышаться, дифтонгизируясь в тех случаях, когда такое повышение приводило к полной утрате качественных характеристик этих гласных [Vaugh, 1951, 187 сл.].

Приняв указанное ограничение и сосредоточив внимание на языке отдельного информанта, использующего один стиль, лингвистика в течение значительного периода избегала, насколько было возможно, обращения к вариации и ее внешним причинам; как отмечал А. Мартине, «лингвиста интересует только внутренняя обусловленность» [Martinet, 1961, 81]. Факты, которые не удавалось включить в систему, объявлялись «нерегулярностями» или «заимствованиями», а если в коде, подлежащем описанию, их содержалось слишком большое количество, вся система производилась в «смешанный диалект». Эта процедура, весьма неудачная в случае диалектного и стилистического описания, поскольку оказывалось скрытой много интересной информации, долгое время имела своим едва ли не губительным результатом то, что описание билингвизма было почти невозможным.

Имеются, однако, внутренние вариации, наиболее заметные в фонологии, которые заслуживают внимания и действительно образуют часть существенных для социолингвиста данных. Например, обусловленное аллофоническое варьирование включается в фонемные описания языков как нечто само собой разумеющееся. В оксфордском произношении, например, есть две фонетически различных реализации фонемы [ɪ] — «светлое» [i] и «темное» [ɪ̞], встречающиеся в контрастирующих фонетических окружениях: [i] в начале и в середине слова перед гласными, [ɪ̞] в остальных позициях — в середине слова перед согласными и в конце слова. Фонологии с ее детерминист-

скими принципами вполне под силу управиться с такого рода вариациями; в конце концов, две указанные формы полностью предсказываются их окружением. В данной конкретной конфигурации фонем всегда возможна одна из двух реализаций и невозможна другая.

Но имеются иные виды варьирования, даже в фонологии, которые лингвистика находит трудным включить в свои модели по той причине, что их обусловленность считается внешней по отношению к коду, в котором они появляются. Такие вариации рассматриваются ниже.

2.1.2 *Внешние источники вариации*

Остается рассмотреть еще три типа вариаций — межличностные, внутриличностные и ингерентные, каждый из которых имеет источник, лежащий за пределами кода.

2.1.2.1 *Межличностные вариации*

Среди типов вариаций, традиционно считающихся «свободными», имеются вариации, которые были последовательно описаны диалектологами, поскольку они представляют собой такой выбор кодовых единиц, который коррелирует с определенными характеристиками отдельного говорящего. Можно, следовательно, в некоторой степени предсказать, что тот или иной конкретный говорящий выберет конкретные варианты, и наоборот, на основании данных о том, что некий говорящий последовательно осуществляет определенный выбор, можно сделать вполне точные предсказания о его возрасте, поле, географическом и социальном происхождении. Разумеется, любая модель, пытающаяся точно определить такого рода взаимосвязи, должна основываться скорее на вероятностном, нежели на детерминистском подходе. В идеале точная спецификация характеристик некоторого говорящего должна вполне коррелировать с осуществляемым им выбором, но на практике социолингвист зачастую больше озабочен генерализацией общего речевого обихода группы как совокупности индивидов, демонстрирующих сходные формы, чем суммированием «говорений» ее отдельных членов. Он будет поэтому говорить не о «диалекте такого-то социального класса» или «такого-то графства», как если бы они были чем-то монолитным и гомогенным; его наблюдения будут формулироваться примерно так: «если дан говорящий с такими-то характеристика-

ми, то имеется вероятность (быть может, даже процентная вероятность), что он будет использовать варианты *a*, *b* и *c*, но не *x*, *y*, и *z*».

2.1.2.2 *Внутриличностные вариации*

Существуют даже в «одном и том же диалекте» такие вариации, которые не могут быть предсказаны ни по внутренней структуре кода, как аллофоны /l/ в оксфордском произношении, ни по индивидуальным характеристикам говорящего, как /æ/ у большинства носителей американского и северобританского английского в противоположность нормативному /ɑ:/ в случаях типа *bath* 'ванна'. Эти кажущиеся менее предсказуемыми вариации также являются обусловленными, но не лингвистическими факторами и не статическими категориями демографии, а динамическими аспектами ситуативного использования языка. Например, с точки зрения внутренних и межличностных критериев невозможно предсказать, реализу ли я в своей речи фонему /t/ перед согласными как [t] или как [ʔ], т. е. произнесу ли я слово *fortnight* 'две недели' как [ˈfɔːtnaɪt], [ˈfɔː ʔnaɪt] или [ˈfɔːtnaɪʔ]. Но это не означает, что мой выбор между [t] и [ʔ] случаен. Далеко не так. Влияющий фактор зависит от степени «формальности» или «неформальности» ситуации, в которой данное выражение встречается: [t] тяготеет к более формальной ситуации, [ʔ] — к менее формальной. Такие вариации являются явно *стилистическими*, а не *диалектными*, и образуют часть некоторой системы, описание которой входит в задачу социолингвиста.

2.1.2.3 *Ингерентные вариации*

Если даже допустить, что перечислены все возможные языковые выборы, доступные носителям языка, и все мыслимые внутренние и внешние корреляции с этими выборами, — а эта задача сама по себе громадна и практически, быть может, непосильна, — все равно останутся вариации, которые будут непредсказуемы и связаны не с чем иным, как с присущей самому языку вариативностью. Это и есть подлинные «свободные вариации», например, выбор /i:/ или /e/ в качестве начальной гласной слова *economy* 'экономика' в оксфордском произношении, что кажется некоторым совершенно непредсказуемым даже в речи одного и того же лица в одной и той же

ситуации. Существование таких ингерентных вариаций не должно быть поводом для беспокойства; в действительности они являются одним из тех свойств, которые делают язык столь удивительно мощным и гибким инструментом. Ингерентная вариативность играет также решающую роль в языковых изменениях, так как без нее не было бы и индивидуальной свободы выбора; необратимая связанность каждой формы с некоторым внутренним или внешним обуславливающим фактором сделала бы изменение невозможным.

2.2 УРОВНИ ВАРИАЦИИ

До сих пор мы обсуждали языковые вариации исключительно в плане их внутренней или внешней обусловленности, однако любое описание вариаций должно не просто соотнести вариантные формы языка с их мотивацией, но и дифференцировать структурные уровни, на которых вариации встречаются. На этом этапе мы предложим некоторую таксономию для категориальной оценки вариаций, признавая существование альтернативных моделей, о которых речь пойдет ниже (2.4.2).

Для ясности мы примем здесь еще одно ограничение — будем рассматривать только фонологические вариации, потому что, во-первых, именно в фонологии наиболее заметно отличаются друг от друга разновидности одного и того же языка, и, во-вторых, как фонологические вариации, так и вариации в грамматике и лексике более экономно могут быть описаны, как увидим в дальнейшем, в рамках модели совершенно отличного типа.

Описываемая ниже таксономия базируется на системе, предложенной Г. Куратом [Kurath, 1939] и Дж. Уэллом [Wells, 1970] для описания фонологической вариантности в английских диалектах. В сущности, предлагаются четыре уровня — системный, дистрибутивный, встречаемый и реализационный, простирающиеся от наиболее общих и «глубинных» различий до наиболее специфических и «поверхностных» реализаций. Мы попытаемся причислить вариации к тому или иному уровню, памятуя о том, что в основном недискретный характер диалектных данных делает однозначную квалификацию таких признаков чрезвычайно трудной (к этому вопросу мы еще вернемся в 5.3.1).

2.2.1 Системные вариации

Согласно традиционной фонемной теории, наиболее значительные и глубокие различия между двумя кодами — стилями, диалектами или языками — лежат на фонемном уровне. Языки мира демонстрируют широкое разнообразие в общем числе фонем, образующих конкретные фонемные инвентари, и в соотношении количества гласных и согласных в каждом из них. Так, гавайский язык имеет только пять гласных и шесть согласных, тогда как на другом полюсе находится абхазский, имеющий лишь две гласных и не менее 68 согласных фонем [Lotz, 1956]. Следовательно, сравнение разновидностей «одного и того же» языка может обнаружить существование разных в количественном отношении инвентарей, либо, при совпадении общего числа единиц в инвентарях, различия между ними будут качественного порядка. В том случае, когда разными оказываются фонемы, мы используем термин «системные вариации» [Wells, 1970], по существу в том же смысле, что «фонемные гетероглоссы» в американской диалектологии [Kurath, 1939, 2]. К примеру, несколько вариантов английского языка различаются наличием или отсутствием в них противопоставления /hw/ — /w/ в таких словах, как *which* ‘который’ и *witch* ‘колдун’. Такая вариация определяется здесь как системная, поскольку в тех вариантах языка, где указанное противопоставление реализуется, оно связано с дифференциацией значений двух лексических единиц, в отличие от тех вариантов, где имеется только /w/ в обоих случаях, что превращает данные единицы в омофоны.

2.2.2 Дистрибутивные вариации

Дистрибутивные вариации наблюдаются в тех случаях, когда между системами сравниваемых вариантов языка имеются различия в фонотактической предпочтительности появления тех или иных фонем. Например, важным различительным признаком, который сам по себе действует как весьма отчетливый индикатор регионального происхождения в среде исконных носителей английского языка, является наличие — отсутствие /г/ в конце слова и перед согласным, — полезная переменная, предполагающая грубое разделение английских диалектов на «эрные» и «безэрные».

На этом уровне описания необходимо установить, какие фонемы затронуты варьированием, каковы правила, объясняющие суть вариаций, и насколько строгие ограничения накладываются на комбинации фонем в каждом из вариантов языка.

2.2.3 *Встречаемостные вариации*

Выбор разных фонем для «той же» лексической единицы в разных вариантах языка может в некоторых случаях объясняться — по крайней мере, частично — в дистрибутивных терминах, хотя и вероятностного характера; такие частично, но не полностью предсказуемые изнутри вариации названы «встречаемостными» (ср. [Kurath, 1939]). В английском языке примером может служить переменная (а): использование в некоторых разновидностях языка варианта /æ/ вместо [ɑ:] в лексических единицах типа *dance* ‘танец’. Многие варианты американского, североамериканского и австралийского английского последовательно демонстрируют /æ/ в противоположность /ɑ:/ оксфордского варианта, а также южно-африканского и некоторых восточно-американских диалектов. Этот выбор может быть отчасти объяснен в дистрибутивных терминах, так как /æ/ появляется перед носовым с последующим согласным. Однако встречаемость одного или другого варианта не может быть предсказана на 100 процентов. В оксфордском, например, слова *romance* ‘роман’, *random* ‘случайный’ и ряд других произносятся с /æ/ вместо ожидаемого /ɑ:/. В этом, по-видимому, мы опять-таки наблюдаем свидетельство континуумного характера языковых данных, наложение на которые абсолютных правил скорее способно затемнить, нежели прояснить их структуру.

2.2.4 *Реализационные вариации*

Вариации этого типа («фонетические гетероглоссы» по Курату [Kurath, 1939]) обусловлены различиями в фонетической реализации отдельных фонем. На этом уровне тонкого анализа даже индивидуальные идиолекты неизбежно будут не только отличаться друг от друга, но в известной мере внутри каждого из них будут обнаруживаться различия, наблюдаемые с течением времени. Поэтому исследователь должен остерегаться опасности увязнуть в массе фонетических подробностей, из которых выявится в конце концов поразительно тривиальный

факт, что каждый в мире носитель английского языка как родного произносит слова иначе, чем любой другой! Следует придерживаться разумной пропорции, ограничив описание реализационных вариаций наиболее характерными и фонетически бросающимися в глаза отличиями. Хотя малейшие различия в артикуляции прежде всего, вероятно, подмечаются носителем английского языка в чужом «акценте», они представляют наименьший интерес для лингвиста, озабоченного поиском системы в массе разноликих фактов, имеющих в его распоряжении, за исключением разве что случаев, когда они служат ключом к пониманию причин того или иного отношения к языковой вариации, принятого в некотором речевом коллективе.

2.2.5 Резюме

До сих пор мы рассматривали понятие вариации и обрисовали — главным образом, на фонологических примерах из английского языка — основные типы вариаций, встречающихся в языке, и их источники, предложив иерархический подход к включению вариаций в модель языка. Именно этот последний момент должен теперь стать предметом обсуждения. Какие разновидности модели могут быть пригодны лингвисту, который считает необходимым заняться вариациями, и каким образом он должен выбрать ту или иную из них?

2.3 МОДЕЛИ И ВАРИАЦИИ

Коль скоро предпринимается попытка описать язык с привлечением данных более чем из одного — пусть идеализированного — идиолекта, встают новые проблемы, главная среди которых связана с потребностью строить модели, способные адекватно оперировать вариациями между идиолектами. Два аспекта этой проблемы будут обсуждаться ниже: какого рода *системой* является язык; какие *модели* наиболее подходящи для описания такой системы.

2.3.1 Язык как система

До сих пор мы использовали термины «система» и «модель» по отношению к языку без надлежащей четкости и определенности. В этом разделе мы выскажем соображения о необходимости трактовать язык как особого рода

систему и о том, как такой подход сможет подсказать нам, какие виды моделей будут для нас наиболее полезны (см. [Bell, 1975c]).

Начнем с определения термина «система». Много внимания уделялось «системам» в различных науках, так что имеется широкий диапазон их возможных определений (Ф. Эмери дает подборку публикаций, представляющих интерес с этой точки зрения [Emery, 1969]). Почти все, однако, сходятся на трактовке системы как независимой структуры, части которой независимы, но связаны, т. е. как организации или упорядоченного расположения переменных, которые, будучи организованы, составляют *целое* — концептуальную или физическую сущность [Ackoff, 1960].

При рассмотрении отношения системы к ее окружению становится заметным основное разграничение между двумя фундаментально различными типами системы: *закрытые системы*, являющиеся (или считающиеся) независимыми от окружения, и *открытые системы*, которые определенным образом связаны со своим окружением, так что их структуры испытывают его воздействие [Bertalanffy, 1950].

2.3.1.1 Язык как закрытая система

До недавнего времени язык изучался так, как если бы он был закрытой системой, состоящей из отношений между элементами, которые находили выражение в плане их взаимных влияний, а не в плане влияния их на общество, пользующееся языком, и обратного влияния общества на сам код. Лингвистика, избрав такой взгляд на язык, сосредоточила внимание на описании статических *états de langue* *, как если бы язык был полностью предсказуемой механической системой, изолированной от внутреннего изменения и внешнего влияния, подобно системам физических наук. Язык трактовался как механическая система, в значительной мере подобно тому, как солнечная система трактовалась в астрономии. Интересным последствием этого было исключение времени как значимой переменной из синхронического описания, т. е. система не имела ни прошлого, ни будущего — только ряд «настоящих» состояний.

Из этой предпосылки вытекало акцентирование

* Состояний языка (франц.). — *Прим. пер.*

«грамматичности», которая, в отличие от «приемлемости», определяется исключительно с точки зрения внутренней структуры системы: «предложение является или не является грамматичным независимо от ситуации говорения. Все, что необходимо для суждения о нем, находится внутри него, в его структуре и в языке, по правилам которого оно образуется» [Gleason, 1965, 111 сл.].

Если мы ограничимся в описании языка только кодом, на серьезные удачи можно рассчитывать, лишь трактуя его как закрытую систему, но как только мы попытаемся соотнести код с его использованием, мы окажемся вынужденными пересмотреть объект нашего исследования, принять во внимание внешние влияния и подойти к описанию языка как открытой, а не закрытой, системы.

2.3.1.2 *Язык как открытая система*

Из сказанного ранее должно быть ясно, что социалингвист предпочтет подчеркивать «открытость» языка как системы. Он присоединится к мнению, что «живые системы, будь то биологические организмы или социальные организации, находятся в сильной зависимости от их внешнего окружения и поэтому должны считаться открытыми системами» [Katz and Kahn, 1966].

Несомненно, имеется много типов открытых систем и, конечно, значительное число таких, которые, подобно языку, содержат более или менее «закрытые» подсистемы, но было предложено различать два основных вида открытых систем: *коррелированные* и *эволюционные* [Boulding, 1967, 199-203]; оба типа существенны для описания и объяснения языка и связаны с нашими предыдущими замечаниями о разновидностях научного описания (см. 1.1).

Коррелированные системы возникают из попыток дать вероятностное объяснение явлений, которые никогда не имеют стопроцентной предсказуемости, возможной для закрытых механических систем. Основанные на них модели будут, следовательно, содержать не абсолютные утверждения, а предположения о вероятности наступления конкретных событий или состояний, ограниченные условиями, часто выражаемыми в статистических терминах. Социальные науки, имеющие дело скорее с континуумом, чем с дискретными величинами естественных наук, широко используют коррелированные системы. Социалинг-

вист разделяет то же мнение. Он исходит из того, что наряду с системой самого языкового кода, обладающей высокой степенью предсказуемости, язык и особенно использование языка может рассматриваться как открытая, коррелированная система, в которой наблюдается постоянное взаимодействие между ее элементами и контекстом ее использования.

Не следует думать, что такой взгляд на язык является новым для лингвистики. Занимаясь фонологией, и в особенности фонетикой, всегда приходится мириться с недискретным характером изучаемых данных и выискивать в них структуру. Недавние исследования вскрыли интересную коррелированность совместной встречаемости (co-occurrence), имеющей место в речи между синтаксическими структурами и явлениями паузы [Goldman-Eisler, 1968], а также признали — хотя бы в сфере «исполнения» (performance) — понятие «характерной ошибки» [Chomsky, 1965, 3] и, что наиболее важно, необходимость рассмотрения дискурса (использование языка на более высоких уровнях, чем уровень предложения) в структурных, а не механических терминах [Sinclair and Coulthard, 1975].

Эволюционные системы, как явствует из самого термина, связаны с генетическими объяснениями явлений и наиболее очевидно отличаются от коррелированных систем своей связанностью с временем как переменной. Время включается в систему, но не является обратимым, т. е. возможно проникновение *post facto* в суть функционирования системы и часто со значительной степенью точности, но зато предсказание будущих состояний фактически невозможно, за исключением «тенденций», являющихся предпосылками коррелированности, которые могут быть выделены и на основе которых можно сформулировать гипотетические предсказания. Сама эволюция представляет собой наиболее очевидный пример такой системы, и именно признание определенного изоморфизма между биологической и языковой эволюцией привело лингвистику XIX в. к увлечению диахроническим изучением языковых изменений во времени (см. 1.3.1.2).

2.3.1.3 Резюме

На протяжении этого столетия язык рассматривался преимущественно как закрытая система, но это расходится как с более ранними представлениями лингвистики

прошлого века, которая считала язык открытой эволюционной системой, так и с нуждами современной социолингвистики, которая трактует природу использования языка в терминах открытой коррелированной системы, стирая тем самым разграничение между системным кодом языка (*langue*) и якобы несистемной речью (*parole*), равно как дихотомию между синхроническим и диахроническим описанием. Социолингвист желает вновь подтвердить недискретный характер языковой системы в ее *использовании* и неизбежный вывод о том, что система постоянно изменяется.

Язык, следовательно, рассматривается социолингвистом как весьма сложная система, в основном открытая и изменяющаяся, но содержащая центральную подсистему, которая в сущности является закрытой и в которой изменение совершается очень постепенно. Задачей социолингвистики является построение модели языка, которая отражает как закрытый механический характер кода, так и коррелированный, эволюционный характер его использования, и которая связывает посредством систематизированного набора утверждений внутреннюю форму и внешние функции системы.

2.3.2 Модели языка

Термин «модель» стал в последнее время очень популярен. Поэтому стоит уделить некоторое время определению того, как мы намерены употреблять этот термин.

Мы начали книгу с вопроса «что такое язык?» Теперь уже ясно, что вопрос не был сформулирован хорошо, поскольку единственным действительно приемлемым ответом было бы «язык есть язык». В более подходящей форме вопрос звучал бы так: «на что похож язык?» На такой вопрос можно было бы ответить, упоминая «эволюцию», «код» и т. д. В сущности, нам следовало бы допустить существование некоторых характеристик языка как «типичных» и затем отыскивать аналогичную систему. Сравнение двух этих систем привело бы нас к построению *модели* — упрощенному представлению системы, которую мы пытаемся описать.

В обычном употреблении слово «модель» имеет по крайней мере три различных значения. Как существительное оно означает представление — иногда в трех измерениях — проектируемой структуры, т. е. изображенную в определенном масштабе модель здания, самолета или машины. Как прилагательное это слово предполагает

совершенство или идеализацию, тогда как глагол означает «демонстрировать, обнаруживать, показывать, на что похож тот или иной объект». Предполагается [Ascoff, 1972], что в науке термин *модель* имеет все три коннотации. Модели репрезентируют состояния, объекты и события. Они упрощены и идеализированы, так как содержат лишь то, что считается существенными свойствами моделируемой системы. Они «моделируют» в том смысле, что делается попытка установить, на что похожа система.

Было предложено несколько типов модели, располагающихся в диапазоне от *изобразительных* (или *иконических*) моделей, в которых имеется очевидный изоморфизм между элементами модели и элементами репрезентируемой ею действительности, до *аналоговых* и символических моделей. В аналоговых моделях указанный изоморфизм представлен в меньшей степени в силу того, что один признак модели используется для репрезентации отличного признака объекта, в то время как в *символических* моделях отношение между «реальным» объектом и моделью не поддается непосредственному восприятию.

Важным моментом является то, что все модели конструируются по принципу «как если бы», например, кусочек пластика в 1.7 дюйма в моей модели реального воздушного лайнера (масштаб 1 : 444) «действует» так, как если бы он был настоящим 62-футовым хвостовым стабилизатором самолета. Этот принцип в равной мере применяется и к отношению между полетом такой модели в аэродинамической трубе и имитируемым им реальным полетом, между прокачиванием воды через трубку и имитируемым потоком транспорта или, наконец, между использованием компьютера и каждым из названных действий, имитируемых посредством манипуляции абстрактными символами.

Лингвистические модели становятся все более символическими и, следовательно, менее поддающимися соотнесению с тем, чем в нашем представлении язык «в действительности» является. Этот факт оказал двойное воздействие на языковедов. С одной стороны, многих смутила и насторожила абстрактность лингвистики, с другой, принятие символических моделей позволило легко оперировать с переменными и вследствие этого быстро пересматривать сами модели и теории, лежащие в их основе.

Может показаться претенциозным в контексте книги по социолингвистике рассматривать, пусть в общих чертах, эпистемологическую проблему «реальности» абстрактных понятий и конструкторов, но это объяснялось бы только широко распространенной путаницей в умах многих языковедов относительно статуса существования «фонем», «трансформаций» и т. п.

Вопрос о том, можно ли, например, рассматривать электроны как существующие таким же образом, что скалы, деревья и животные, имеет длительную историю, восходящую в Европе к античным временам; этот вопрос вновь возник в средние века в диспуте об «универсалиях»: предполагает ли, например, удостоверенное существование красных объектов существование «красного»? — и опять возникает в нашем веке, вначале в математике, а теперь и в лингвистике, см. [Quine, 1953].

Средневековые альтернативы — *реализм*, *концептуализм* и *номинализм* — находят отражение в современной философии в своих аналогах — *логицизме*, *интуиционизме* и *формализме*, и все они доступны современному лингвисту как возможные позиции, которые он может занять в отношении связи его теорий и моделей с фактами его науки.

Реализм утверждает, что абстрактные сущности существуют независимо от разума и что, несмотря на способность разума обнаружить их, он не способен их создать.

Концептуализм отрицает существование абстрактных сущностей до создания их разумом, но допускает, что, будучи раз созданы, они обретают существование.

Номинализм представляет собой полную противоположность реализма. Он отрицает как существование абстрактных сущностей до их «создания» разумом, так и то, что, будучи «созданы», они тем самым начинают существовать хотя бы даже в сознании.

Мы не намерены в этой книге принимать на себя решение данного вопроса, но у нас есть ощущение, что еще одной из особенностей, которые могут отличать основное направление лингвистической мысли XX века от социолингвистики, является заметно *реалистская* ориентация первого и признаки противоположного, *номиналистского* подхода у второй (по крайней мере, у некоторых ученых).

Большинство лингвистов на протяжении почти всего нашего столетия принимали реалистскую точку зрения на свои конструкты, что подкреплялось поглощенностью ученых «процедурами обнаружения», посредством которых в фактах, содержащихся в корпусе высказываний на данном языке, можно было бы обнаружить абстрактную систему языка [Lyons, 1968, 157].

Даже революция, произведенная в 60-е годы трансформационно-генеративной лингвистикой, не поколебала преобладающего реализма [Chomsky, 1968; 1972], и действительно, признание тесной связи между лингвистикой и психологией может привести неосмотрительных к представлению о том, что лингвистические модели являются также психологическими моделями процессов, протекающих в сознании говорящего, когда он производит языковое высказывание и реагирует на язык. Тесная связь между лингвистическими и психологическими моделями языка наиболее отчетливо провозглашена Хомским [op. cit., 28] в его определении лингвистики как «подобласти психологии, имеющей дело с ...когнитивной системой, развиваемой нормальным говорящим-слушающим, которая образует (его) знание языка».

Противоположный, номиналистский взгляд наилучшим образом выражен Фёрсом и его коллегами в 30-х годах. Фёрс решительно отрицал реальность абстрактных единиц лингвистики, считая их не более чем «упорядоченными схематическими конструктами, системой координат, своего рода подмостками для оперирования с событиями..., (не) имеющими бытие или сущность» [Firth, 1957, 181]. Кроме того, он настаивал на понимании самой лингвистики как «набора связанных технических приемов для оперирования языковыми событиями» [ibid.], не относящегося к области психологии, а образующего весьма существенную часть социальных наук вообще и антропологии в частности. (Интересно сравнить взгляд Фёрса на лингвистику со взглядами Кьолсета на социологию языка, цитированными выше — 1.5.)

2.3.2.2 Резюме

Модели языка, как и модели других систем, становятся скорее символическими, чем иконическими или аналоговыми. Такие модели имеют то преимущество, что они легки в обращении, и тот недостаток, по крайней мере, для студентов, что они гораздо абстрактнее «реальности»,

которую призваны описывать и объяснять. Являются ли сами модели языка «реальными» — это в значительной мере философский вопрос, на который отдельный исследователь должен для себя ответить, но в лингвистике в целом преобладает, по-видимому, реалистская ориентация, предполагающая известную степень изоморфизма между лингвистическими и психологическими моделями языка. Социолингвист, в частности, нуждается в пересмотре своей позиции относительно того, с чем связаны модели языка в его использовании, и в решении вопроса, может ли он инкорпорировать свои модели в какую-либо когнитивную социологию [Cicourel, 1973] или когнитивную антропологию [Tyler, 1969], или же вслед за Фёрсом вообще отказать им в каком бы то ни было статусе существования.

2.4 АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ

Ниже рассматриваются три типа модели — структуралистская, трансформационная и импликационная, нередко с несколькими примерами альтернативных формулировок.

2.4.1. Структуралистские модели

В своей чистой форме структуралистская теория языка постулирует, что языковая деятельность является целиком физической по природе и объяснима в терминах причины и следствия. Таким образом, факты языка считаются физическими манифестациями речи и письма и должны трактоваться так, как если бы это были факты естественной науки.

Процесс описания, следовательно, есть конструирование символической модели закрытой механической системы (в том смысле этого термина, как он использовался выше — 2.3.1.2) путем индуктивного обнаружения структуры в засвидетельствованных данных.

Такие допущения и процедуры, как выяснится, предполагают веру в гомогенность языка, что отнюдь не подтверждается фактами. Даже в этом случае и несмотря на вариативность речи, высокая степень взаимной понятности между различными вариантами английского языка, например, с определенностью предполагает существование некоторой общей для них базисной (глубинной) системы, реальные поверхностные реализации которой со

всеми их контрастирующими формами могли бы рассматриваться как индивидуальные манифестации. Все без исключения структуралисты, особенно работающие в области диалектологии, придерживаются этой точки зрения, но предлагают несколько альтернативных моделей в своих объяснениях. Некоторые из них будут рассмотрены ниже.

2.4.1.1 *Общее ядро и надидиолектная структура*

Взяв в качестве первичного понятие «взаимной понятности» между диалектами, Ч. Хоккет [Hockett, 1958, 332—337] предложил считать, что существует *общее ядро*, т. е. «совокупное множество общих признаков», присущих всем идиолектам, являющимся взаимно понятными. Корни данного понятия лежат, по-видимому, в той способности, о которой упомянул Соссюр в своем определении языка: «...совокупность языковых навыков, позволяющих отдельному человеку понимать других и быть ими понятым» [Saussure, 1915, 112]. Понятие общего ядра представляется также, *prima facie*, подкреплением интуитивного ощущения носителя английского языка, что разновидности его родного языка действительно обладают в значительной мере общей синтаксической, лексической, семантической и фонологической системой. Имеются, однако, две кардинальные проблемы, возникающие в связи с указанным понятием, и мы сейчас подойдем к их рассмотрению.

Надидиолектная структура (overall pattern), в противоположность общему ядру, понимается как суммарная система языка — продуктивная и рецептивная, доступная включению в общее ядро. Этот термин позволяет включать в «английский язык» не только элементы, реально используемые говорящими, т. е. общее ядро, но и, например, громадный потенциально доступный использованию лексикон, содержащийся в словарях и создаваемый процессами неологизации, внутренне присущими языку в целом. Хоккет изложил свою позицию очень ясно: «надидиолектная структура языка есть своего рода арсенал; каждый идиолект представляет собой некоторый отбор из него...» [Hockett, 1958, 337]. Влияние Соссюра опять-таки очевидно, поскольку часть его определения языка (langue) как «сокровищницы», пополняемой носителями языка, — «клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу»

[Saussure, 1915, 30], — представляет близкую параллель концепции «надидиолектной структуры» Хоккета.

Против такой модели вариации могут быть выдвинуты два серьезных возражения. Во-первых, зависимость от понятия «взаимной понятности» вынуждает исследователя пользоваться малопонятным параметром, который оказывается, по экстралингвистическим соображениям, чрезвычайно трудным для измерения. Как вынужден признать сам Хоккет, «в действительности... «взаимная понятность» является не только вопросом степени, а не рода, но она не всегда даже взаимная» [Hockett, 1958, 327]. Во-вторых, при наличии списка общеприсущих признаков, содержащихся в «общем ядре», какие имеются модели для их репрезентации, и даже если модель создана, как может быть точно указано использование или неиспользование наборов таких признаков?

Второе возражение привлекло значительное внимание, особенно со стороны лингвистов, пытающихся превратить «общее ядро» в своего рода макросистему, из которой могли бы выводиться индивидуальные микросистемы — диалекты, стили, идиолекты.

2.4.1.2 Система английских гласных Трэгера-Смита

Модель, предложенная Дж. Трэгером и Х. Смитом для описания гласных фонем английского языка [Trager and Smith, 1951], представляет собой важный шаг вперед, так как она была попыткой впервые построить систему для важного аспекта базисной фонологической структуры языка в целом, а точнее, стандартных диалектов американского английского. Их предложение состояло, коротко говоря, в постулировании девяти «кратких» гласных как устойчивой основы системы (см. рис. 2.2) и в представлении «долгих» гласных и дифтонгов как «глайдов», т. е. «краткая» гласная + одна из четырех «полугласных» — /ɹ/, /w/, /y/, /h/. Таким образом, beet 'свекла' и bit 'кусочек' должны были различаться символом /iy/ в первом и /i/ во втором слове, card 'карта' и cad 'грубиян' — соответственно символами /aɹ/ или /aɪ/ и /æ/ и т. д. Выбор «кратких» гласных с их четкой матрицей 3×3 в качестве ключа системы был весьма изобретательным; он находит существенное подкрепление в том диахроническом факте, что именно эти гласные на протяжении веков претерпели наименьшее изменение в английском, так что, например, гласная в слове ship 'корабль' в сегодняшней

речи мало отличается от произношения той же гласной во времена короля Альфреда [Gimson, 1962; новое изд.: 1970, 102]. Эта модель, следовательно, охватывает в целом 36 вокалических ядер.

РИС. 2.2

Гласные Трэгера-Смита

i	ɪ	u
e	ə	o
æ	a	ɔ

Однако данная модель английских гласных также имеет ряд дефектов. Хотя она показывает, что «в распоряжении» носителей английского языка имеется 36 гласных и дифтонгов, ни один диалект не использует в действительности все 36 единиц и — что представляется более серьезным возражением, подрывающим самые основы данной интерпретации, — не все используют даже девять кратких гласных. В оксфордском, например, их обнаруживается не более восьми, а в австралийском варианте только семь [Cochrane, 1959]. Еще одна проблема возникает в связи со «смешанными» диалектами, в которых некоторые лингвисты (например, [Fries and Pike, 1949], см. ниже 2.4.1.4) доказывают сосуществование двух и более систем, — то ли в своего рода социолингвистическом равновесии, то ли в конфликте (к этому вопросу мы вернемся в дальнейшем при рассмотрении моделей для описания континуума и двуязычных ситуаций в 5.3.1).

2.4.1.3 Диафон

В ходе изучения фонем Д. Джоунз [Jones, 1962] предложил, наряду с терминами «фонема» и «фон» (речевой звук), понятие *диафон* для представления «семейств звуков, которые могут замещать друг друга без изменения значения слова» ([Trubetzkoy, 1969], перепечатано в [Fudge, 1973, 56]). Одна интерпретация диафона как «звука, используемого одной группой говорящих вместе

с другими звуками, последовательно замещающими его в произношении других говорящих» [Jones, 1964, 53 сл.], отчетливо указывает на плодотворный путь решения проблемы вариаций в фонологии, хотя бы в той мере, в какой осуществляется совместная группировка — возможно, под ширмой своего рода «макрофонемы» — таких вариантов, как /эу/ в оксфордском, /о:/ во многих северо-британских и /эу/ во многих американских вариантах английского языка. Трудно сказать, входило ли это в намерения Джоунза, но введенный им термин предвосхищает идеи генеративной фонологии [Chomsky and Halle, 1968] и облегчает попытки других лингвистов [Weinreich, 1952] построить модели диалектов в форме диасистем (см. ниже).

2.4.1.4 Сосуществующие системы и диасистемы

Ч. Фриз и К. Пайк, оспаривая положение Б. Блока о том, что «по меньшей мере сомнительно, чтобы данный говорящий использовал два или более разных стилей в обращении к одному лицу» [Bloch, 1948], и признавая, что «социально существенные различия стиля не могут безоговорочно игнорироваться.., (но) должны так или иначе учитываться в наших фонологических допущениях и процедурах» [Fries and Pike, 1949, 29], были вынуждены предположить, «что в речи монолингва могут сосуществовать две и более фонемных систем» и «попытались описать в общих чертах процедуру определения природы этих сосуществующих систем». Понятие сосуществующих систем оказалось весьма плодотворным, так как оно сделало по крайней мере принципиально возможным решение таких различных проблем, как «заимствования» из других языков и диалектов, изменения формы, соотносимые с межличностными и внутриличностными переменными, и явления билингвизма вообще, и было одной из первых попыток подвергнуть сомнению концепцию монолитности языка, относящуюся к тем ключевым допущениям, которые отвергаются современной социолингвистикой.

У. Вайнрейх, вначале в исследовании диалектов [Weinreich, 1952], а затем в труде по билингвизму [Weinreich, 1953] развил понятие сосуществующих систем в модель языка как *диасистемы*. Ниже дается гипотетический пример, иллюстрирующий, как это может применяться к описанию двух разновидностей языка.

Если фонемы группируются в соотносительные пары по принципу взаимно-однозначного соответствия, диасистема может быть изображена следующим образом (возьмем в качестве примера пятичленную систему гласных и две разновидности языка, обозначенные посредством 1 и 2):

$$1,2.//i\sim e\sim a\sim o\sim u//$$

Если же такая четкая соотнесенность фонем отсутствует, например, в тех случаях, когда разновидность 1 имеет /a/, а разновидность 2 имеет две фонемы /a/ и /α/, *смешанное* одно-многозначное соотношение может изображаться с помощью скобочной системы:

$$1,2.//i\sim e \quad \begin{array}{l} 1. \frac{/a/}{/a/\sim/\alpha/} \sim o\sim u// \\ 2. \end{array}$$

Возможны, однако, такие случаи, когда отношение между двумя языковыми разновидностями является не смешанным, как в приведенном примере, а *комплексным*, т. е. не одно-многозначным, а много-многозначным. Например, разновидность 1 имеет две противопоставленные фонемы /ə/ и /3:/, в то время как разновидность 2 имеет четыре — /ə/, /əʳ/, /3ʳ/, /t̃/. Такое соотношение может изображаться следующим образом:

$$1,2.// \quad \begin{array}{l} 1. \frac{/ə\sim 3:/}{/ə\sim əʳ\sim 3ʳ\sim i/} // \\ 2. \end{array}$$

По существу, контрастное соотношение между «средними гласными» «безэрных» и «эрных» английских диалектов может иллюстрироваться именно такой моделью.

До сих пор мы строили диасистемы, т. е. модели, включающие лишь две разновидности языка. Нам необходимы, однако, такие модели, которые позволяют представлять структуру нескольких систем одновременно, т. е. *полисистемы*. Это иллюстрируется ниже на другом гипотетическом примере с пятью разновидностями 1—5 (буквы а — f используются как абстрактные символы некоторых фонем, т. е., скажем 'а', а не означает фонемы /a/):

$$1,2,3,4,5.//a\sim b\sim \begin{array}{l} 1. \\ 2. \\ 3. \frac{/c\sim d/}{/c\sim d\sim e/} \sim f...// \\ 4. \\ 5. \end{array}$$

Данная полисистема из пяти разновидностей должна пониматься следующим образом. Каждая разновидность (1—5) имеет противопоставленные фонемы *a*, *b* и *f*. Разновидности 1 и 2 имеют оппозицию *c—d*, тогда как 3, 4 и 5 имеют, кроме этой пары, фонему *e*.

Мы обратимся к понятию диасистемы позже, прежде чем рассмотреть более сильную модель для описания вариаций в языке. Имеется, прежде всего, ряд трудностей в использовании приведенной модели, среди которых не последнее место занимает ее громоздкость. Очевидно, что полисистемы создают значительную проблему их представления, а кроме того, принятие четырех уровней вариации в фонологии, предложенных выше (2.2), вынуждает нас к построению четырех отдельных полисистем — по одной для каждого уровня.

2.4.1.5 Резюме

В поисках модели, пригодной для объяснения языковой вариации, мы далеко ушли от предположения о гомогенности, первоначально преобладавшего в лингвистике, и теперь чувствуем себя в состоянии более или менее удачно включить в наши модели как внутренние, так и внешние межличностные источники вариации (2.1.2). Но мы по-прежнему не в состоянии согласовать с нашими моделями внутриличностные (стилистические) и ингерентные вариации — подлинные «свободные» вариации в языке.

В следующем разделе (2.4.2) предлагаются способы описания внутриличностных вариаций с помощью трансформационных моделей. Что касается ингерентных вариаций, то они, как увидим, требуют совершенно иного подхода (2.4.3).

2.4.2 Трансформационные модели

Трансформационно-генеративные модели языка выводятся из набора постулатов о природе языка и допущений об адекватных методах объяснения его структуры, являющихся по существу обратными по отношению к очерченным выше структуралистским подходам. Структуралист рассматривает язык как преимущественно физическую деятельность, подлежащую объяснению посредством *индукции* — наблюдение событий, формулировка гипотезы, проверка гипотезы, построение теории, — что приводит к

использованию *parole* как источника соответствующим образом обрабатываемых данных, через посредство которых можно добраться до *langue*. Трансформационалист исходит из того, что язык есть преимущественно умственная, а не физическая деятельность и что структура его доступна изучению на основе самонаблюдения со стороны исследователя над его родным языком. Для этого подхода характерно использование метода *дедукции*, широко применяющегося, как мы видели, в естественных науках — обнаружение структуры в наблюдаемых событиях, построение модели, проверка модели на основе интуиции исследователя, построение теории, — т. е. отказ от эмпирического, ориентированного на материал подхода структуралистов.

Следовательно, для трансформационалиста, как и для структуралиста, процесс описания есть конструирование символических моделей, но только путем дедуктивного извлечения системы из интериоризированного знания исследователя — носителя языка, а не путем индуктивного выведения ее из внешних данных.

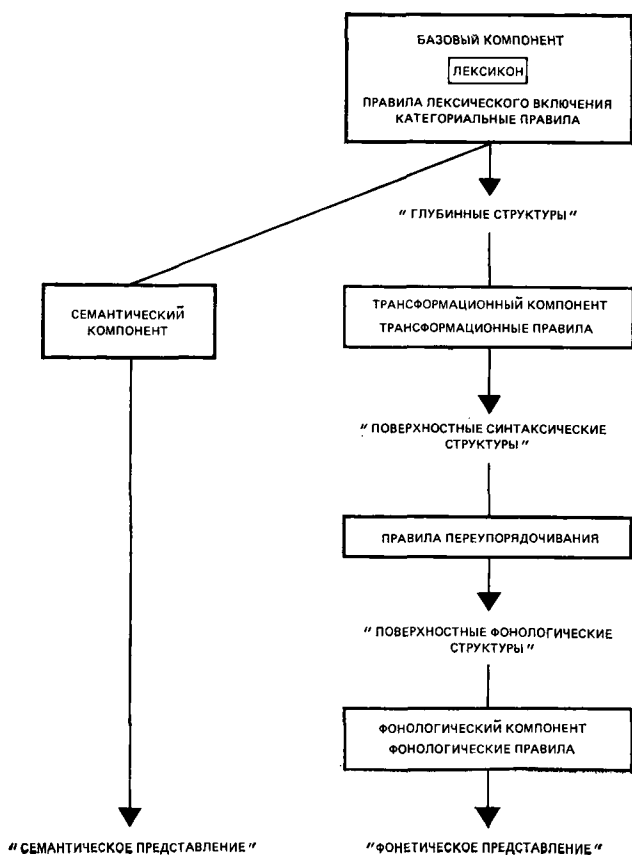
В основе трансформационно-порождающих моделей лежит в значительной мере то же самое допущение о гомогенности языка, которое упоминалось выше при характеристике структуралистских моделей. Модель идеального говорящего-слушающего, описывающая структуру языка, содержит как раз тот элемент «отсутствия неожиданности», который был отмечен для механических систем; в трансформационной модели никаких неожиданностей нет. Если вы записали свои правила корректно, грамматика будет порождать ожидаемые поверхностные реализации. Однако некоторые лингвисты, работающие в области трансформационных моделей, пытались включить в описание также вариации. Мы рассмотрим ряд таких описаний, предложив возможные улучшения и указав проблемы, по-прежнему остающиеся нерешенными.

2.4.2.1 Традиционные трансформационные модели

Прежде чем рассматривать возможности включения вариаций в трансформационную модель, представляется разумным очертить основные компоненты «нормальной» модели, которая, претерпев с 1957 года несколько изменений в форме и объеме, начисто избегала обращения к вариациям. В настоящее время большинство трансформационных моделей состоит из четырех компонентов —

базового, трансформационного, фонологического и фонетического, но имеются некоторые разногласия относительно статуса семантического компонента и его места в модели: одни предпочитают включать семантику в базовый компонент, другие рассматривают ее как отдельный уровень. На рис. 2.3 изображена в схематическом виде довольно консервативная форма такой модели (в основном, принятая в «Аспектах» Хомского и «Звуковой структуре английского языка» Хомского и Халле и взятая из [Botha, 1971], перепеч. в [Fudge, 1973, 230]).

РИС. 2.3 *Компоненты модели*

2.4.2.2 Модель морфемных вариантов Бейли

Первой попыткой построить исчерпывающую полилектную, а не монолектную грамматику в общих рамках трансформационных грамматик (ТГ) было описание ямайского креольского, выполненное Б. Л. Бейли [Bailey, 1966]. Его модель в значительной мере совпадала с моделью «Синтаксических структур» Хомского [Chomsky, 1957] и, следовательно, содержала *факультативные* и *обязательные* трансформации (от этого разграничения Хомский отказался в «Аспектах» [Chomsky, 1965], где все трансформации являются обязательными). Но модель Бейли отличается от модели 1957 года наличием понятия *морфемных вариантов*, введенного для адекватного описания континуумной ситуации креольского языка (этому моменту будет еще уделено большое внимание в 5.3.1). Исходным допущением было то, что все разновидности креольского языка могут описываться посредством одной и той же фразовой структуры (примерного аналога *базы* в позднейших моделях) и трансформационных правил, причем вариации появляются в морфофонемной структуре (в последующих моделях образующей часть правил переупорядочивания). Морфемные варианты были, таким образом, предложены для охвата «всех вариантов формы морфем, беспорядочно используемых говорящими по всему острову» [Bailey, 1966, 138]. Необходимо отметить, что, хотя автор данной грамматики отдавал себе полный отчет в том, что термин «ямайкский креольский» в действительности покрывает широкий диапазон варьирующих кодов, демонстрируемых «состоянием текучести» в котором язык ныне пребывает [там же, прим. 1], тем не менее варианты рассматривались либо как (1) «немаркированные», беспорядочные «свободные вариации», либо как (2) «диалектные», состоящие из двух типов: «...географические варианты //G и морфемы, заимствованные из английского, //E» [ibid., 138]; при этом не делалось никакой попытки объяснить «свободные варианты» подобно тому, как это было предложено выше, — в терминах внутрличностной, или «стилистической» вариации (2.1.2.2).

Эта модель, однако, представляла значительный прогресс, несмотря на свои слабые стороны. Было признано существование вариаций и предпринята попытка включить их в описание. Автор попытался также, пусть весьма приблизительно, отметить источники вариантов, и — что в конечном счете более важно — его модель, в силу

своей четкости, заставляла других искать улучшений, что повлекло за собой основательный пересмотр статуса пиджинов и креольских языков по отношению к их «языкам-родителям» (см. 6.4) и значительно способствовало планомерному изучению вариаций в лингвистике. В основе своей, однако, эта модель оказывается неспособной дать, наряду с перечнем вариантов, ясное указание на корреляцию между любой из вариантных форм и социологическими и психологическими характеристиками говорящих, использующих эти формы. Коротко говоря, данная модель является, по существу, скорее статической, чем динамической, и лингвистической, чем социолингвистической; она обладает, ввиду отсутствия спецификации лингво-социальных коррелятов, слабой предсказуемостью, т. е. мы знаем, какие имеются формы, но не знаем, кто какие из них выбирает в каких обстоятельствах. Обратимся теперь к модели, включающей указанные корреляты.

2.4.2.3 Модель переменных правил Лабова

Исследуя в конце 60-х годов нестандартный английский язык негров США, У. Лабов [Labov, 1966a, 1966b] пришел к твердому убеждению о наличии «логики нестандартного английского» и занялся построением модели системы правил, регулирующих то, что прежде принято было отбрасывать как «набор плохо связанных слов» ([Bereiter, 1966]; цит. в [Labov, 1969a]). Чтобы поместить эти правила в рамках ТГ, но при этом избежать недостатков модели Бейли, Лабов ввел понятие *переменного правила* в дополнение к «нормальным» трансформационным правилам.

Грубой иллюстрацией того, что при этом имеется в виду, может служить приводившийся выше (см. 2.1.2.2) пример вариации между [t] и [ʔ] в моей собственной речи в таких словах, как *fortnight*.

Соотнесенность [t] с «формальными» ситуациями и [ʔ] с «неформальными» позволяет записать приблизительное правило такого рода:

$$[t]^{opt} [ʔ]/v \longrightarrow \left[\begin{array}{c} - \text{ formal} \\ + \left| \begin{array}{c} C \\ \#\#\# \end{array} \right| \end{array} \right]$$

Это правило может читаться следующим образом: «*t* может факультативно превращаться в гортанный смычный в позиции после гласного перед согласным или границей слова, когда социальный контекст является неформальным». Здесь «/» следует интерпретировать как «в позиции после... перед...» (условное обозначение, взятое из [Chomsky and Halle, 1968]), а «С» — как «согласный».

Наш пример сам по себе довольно тривиален, но последствия такого подхода отнюдь не тривиальны, поскольку он показывает не только как вариации могут включаться в существующие модели ТГ, но и как «систематичность» вариаций может быть продемонстрирована даже в кажущихся неграмматичными высказываниях «повседневной речи» [Labov, 1966a]. Кроме того, понятие переменного правила в сочетании с общим социолингвистическим принципом Лабова, что носители второстепенного диалекта в условиях контакта с носителями господствующего диалекта в формальных ситуациях будут несистематическим образом видоизменять правила своего диалекта в направлении правил господствующего ([Labov, 1971, 450]; дальнейшее обсуждение этого вопроса и другие аксиомы социолингвистики можно найти в главе 8), предполагает новый и плодотворный подход к проблеме «гиперкоррекции» [Labov, 1966c] среди «низшего класса» англоязычных говорящих и к спорному вопросу о «декреолизации», распространенной в креольской речи при контакте со стандартным английским [De Camp, 1971].

Рассматривая эту модель в чисто лингвистическом плане, необходимо решить, должны ли переменные правила включаться в наши объяснения как часть единственной, хотя и варьирующей, системы или же как манифестации сосуществующих систем. Этот вопрос мы уже затрагивали ранее (2.4.1.4) и вернемся к нему еще раз при обсуждении билингвизма (5.1). Остаются еще две проблемы — одна лингвистическая, другая социологическая. Данная модель, как это представляется, способна соотнести языковые формы с двумя основными внешними источниками вариации — меж- и внутриличностными, т. е. диалектными и стилистическими, но ингерентные вариации по-прежнему остаются поистине «свободными вариациями» в системе (см. предложения на этот счет ниже, 2.4.3). Социологическая проблема заключается в неопределенности терминов «формальный» и «неформальный», которыми мы вынуждены пользоваться как

контекстуальными маркерами стилистического выбора. К этой теме мы также вернемся при рассмотрении микропроцессов внутригрупповой интеракции (4.2.2).

2.4.2.4 Резюме

Мы достигли в своем обзоре моделей для объяснения вариаций в языке того момента, когда внутренние и внешние источники вариации могут быть с определенными ограничениями введены — по крайней мере, в принципе — в модель языка. Но у нас остаются ингерентные вариации, все еще находящиеся вне модели, а также понимание того, что наши модели, несмотря на использование терминологии типа «порождающие», по-прежнему являются преимущественно моделями устойчивых состояний, т. е. закрытыми механическими, а не открытыми коррелированными системами, и что они как-то не способны иллюстрировать динамизм реального употребления языка. Ниже выдвигаются некоторые предложения, подробнее развиваемые в 5.3, которые направлены на преодоление указанных недостатков.

2.4.3 Динамические модели

Одна из слабых сторон лингвистических моделей, на которую мы постоянно указывали и которая нередко бывает свойственна моделям социологии, состоит в тенденции преуменьшать динамизм описываемых систем в пользу их статических описаний, как если бы они находились в равновесии и были непроницаемы для влияний, вызывающих изменения и нарушение равновесия. Сегодня многие социологи склонны рассматривать изменение «скорее как одно из свойств социальных систем, нежели как чуждый, вторгающийся в них элемент» [Moore, 1963], и настаивать на том, что в самом изменении есть система и направление, которые могут быть представлены с помощью динамических, вероятностных моделей. Ниже мы увидим, как такая ориентация, иллюстрируемая методами социальной психологии, может быть использована по отношению к сложным данным социолингвистики, с тем чтобы обеспечить последовательное проникновение в сущность наиболее нестабильной формы вариации, с которой мы до сих пор не могли оперировать, — ингерентной вариации.

2.4.3.1 Гутман и импликационное шкалирование

Работа над построением шкал социальных установок (attitude scales) и над оценкой ответов на пункты таких шкал вызвала у исследователей желание показать, что ответы на вопросы об установке подчиняются не принципу случайного распределения, а являются тесно и даже иерархически связанными. Например, реакции на некоторую шкалу социального расстояния (одна из первых была предложена в работе [Bogardus, 1925]) могли бы состоять в выборе одной из семи классификаций, в пределах которой помещается конкретная социальная, этническая или иная группа. Эти классификации располагаются в диапазоне от крайней близости — «допускаю в близкое родство по браку» — до крайней удаленности — «исключил бы из моей страны» — с рядом промежуточных классификаций. Предъявляя испытуемому несколько групп для их классификации, исследователь может нарисовать общую картину социального расстояния, принимаемого некоторым индивидом по отношению к другим.

Имеется, однако, иной путь использования тех же данных, основанный на признании того, что выбор конкретной классификации предполагает (имплицитно) выбор других. По этим соображениям были составлены кумулятивные шкалы, в которые легко могли быть включены импликации [Guttman, 1944]. Прекрасным примером может служить шкала, касающаяся роста. Если я утверждаю, что мой рост выше пяти футов и одиннадца-

РИС. 2.4 *Гипотетическая шкала Гутмана*

	1	2	3	4	5	6	+	означает положительный ответ
A	+	+	+	+	+	+	—	отрицательный ответ
B	—	+	+	+	+	+	1—6	вопросы
C	—	—	+	+	+	+	A—G	испытуемые
D	—	—	—	+	+	+		
E	—	—	—	—	+	+		
F	—	—	—	—	—	+		
G	—	—	—	—	—	—		

ти дюймов (180 см и 67 мм — *прим. пер.*), из этого явно следует, что я буду давать положительные ответы на вопросы типа «являетесь ли вы выше четырех футов и шести дюймов?», т. е. положительный ответ на некоторый вопрос предполагает положительные ответы на все вопросы, содержащие более низкую контрольную величину. Такая шкала, как можно заметить, является однонаправленной, и, при наличии вопросов и представленных в виде шкалы ответов группы испытуемых, сами ответы являются воспроизводимыми. На рис. 2.4 представлена гипотетическая шкала Гутмана.

Может показаться, что такой метод шкалирования либо тривиален, либо если и полезен в социальной психологии, то не применим в лингвистике, но это, как увидим ниже, далеко от истины.

2.4.3.2 Волновая модель Бейли

Мы постоянно подчеркивали необходимость не просто *перечислить* варианты в языке, но *определить* их с точки зрения их происхождения и попытаться продемонстрировать системный характер вариации. Одним из первых, кто понял импликационные связи, существующие между выборами языковых переменных, и кто представил их в форме, весьма подобной шкалированию Гутмана (хотя, по-видимому, не выводимой из нее), был Ч. Дж. Бейли [Bailey, 1969] (не путать с Б. Л. Бейли, на которого мы ссылались выше, 2.4.2.2), обратившийся в своем исследовании креольских языков к ранее выдвинутым предположениям Де Кампа [De Camp, 1968]. Еще одна гипотетическая модель языковой вариации будет изображаться на рис. 2.4, если интерпретировать «А» как информанта и «1» как конкретный вариант. Знаменательно, что с точки зрения традиционной лингвистики, только А, использующий все шесть вариантов, и G, не использующий ни одного, могут с успехом включаться в обычные модели. И именно в этом пункте социолингвист наиболее расходится в своих интересах с ортодоксальным лингвистом. Для социолингвиста индивиды А и G, осуществляющие инвариантный выбор, не представляют особого интереса, — разве что как «пограничные маркеры». Они являются «типичным» примером носителей двух отдельных диалектов. Предметом исследования для социолингвиста становятся индивиды В—F ввиду контрастности осуществляемых ими выборов.

Мы можем теперь построить значительно упрощенную шкалу для части установленного набора вариантов в некоторых общих разновидностях английского языка северо-западной Англии (огрубленно, графства Ланкашир и прилегающих районов соседних графств): 1 — употребление слова *barren* /'a:p/ и подобных вместо стандартного «южного» *perhaps* или *maybe* 'возможно, может быть'; 2 — употребление /u/ вместо /ʌ/ в *but* 'но' и т. п. Шкала, значительно идеализированная по причинам, которые станут ясными ниже, представляет модель использования указанных вариантов тремя информантами А, В, С:

РИС. 2.5

Пример волны Бейли

	1	2
А	+	+
В	—	+
С	—	—

Опять-таки А и С полностью предсказуемы в своем выборе варианта. А, использующий оба, может быть явно определен как говорящий на «широкой» разновидности локального диалекта. С, напротив, по своему употреблению идентичен носителю стандартного варианта. Не исключена, по-видимому, возможность постулирования также определенных социально-экономических и других демографических характеристик двух говорящих на основе их однозначного выбора. Но наибольший интерес представляет В, поскольку он отвергает «широкий» вариант 1, но сохраняет «региональный» 2, что превращает его в носителя «модифицированного регионального» английского, ср. [Gimson, 1970, 87].

Большая сила этой модели заключается в ее способности ранжировать вариации — не в пределах языкового уровня, на котором они встречаются (как мы делали ранее — 2.2), а через уровни, как в данном случае, где 1 относится к лексическому и отчасти грамматическому, а 2 — к фонологическому уровню, — располагая их иерархически от социально наиболее отличительных к наименее отличительным. Одновременно эта модель, благодаря ее динамической природе, оказывает влияние на распространенные прежде статические концепции языка и устраи-

няет разграничение между синхроническим и диахроническим подходом, тем самым подводя нас ближе к нашим данным. Кроме того, она позволяет нам, как бы то ни было, осуществлять описание не в виде моментальных снимков состояний языка, а, если продолжить эту аналогию, в виде замедленного фильма, в котором мы видим не застывшие состояния, а волны изменения, прокатывающиеся через речевой коллектив.

До сих пор мы имели дело с сильно идеализированными данными и, вследствие этого, с весьма гипотетическими моделями. В действительности влияние внешних источников вариации, обсуждавшихся ранее, имеет тенденцию продуцировать шкалы, гораздо менее однозначные, чем приведенные выше. На рис. 2.6 показано, какого рода проблемы могут возникать в связи с описанием вариаций в языке.

РИС. 2.6

Шкала языковой вариации

	1	2	3	
A	+	+	+	1—3 варианты
B	±	+	+	A—E информанты
C	—	±	+	— употребление варианта
D	—	—	±	± переменное употребление варианта
E	—	—	—	— неупотребление варианта

Эта модель, в отличие от идеальной шкалы Гутмана, содержит клетки, в которых появляется $\pm$. Если модель должна функционировать надлежащим образом, каждый символ $\pm$ следует заменить на $+$ или $-$. Ясно, что $\pm$ появляется в модели из-за влияния меж- и внутриличностных или ингерентных вариаций, что должно быть ранее компенсировано в описании. В самом деле, хотя и возможно дифференцировать каждого информанта, обозначая В как B_i (В в неформальной ситуации) и B_{ii} (В в формальной ситуации), тем не менее представляется гораздо лучшим принять модель, подобную модели Лабова (2.4.2.3), чтобы отсеять такие переменные, предоставив рассматриваемой модели оперировать с ингерентной вариативностью. Правда, в конце все равно должно остаться небольшое число свободных вариаций, которые

невозможно учесть либо по причине слабости используемой модели, либо по причине того, что некоторые вариации действительно являются полностью свободными.

2.4.3.3 Резюме

Волновая модель Бейли, как можно судить по ее виду, предоставляет средство для оперирования с наиболее неподатливыми языковыми данными, т. е. с теми, которые встречаются в ситуациях языкового континуума, где, по видимому, наличествуют совершенно беспорядочные и непредсказуемые выборы языковой формы, осуществляемые одним и тем же информантом в одной и той же ситуации. Мы увидим в дальнейшем, насколько сильна эта модель в отношении описания креольских языков и как она еще раз иллюстрирует фактическую недискретность языковых данных (5.3.1). Но необходимо уяснить себе и ее ограниченность: она не является сама по себе грамматикой, а скорее средством выдвижения «...гипотез об иерархиях признаков, внося тем самым предварительную упорядоченность в явно противоречивые данные, что может служить основой для дальнейших исследований и возможной разработки формальных правил» [Bickerton, 1972, 7].

2.5 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы начали эту главу с рассмотрения природы и причин языковой вариации и продолжили поисками подходящих моделей для ее описания. В ходе этого нам пришлось рассмотреть, что имеется в виду под «моделью» и «системой» применительно к языку, и затем ознакомиться с тремя подходами к объяснению и моделированию вариации — структуралистским, трансформационным и импликационным. В итоге мы пришли к заключению, что, по крайней мере в принципе, все типы вариации могут быть теперь объяснены, но за счет отказа от двух главных догматов дескриптивной лингвистики нашего века: допущения о гомогенности языка и дихотомии синхронического и диахронического описания.

В следующей главе мы рассмотрим более подробно подобласть социолингвистики, известную как микросоциолингвистика, — изучение системной соотношенности языковых форм и социальных ролей в контексте взаимодействия внутри малых групп.

Функциональные модели языка: компоненты

В двух предыдущих главах мы касались вариации в языке и ее объяснения, в плане внутренней и внешней обусловленности, с помощью различного рода моделей. Мы подчеркнули, что большинство имеющихся моделей носит характер идеализированных статических систем, игнорирующих влияние окружения, в котором язык реально употребляется, в связи с чем мы вновь подтвердили необходимость динамических моделей языка в его употреблении — функциональных моделей, демонстрирующих тот процесс, который соотносит языковой выбор с социальными навыками в условиях использования языка как орудия общения между людьми.

В этой главе мы рассмотрим, *как и что* сообщается посредством языка при непосредственной личной интеракции. Разграничение между этой и следующей главой не следует понимать как абсолютное в каком бы то ни было смысле. Различие в их содержании состоит скорее в фокусировке внимания: в данной главе дается обзор компонентов или параметров моделей, в следующей показывается, как этот механизм приводится в действие и каковы правила, делающие возможной интеракцию.

Из этих двух глав станет ясным, что наши интересы во многом близки социальным наукам вообще, а антропологии, социологии и социальной психологии в частности, хотя многие методы исследования и некоторые цели этих дисциплин отличаются — полностью или частично — от методов и целей социолингвиста.

3.1 ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЯЗЫКА В ЕГО УПОТРЕБЛЕНИИ

С самого начала необходимо сказать, что наше понимание термина «функциональный» не следует смешивать с употреблением его лингвистами Новопражской школы,

например, А. Мартине [Martinet, 1961], в их описаниях языка. Подход Пражской школы базируется на предпосылке, что языковые единицы — это не более чем «значимости», возникающие из оппозиций или дистинкций, существующих между ними ([Martinet, 1968], перепеч. в [Fudge (ed.), 1973, 74]), что было в афористической форме сформулировано Соссюром [Saussure, 1915, 166], к которому восходит и само понятие: «dans la langue il n'y a que des differences» — в языке нет ничего, кроме различий, т. е. данное понятие прилагается к коду *per se*, а не к корреляции между формой кода и его социальными функциями. Смысл, который мы ниже придаем термину «функциональный», связан, напротив, именно с такими отношениями между кодом и употреблением.

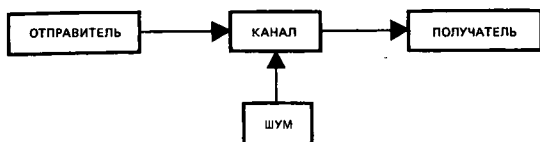
Чтобы сконструировать модели языка в его употреблении, нам понадобится рассмотреть виды определения языка, типичные для социальных наук, и поинтересоваться, не дает ли нам одно из них удобного исходного пункта. С этой целью начнем с того огрубленного первоначального определения, которое восходит к аристотелевскому *organon*, или инструментальному пониманию языка [Hörmann, 1971, 5], в соответствии с тем, что «язык есть произвольная система символов, посредством которых отдельные члены общества обмениваются информацией».

3.1.1 Модель теории информации

Модель передачи информации, представленная ниже в виде схемы (рис. 3.1), хотя она и была первоначально разработана К. Шенноном в сфере техники коммуникации [Shannon, 1948] (цитируется в [Hörmann, 1971, 51]), может быть привлечена как модель событий, происходящих в тех случаях, когда один говорящий передает отдельное сообщение единственному слушающему, т. е. как модель *речевого события*, содержащего единственный *речевой акт* (4.1.4).

РИС. 3.1

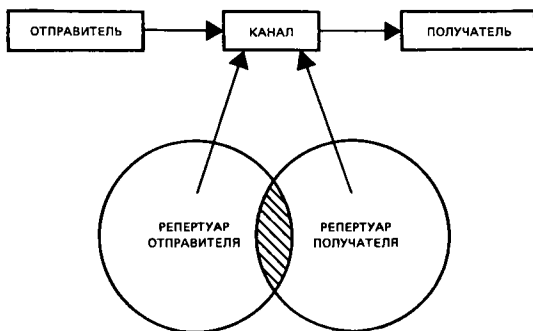
Модель теории информации

В идеальной системе, с совершенным отправителем, каналом и получателем, не будет никакого *шума*, т. е. сообщение, как оно было передано отправителем, прибудет к получателю полностью неизменным. Однако все коммуникационные системы в действительности содержат шум — помехи, препятствующие стопроцентному восприятию сообщения. Это в равной мере справедливо в отношении языка; понижение эффективности обусловлено каким-либо дефектом в некотором или во всех компонентах коммуникативного события, причем многие виды вариации, рассмотренные в главе 2, могут в этом смысле трактоваться как «шум». Очевидно, чтобы определить природу шума, создаваемого участниками коммуникации, необходимо видоизменить модель, введя понятие *репертуара* — совокупности коммуникативных умений (навыков), на которые опирается говорящий или слушающий в ситуации обмена информацией. Такое понятие имеет очевидную связь с ранее описанной компетенцией, но включает больше, чем только языковую компетенцию, а именно — социальные навыки, позволяющие делать соответствующий выбор кодовых элементов и облегчающие весь процесс коммуникации, иначе говоря, коммуникативную компетенцию носителя языка.

В идеальном речевом событии говорящий и слушающий будут обладать общим репертуаром, но в реальной ситуации так быть не может, — в той мере, в какой индивиды являются индивидами. Следовательно, эффективность передачи информации зависит от степени совпадения индивидуальных репертуаров. Понятие общего ядра Хоккета (2.4.1.1), которое мы довольно бесцеремонно от-

РИС. 3.2 *Пересмотренная модель теории информации*

вергли ранее, вновь всплывает в этом контексте как весьма полезное понятие. В пересмотренном виде модель изображена на рис. 3.2; заштрихованная часть означает общее в двух репертуарах, а нижние стрелки — шум, порождаемый различиями между ними.

В этой модели в данном случае опущен один существенный элемент — *обратная связь*; он будет включен позже, когда мы распространим эту модель на ситуацию с несколькими речевыми актами и с переменной ролью между говорящим и слушающим.

3.1.2 Антропологические модели

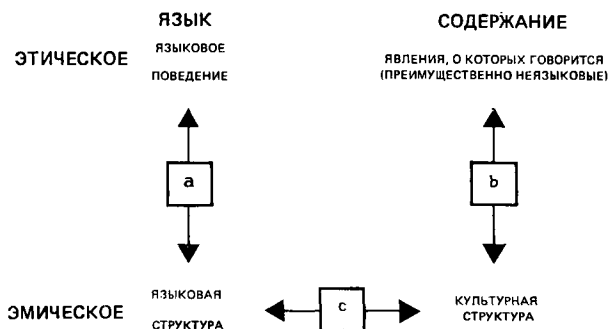
Антропологи были последовательны в изучении связи между языком и культурой не только потому, что владение языком носителей изучаемой культуры является *sine qua non* для полевого исследователя [Boas, 1971], но также ввиду понимания того, что «культурная деятельность, даже простейшего вида, неизбежно покоится на идеях или обобщениях.., а человеческий ум способен формулировать идеи, оперировать с ними и передавать только посредством речи» [Kroeber, 1963, 33]. В антропологии имелись, конечно, значительные разногласия относительно связи, существующей между двумя феноменами: язык и культура или язык в культуре; эти разногласия были до некоторой степени сглажены такого рода компромиссом: «До тех пор, пока речь идет о процессе их передачи и о типе механизма их развития, ясно, что язык и культура едины. В практических же целях обычно удобнее их разграничивать» [ibid.]. Некоторые антропологи, например, Б. Уорф в знаменитой гипотезе, носящей его имя, доказывали зависимость культуры от языка, т. е. что язык скорее детерминирует, нежели отражает культуру [Whorf, 1962]. Видимо, наиболее четкая формулировка этой позиции была дана Сепиром ([Sapir, 1929], цит. по [Mandelbaum, 1966, 69]): «На самом деле «реальный мир» в значительной мере бессознательно строится на основе языковых норм данной группы». Указанные разногласия по-прежнему актуальны не только в антропологии, но и в лингвистике, социальной психологии и, ввиду переноса их на языковые различия между детьми разных социальных классов [Bernstein, 1966], в педагогике. В наши намерения не входит здесь становиться на чью-либо сторону в этом вопросе: мы упомянули о нем лишь для того, чтобы показать, как и почему природа языка состав-

ляет предмет общих интересов и споров между антропологами и лингвистами. Действительно, двадцать лет назад некоторые утверждали, что, хотя методы антропологии и лингвистики в значительной степени различны, их фактический материал по существу один и тот же и что социолингвистические исследования открывают новые подходы ко многим традиционным проблемам антропологии [Voegelin and Harris, 1947], а теперь можно с определенностью сказать, что в течение 50-х и 60-х годов разрыв в методах значительно сократился (важным примером служат труды К. Леви-Стросса [Lévi-Strauss, 1972]).

Ниже в схематическом виде приводится возможная модель (рис. 3.3), показывающая связи между языком и культурой [Bright, 1968, 20]. Некоторые замечания необходимы для понимания этой модели. Прежде всего, различаются наблюдаемый, или *этический* универсум (термины *этический* и *эмический* заимствуются у К. Пайка [Pike, 1967]), в котором локализуется языковое поведение, и структурный, или *эмический* универсум человеческого разума (объяснение этих терминов см. в 3.3.2.2).

РИС. 3.3

Антропологическая модель

Далее, языковое поведение ограничивается от его содержания. Три отношения *a*, *b*, *c* представляют особую важность для антропологически ориентирующегося лингвиста. Они означают: (*a*) область деятельности лингвиста как лингвиста — отношение между исполнением и компетенцией, исследуемое то ли индуктивно, то ли дедуктивно; (*b*) параллельная область и методика антрополога — соотнесение реальных объектов и событий с моде-

лями структурной организации; (с) область семантолога — отношение лексических единиц друг к другу и к культурной матрице использования данного элемента.

Мы можем теперь вернуться к определению языка, данному выше, и сравнить его с определением Сепира [Sapir, 1929, 8]: «Язык есть чисто человеческий, не инстинктивный способ передачи мыслей, эмоций и желаний посредством системы произвольно производимых символов».

Ясно, что социолингвист и антрополог видят язык в преимущественно одном и том же свете. Обратимся далее к тому, как смотрит на язык близкая дисциплина — социология.

3.1.3 Социологические модели

Подобно антропологии, социология изучает человека в обществе, но стремится сосредоточить внимание на больших группах и процессах в экономически высокоразвитых обществах, в то время как антропология чаще всего имеет дело с малыми, относительно однородными и технологически менее развитыми группами. Однако, хотя социальные единицы антропологии обычно весьма малы, цель этой науки чрезвычайно велика — описание всей культуры. Напротив, крупные группы населения, изучаемые социологом, предоставляют данные и испытательный полигон для разработки теорий, например, теории социального порядка — «регулярности, лежащей в основе социального поведения людей» [Inkeles, 1964, 27].

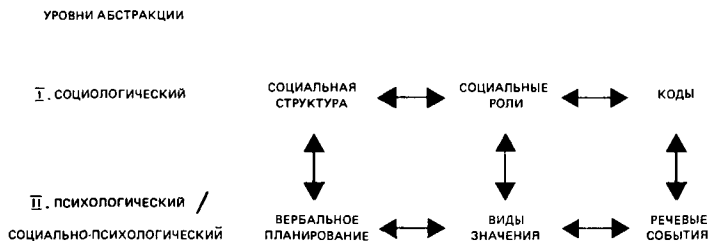
Следовательно, социология также проявляет интерес к языку, рассматривая «сеть транзакций... с частичной ковариацией слов и ситуаций» [Gross, 1967, 13] и решающую роль языка в процессе социализации: «индивиды заучивают свои роли в процессе коммуникации» [Bernstein, 1966, 255]. В этом случае опасения, высказанные ранее по поводу того, что социолингвистика могла бы рассматриваться как паразитирующая на социологии, представляются беспочвенными, поскольку выдвигаемая гипотеза не является слабой гипотезой о наличии корреляций между языковой формой и принадлежностью к социальному классу, но гипотезой о том, что социальный класс может, по крайней мере до некоторой степени, определяться в лингвистических терминах.

Сферы социологии — первичные единицы социальной жизни, базисные социальные институты и фундаменталь-

ные социальные процессы [Inkeles, 1964, 12, table 1] — все до одной опосредованы языком, а в какой-то мере делаются возможными благодаря языку. Мы вернемся впоследствии к некоторым из этих тем при обсуждении социальных групп (4.2.1). Тем временем можно представить в схематическом виде преимущественно социологическую модель, в которой психологическая, социологиче-

РИС. 3.4

Социологическая модель

ская и языковая структуры показаны как интегрирующие и порождающие речевые события (рис. 3.4) (основано на [Bernstein, 1965, 160] и [Lawton, 1968, 100]).

Данная модель предполагает, что социальные структуры, социальные роли и коды, обычно соотносящиеся с ними, взаимовлияют друг на друга, обуславливая возможность изменения в обществе, в социальной интеракции и в языке. На психологическом уровне вербальное планирование, само оказывающее влияние и испытывающее влияние со стороны социальной структуры, создает значения и модифицируется этими значениями, демонстрируемыми ролевым поведением и употреблением кода, которое конкретизируется речевыми событиями. Отметим наличие как горизонтального, так и вертикального воздействия, всегда взаимного, между шестью элементами модели. Ясно, однако, что нам придется, имея в виду модель такого рода, определить гораздо подробнее, что означает большинство приведенных выше терминов, и показать это на очевидных примерах — по крайней мере, для взаимосвязей между ролями и кодами и между кодами и речевыми событиями (см. 4.3.2).

3.1.4 Психологические модели

Во всем нашем кратком обзоре видов определения языка и моделей, имеющих для его описания в социальных науках, мы неуклонно двигались в направлении наименьших единиц изучения — поведения индивида, а в социальной психологии — изучения социального поведения индивида. Характерным для социальной психологии является допущение о том, что единицей исследования должно быть *событие межличностного поведения* и что целью данной дисциплины должно стать формирование или обнаружение законов, объясняющих природу, развитие и изменение таких событий [Krech et al., 1962, 3].

В своей попытке достичь этих целей социальная психология опирается на принципы общей психологии, для того чтобы понять, «как индивид формирует свои социальные цели, как он воспринимает лиц и группы, как он выучивается социальному поведению» [ibid., 9].

Социальная психология отчасти разделяет область интересов социологии — социальный класс, статус, нормы поведения, характер и организация групп и т. п., но отличается от нее сосредоточением внимания скорее на поведении индивидов, нежели совокупностей индивидов, рассматривая его в пределах таких социальных структур и между ними, а индивидов — как участников определенных социальных процессов. И вновь язык может считаться ключевым фактором — то ли в сознании индивида «как инструмент концептуального анализа и синтеза», то ли «социально, как средство взаимной коммуникации» [Drever, 1952, 151].

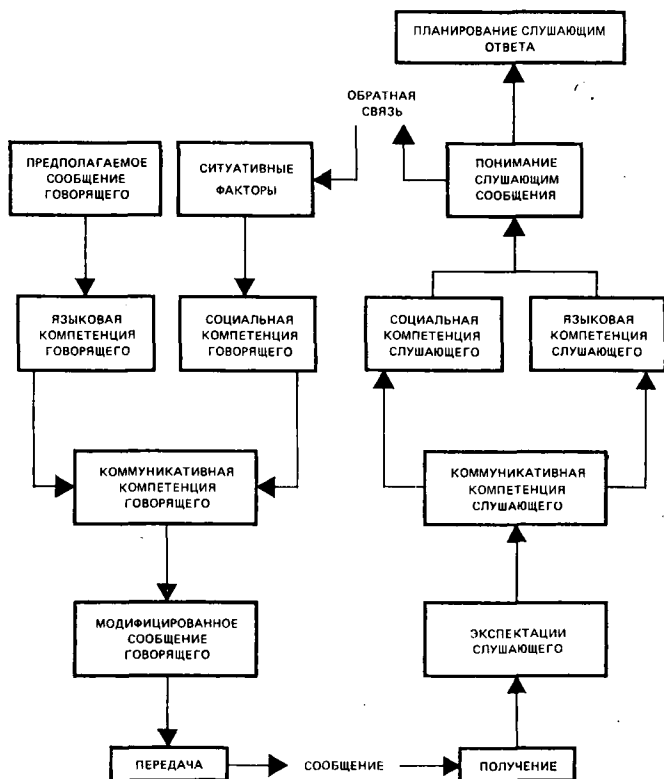
Мы можем теперь попытаться обрисовать социально-психологическую модель процесса интеракции (речевых событий), возможной благодаря серии речевых актов, см. рис. 3.5 (эта схема частично основывается на работе [Argyle, 1967, 95]).

Данная модель предполагает, что говорящий начинает порождать сообщение, форма и содержание которого подвержены модификации под воздействием разнообразных ситуативных факторов (подробнее о них см. 3.3), включая его собственную языковую и социальную компетенцию и невербальную обратную связь со слушающим. Механизм принятия решений — коммуникативная компетенция говорящего — рассматривается, таким образом, как своего рода «миксер», соотносящий языковую и социальную компетенцию и затем реорганизующий предпо-

лагаемое сообщение в более «подходящую» форму. Это модифицированное сообщение далее передается посредством наличных каналов и принимается слушающим. Степень «понимания» сообщения слушающим будет отражением его экспектаций и его собственной коммуникатив-

РИС. 3.5

Социально-психологическая модель

ной компетенции в «осмыслении» сообщения в терминах его языковой и социальной компетенции. Его модифицированное понимание сообщения приводит к двум одновременным результатам: (1) он начинает планировать свой ответ, т. е. начинает готовиться к роли говорящего, и (2) осуществляет невербальную обратную связь, которая сама образует часть ситуативных ограничений, действующих как модификаторы следующего замышляемого говорящим сообщения.

Следует иметь в виду, что это всего лишь частичная модель. Заинтересованным читателям рекомендуется изучить предложения по грамматике говорящего-слушающего, высказанные Б. Райтером и Х. Муром [Richter and Moore, 1974], и, в частности, их схему 5, иллюстрирующую основные элементы, опущенные в приведенной выше модели.

3.1.5 Резюме

Мы занимались рассмотрением природы функциональной модели языка и попытались очертить модели языкового употребления, знакомясь с тем, как теория информации, антропология, социология и социальная психология трактуют язык. Это привело нас к необходимости признать, что изображаемая нами картина является чрезвычайно упрощенной. Теперь мы должны попытаться точнее определить (1) каналы коммуникации, имеющиеся в распоряжении говорящего и слушающего, (2) виды информации, передаваемой по этим каналам, (3) опосредующие ситуативные факторы, которые влияют на выбор канала и взаимодействуют с ним, и (4) тип содержания информации, заключенного в речевых событиях при личном взаимодействии индивидов.

3.2 КАНАЛЫ И СОДЕРЖАНИЕ КОММУНИКАЦИИ

Если мы перенесем внимание с языка, как он определяется лингвистикой, — сам код, описываемый в терминах грамматики, лексики и фонологии или в терминах компетенции идеального говорящего-слушающего, на общую коммуникативную систему, доступную человеку, мы тотчас заметим, что употребление языка состоит не только из грамматически правильных, но и социально приемлемых высказываний и написаний, поддерживаемых широким диапазоном коммуникативных навыков, включающих выбор таких различных признаков, как качество голоса, скорость произношения, жестикуляция, приближение и даже одежда, поза и т. п. Хотя лингвист интересуется в первую очередь не этими вспомогательными каналами, он должен признать, что функциональная модель ситуативно обусловленного использования языка должна так или иначе принимать их в расчет, поскольку они действительно играют определенную роль в коммуникации и могут быть весьма существенными для эффективного обме-

на информацией. Ниже мы рассмотрим, во-первых, какие наличные каналы, и, во-вторых, какова та совокупная информация, которая передается в процессе вербального обмена.

3.2.1 Каналы коммуникации

Давно было признано, что, хотя «мы говорим своими голосовыми органами...», беседуем мы всем своим телом» [Abercrombie, 1968, 55], и знаменательно, что учителя риторики, т. е. эффективной коммуникации, прилагали большие усилия, чтобы научить не просто правильному выбору слов, но также соответствующим вспомогательным социальным приемам красноречия — голосовым и жестовым [Bell and Bell, 1878, 18—28] — посредством упражнений по артикуляции, акцентуации и интонации.

Чтобы до некоторой степени систематизировать то, что на первый взгляд кажется чрезвычайно разнородной массой коммуникативных средств, понадобится разграничить различные каналы по трем параметрам: независимый — зависимый, статичный — динамичный, слуховой — зрительный (на основании работ ряда лингвистов — [Crystal and Quirk, 1964; Abercrombie, 1968; Laver and Hucheson, 1972]).

3.2.1.1 Параметр «независимый — зависимый»

Независимым каналом *par excellence* является, конечно, сам язык, но поскольку кивки, качание головой, восклицания типа «фу ты!» могут действовать как суррогаты слов, необходимо признать существование второго канала, который мы назовем *псевдоязыковым*.

Зависимые каналы дополняют независимые, но не могут замещать их в том смысле, как это определено выше, хотя мы увидим, что определенные виды информации гораздо лучше передаются через их посредство, чем с помощью чисто языковых средств. Этот класс каналов, включающий такие различные признаки, как поза, пространственная близость, одежда, жестикуляция, выражение лица, характер голоса и т. д., мы назовем *параязыковыми*.

3.2.1.2 Параметр «статичный — динамичный»

Статичные каналы включают как письмо, так и параязыковые явления типа позы, традиционно трактуемые как «обстановка» (setting) речевого события, тогда как динамичные каналы состоят из говорения, жестов, голосовых признаков и т. п.

Данная дихотомия, однако, не вполне удачна ввиду того, что, например, статичное «каменное лицо» может в процессе интеракции легко измениться в улыбающееся. Тем не менее, она может быть временно оставлена как полезное, хотя и произвольное разграничение.

3.2.1.3 Аудио-визуально-тактильный параметр

Хотя существенное различие между двумя основными средствами языковой коммуникации — речью и письмом — может быть легко показано в плане использования первой слухового и вторым — зрительного канала, как псевдоязыковые, так и параязыковые каналы обладают обоими этими средствами. Следует также учитывать тактильный компонент коммуникации: поцелуй, рукопожатие, поглаживание по голове — все это «сообщает» и иногда «громче, чем слова».

Разграничение между псевдоязыковым кивком, являющимся визуальным, и восклицанием, являющимся слуховым, очевидно, как и визуальный элемент жеста, но очень большое число параязыковых признаков реализуется через слуховой, а не визуальный канал. Это касается всех просодических и параязыковых признаков (как эти термины употребляются в [Crystal and Quirk, 1964, 66—68]) тона, темпа, силы, высотного диапазона, ритма, напряжения, качественных характеристик голоса, вербальной квалификации и паузы. Ниже мы перечислим их более подробно, так как многие из них играют решающую роль в личной коммуникации как модификаторы и даже как реверсоры языковых значений высказываний. Мы попытаемся также сгруппировать эти признаки в терминах языковых единиц, в которых они обычно встречаются.

На уровне *тоновой группы* [Halliday, 1967] должен осуществляться выбор тона — нисходящего, восходящего, нисходяще-восходящего, восходяще-нисходящего и т. п., и имеется очевидная возможность сделать выбор в пределах высотного диапазона избранных тонов — узкого, ши-

рокого, монотонного, что будет нести определенную коммуникативную нагрузку.

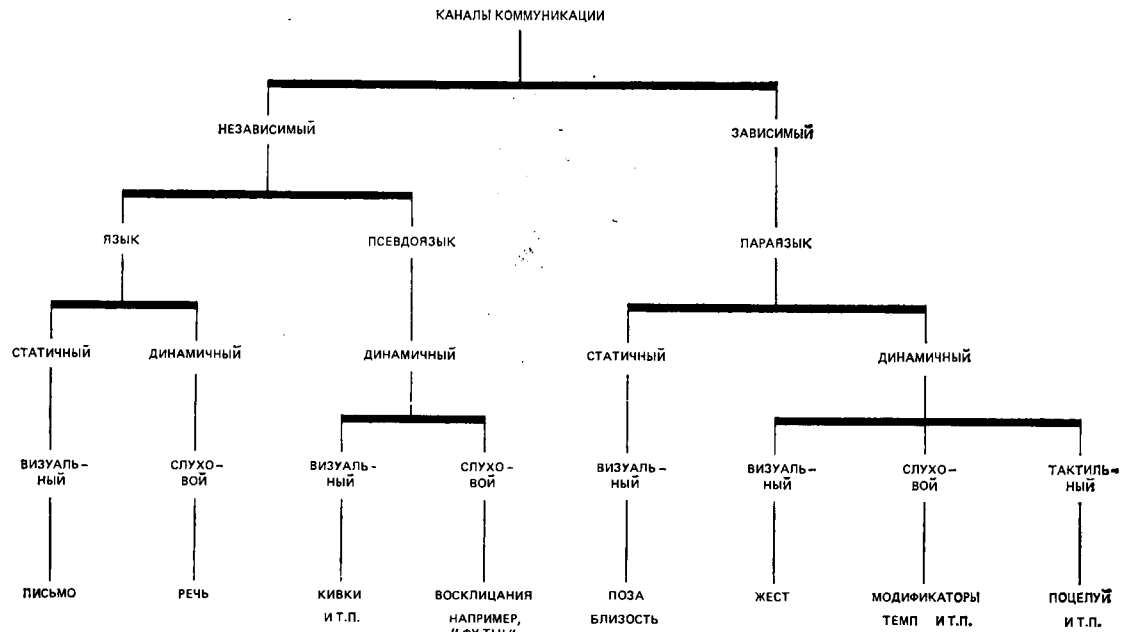
Стопа — единица ритма — также может модифицироваться в диапазоне от *staccato* до *legato* под влиянием общего темпа произнесения (от *allegro* до *lento*) и степени варьирования темпа (от *accelerando* до *ritardando*), производя впечатление клиппированной или протяжной речи.

Слог равным образом может модифицироваться при его произнесении степенью напряжения (невнятный, вялый, напряженный), степенью силы (от *pianissimo* до *fortissimo*) и общим характером голоса — шепот, сиплость, фальцет, раскатистость и т. п.

Явления паузы, хотя они до некоторой степени предсказуемы [Goldman-Eisler, 1968], могут встречаться в любой точке высказывания — молчаливые паузы или «гм» и «э-э», тогда как остальные квалификаторы — смех, хихиканье, дрожание голоса, рыдание, плач, хотя и встречаются часто на слогах или заполняют паузы, могут распространяться на все высказывание или на несколько высказываний, и они, так сказать, скорее проговариваются *сквозь* высказывание, чем включаются в него.

Теперь мы можем представить в схематическом виде систему каналов, имеющих в распоряжении носителя языка (рис. 3.6), но прежде необходимо осветить один момент, являющийся исключительно важным для нашей аргументации. Возможность выбора канала и необходимость коррелированности выбора с другими социальными навыками делает очевидным тот факт, что мы имеем дело с системой крайне сложной, но обязательно регулируемой правилами. С этой точки зрения наиболее примечательно то, что во всех мировых культурах нормальный шестилетний ребенок уже владеет этой системой — по крайней мере, ее основой; это, несомненно, наивысшее интеллектуальное достижение, которого индивид когда-либо добивается (ср. [Pittenger and Smith, 1957, 62]), и это заставляет нас вновь утвердиться в мнении о том, что социолингвистика должна взять на себя задачу гораздо большую по своим масштабам, чем описание языковой компетенции идеального говорящего-слушающего, и стремиться выявить природу и функцию коммуникативной компетенции носителя языка, посредством которой он оказывается способным обмениваться информацией со своими товарищами.

РИС. 3.6 Каналы коммуникации

3.2.2 Содержание коммуникации

Выше мы кратко описали каналы, доступные носителям языка при личном обмене информацией, но пока не рассмотрели ни видов информации, передаваемой этой системой, ни взаимосвязи между выбором канала и типом информации.

Под «содержанием информации» мы понимаем здесь не столько «макрофункции» языка [Halliday, 1973], которые мы предполагаем охватить ниже, сколько виды передаваемой информации, содержащейся в самом процессе коммуникации, информации, которая в одних случаях осознается и планируется говорящим, а в других находится под гораздо менее сознательным контролем.

Выделяются три крупные категории информации: познавательная (когнитивная), индексальная и регулятивная (информация ведения интеракции) [Laver and Hutchesson, 1972, 11 сл.].

Когнитивная информация связана с пропозициональным, или фактическим, содержанием несущих ее языковых структур, т. е. значение высказывания рассматривается в терминах первичных, передающих мысль признаков, — аспект значения, традиционно изучаемый в семантике и лежащий в основе ходячего определения языка как средства передачи мыслей. Мы будем мало касаться этого аспекта информации, так как он изучается в течение долгого времени и по-прежнему рассматривается как часть области собственно лингвистики; укажем только, что, как выяснится в дальнейшем, термин «когнитивный» нуждается в более широком определении в контексте социолингвистики, чем это делалось до сих пор (см. 3.4).

Индексальная информация сообщает о психологическом складе и социальном статусе говорящего [Abercrombie, 1967, 6] — о его личности, свойствах, склонностях и эмоциональном состоянии — и помогает обрисовать его отношение к себе и к другим и определить роль, которую он сам отводит себе как участник интеракции [Argyle, 1969, 140]. Это именно тот вид информации, который необходим слушающему для полной интерпретации высказываний говорящего и который образует базисные данные для социально-психологического, социологического и социолингвистического исследования. Мы сами опирались на индексальную информацию в главе 2 при описа-

нии источников меж- и внутриличностной вариации в языке.

Регулятивная информация (или информация *ведения интеракции*) * служит целям начала, продолжения и окончания самой интеракции, поскольку для осуществления успешной коммуникации ее участники должны занять относительно друг друга положения в пространстве, делающие возможным обмен информацией, и должны иметь общие процедуры для начала общения, смены ролей, обеспечения обратной связи, маркировки этапов передачи сообщений и, наконец, приведения ее к завершению.

Интересно, что первый тип информации — когнитивный — обычно в большей или меньшей степени находится под сознательным контролем говорящего и образует главную часть процесса вербального планирования, лежащего в основе его речепроизводства, тогда как два других типа — индексальный и регулятивный — остаются фактически неосознанными, по крайней мере говорящим. Слушающий же, напротив, отдает себе отчет во всех трех видах информации и находится в зависимости от двух последних в своем вступлении в роль, которую он должен играть, и в приписывании значения тому, что он слышит. Стоит только провести простой эксперимент, не говоря в телефон каждые пять секунд «да» или что-то в этом роде, как станет ясно — по неистовым восклицаниям «алло, алло, вы слушаете?», — насколько в действительности зависит, например, говорящий от обратной связи.

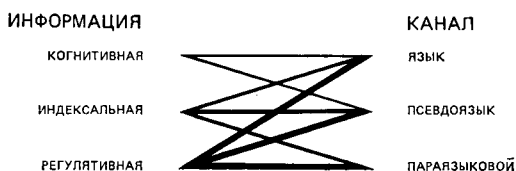
Равным образом, информация «маркировки этапов», содержащаяся в интеракции, имеет решающее значение для структурирования дискурса в целом, и действительно, недавние исследования [Schegloff, 1968; Sinclair and Coulthard, 1975] продемонстрировали, как можно полагать, наличие блоков интеракции, имеющих вполне отчетливые начала и концы и содержащих предложения (традиционно самые крупные единицы, с которыми имеет дело лингвистика) как их составные части.

* Автор называет этот вид информации *interaction management information*. Представляется целесообразным, на основе придаваемого этому термину значения и в целях единообразного обозначения типов информации, заменить его эквивалентным термином «регулятивная». (Прим. пер.)

3.2.3 Интеграция выбора канала и информации

Очевидно, что все каналы коммуникации открыты ее участникам в процессе интеракции и что все или несколько из них обычно вводятся в действие одновременно. Возникает поэтому вопрос, имеются ли сильные корреляции между выбором канала и типом информации. Как представляется, такие корреляции до некоторой степени существуют.

РИС. 3.7 *Отношения между каналом и содержанием*

Когнитивная информация передается преимущественно языковыми средствами и в отдельных случаях — посредством псевдоязыкового замещения языковых единиц, хотя такая субституция является узкой по объему — немногим большей, чем утверждение и отрицание.

Индексальная информация передается всеми тремя каналами; языковой выбор говорящего предполагает значительные сведения о его состоянии и статусе, так что в его распоряжении будет также широкий выбор из псевдо- и параязыковых признаков.

Ведение интеракции чаще всего обеспечивается посредством параязыкового канала, в особенности движений головы и глаз, хотя привлекаются и псевдоязыковые и порой языковые средства — последние, однако, реже, так как языковой канал обычно уже использован с полной нагрузкой для передачи когнитивной информации. Нормально, лишь в тех случаях, например, когда речь протекает не в условиях непосредственного личного контакта, оказываются необходимыми подлинные вербальные сигналы для регулировки «смены очереди» и т. п. Прекрасным примером этого служат формулы радиооператора типа «перехожу на прием», «конец передачи». Схематическое изображение сети отношений между каналом и содержанием коммуникации дается на рис. 3.7.

3.2.4 Резюме

Мы видели, что навыки, необходимые как говорящему, так и слушающему в речевом акте, отличаются высокой степенью сложности и явно представляют интегрированную систему, в которой выбор канала и содержание информации тесно соотнесены. Однако прежде чем двигаться дальше, мы должны более подробно рассмотреть компоненты коммуникативной ситуации и функции, выполняемые в ней языком. В ходе этого рассмотрения станет еще более очевидным, что коммуникативные навыки являются не случайными, а регулируются определенными правилами и могут быть представлены в виде модели базисной коммуникативной компетенции, на которую индивид опирается как участник речевого события наряду с другими индивидами.

3.3 КОМПОНЕНТЫ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

Выше (3.1.4) была описана психологическая модель употребления языка, представленная на рис. 3.1 и ограниченная диадической интеракцией, т. е. между единственным говорящим и единственным слушающим. Одна существенная черта этой модели требует сейчас более подробного описания — это элемент, обозначенный как «социальные факторы», т. е. то определяющее воздействие, которое испытывает планируемое говорящим сообщение, когда он модифицирует его для реальной передачи. Короче говоря, необходимо дать своего рода опись составных частей ситуации, в которой протекает акт коммуникации, которую мы пока по-прежнему ограничим личной интеракцией между двумя участниками. Ниже (4.3) мы вернемся к факту большей сложности внутри- и межгрупповой коммуникации, совершающейся в более крупных масштабах.

3.3.1 Лингвистические аппроксимации

Традиционно три фактора признавались основными компонентами коммуникативной ситуации — говорящий, слушающий и тема, и мы явно или неявно придерживались этого тройного разделения в описанных выше моделях. В дальнейшем мы увидим, что такого рода модель слишком несовершенна даже применительно к диадам и безусловно непригодна в тех случаях, когда число участни-

ков больше двух. Для начала, однако, рассмотрим некоторые более ранние подходы к определению составных частей контекста человеческой коммуникации, а затем предложим несколько видов улучшений.

3.3.1.1 Фёрс

Одна из первых и вполне разработанных моделей была предложена в 30-х годах Дж. Фёрсом под маркой понятия *контекста ситуации*, заимствованного у Б. Малиновского, для которого это была «частица социального процесса, которая может рассматриваться обособленно и в которой центральным, создающим ее отличие моментом является речевое событие» [Firth, 1964, 182]. Для Фёрса контекст ситуации был «...схематическим конструктом, применяемым к языковым событиям..., группой связанных категорий на уровне, отличном от уровня грамматических категорий, но того же абстрактного характера» (ibid.), состоящей из «удобных абстракций на социальном уровне анализа» и создающей «основу иерархии технических приемов для формулировки значений. Формулировка значения не может быть достигнута в один прием путем анализа на одном уровне» [ibid, 183]. Таким образом, понятие контекста ситуации было, по Фёрсу, решающим в семантическом описании языка и ключевым фактором в его контекстуальной теории языка, которая, вместе с высказанной им целью — «связать изучение языка с социальной природой человека» [ibid., 186], несомненно делает его одним из основоположников социолингвистики.

Перечислялись следующие реальные компоненты контекста ситуации:

1. Релевантные признаки участников — лица и личности, включая их вербальные и невербальные действия.
2. Релевантные объекты.
3. Эффект вербальной деятельности.

Хотя некоторые из этих факторов сформулированы довольно расплывчато, мы увидим, что данная концепция имела значительные последствия для изучения ситуативно обусловленного использования языка, особенно в трудах таких представителей «неофёрсовского» направления, как М.А.К. Хэллидей [Halliday, 1973], чей подход к теории речевых функций будет рассмотрен ниже, а также Д. Кристэл и Д. Дейви (1969), среди прочих, с их исследованием «регистра».

При том, что предложенные Фёрсом категории весьма нечетки и что использование термина «релевантные» в действительности выглядит весьма голословным (см. ниже о различении *эмического* и *этического* у Пайка — 3.3.2.2), понятие контекста ситуации, тем не менее, дает первое приближение к конкретизации компонентов коммуникативной ситуации и, следовательно, является шагом вперед в ответе на два взаимосвязанных вопроса: 1) каким образом оказывается возможным, что, несмотря на отсутствие четких и последовательных корреляций между языком и ситуацией, носитель языка, имея лишь текст (скажем, записанный на пленку), часто способен с большой степенью точности восстановить ситуацию? 2) каким образом, имея некоторую ситуацию, этот говорящий находит наиболее подходящий к ней язык? Как сказал Фёрс, мы уже «далеко ушли от механистического структурализма Соссюра» [ibid., 183] и движемся к определенной социолингвистической ориентации.

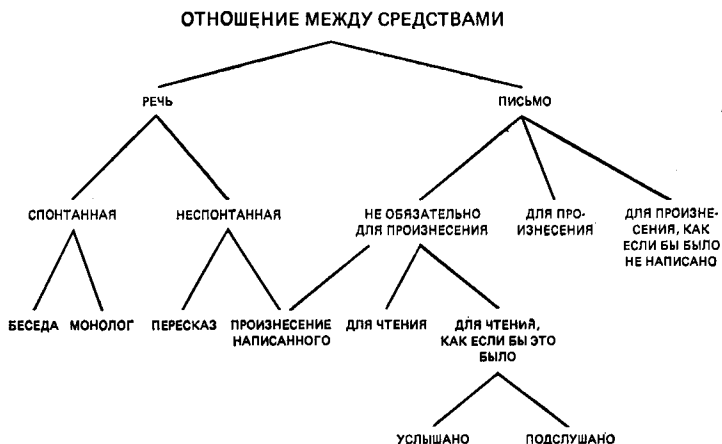
3.3.1.2 Грегори

Важный вклад в развитие модели Фёрса внес М. Грегори [Gregory, 1967], попытавшись уточнить взаимоотношения между языковым выбором и ситуативными элементами. Им были предложены три категории — вид, поле и смысл дискурса, коррелирующие с тремя ситуативными признаками, — средством, ролью и отношением адресатов, что приблизительно соответствует каналу, теме и отношению между участниками коммуникации. Он предложил также дополнительную переменную в пределах выбора средства (огрубленно говоря, речи или письма), которая удачно проясняет природу «стиля». Совершенно очевидно, что даже при беглом взгляде на письменный текст заметно существенное различие между текстами, написанными для чтения про себя, для чтения вслух, для чтения так, как если бы это вообще не читалось и т. п., например, роман, стихотворение и диалог в пьесе. Это, конечно, существенный шаг вперед (см. рис. 3.8). К примеру, концовки многих сцен в пьесах Шекспира маркированы применением поэтического приема — рифмованных двустушии.

3.3.1.3. Кристэл и Дейви

В качестве необходимой предпосылки для стилистического анализа английского языка Д. Кристэл и Д. Дейви [Crystal and Davy, 1969] вынуждены были пересмотреть понятие «ситуации» и ее корреляции с языковым выбором, в результате чего вместо весьма неопределенного

РИС. 3.8 *Типы средств коммуникации*

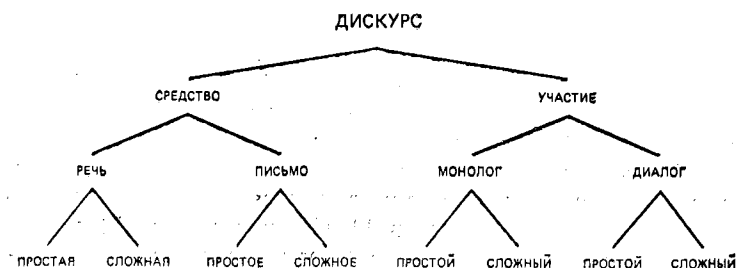
термина «ситуативные переменные» был предложен набор «измерений ситуативного давления» и предпринята попытка определить «роль каждого языкового признака в терминах одного или нескольких из этих измерений» [ibid., 64].

Среди воздействующих ситуативных факторов упоминаются признаки фамильярного диалекта и отношений между адресатами, а также, в целях дальнейшего прояснения некоторых отношений между средствами, понятия простого/сложного средства и простого/сложного участия. Это позволяет противопоставить письменный текст, написанный для чтения, и текст, написанный для такого устного воспроизведения, как если бы это был не письменный текст, а естественная речь — например, передаваемые по радио последние известия и диалог в радиопьесе. Аналогичным образом, монолог, не содержащий изменений в акцентировке со стороны говорящего, может противопоставляться такому монологу, в котором

они имеются (см. рис. 3.9). Ярким примером служит анекдот, в котором рассказчик использует единственную речевую манеру для единственного действующего лица, и анекдот с несколькими персонажами, каждый из которых выделяется рассказчиком с помощью различных манер речи.

РИС. 3.9

Типы дискурса

Важным связующим звеном, объединяющим все три описанные аппроксимации — Фёрса, Грегори и Кристэла и Дейви, является их ориентация, отличающая их от подходов, рассматриваемых ниже. В каждом из этих случаев отыскивается корреляция между языковыми формами, содержащимися в тексте, и различного рода ситуативными переменными, т. е. этот подход является скорее лингвистическим, чем социолингвистическим, поскольку язык, так сказать, «задается» и «объясняется» в терминах его «внеязыкового» контекста. Кристэл и Дейви наиболее отчетливо формулируют свою задачу в гипотезе, что «любое употребление языка демонстрирует определенные языковые признаки, позволяющие отождествить это употребление с одним или более внеязыковыми контекстами» [ibid., 11].

3.3.2 Социолингвистические аппроксимации

До сих пор мы рассматривали подходы к корреляции языковых и ситуативных переменных, имеющие по существу лингвистическую ориентацию — переход от формы к функции. Ниже дается обзор противоположного, социолингвистического подхода, берущего в качестве исходного момента функции и выясняющего, какие формы обычно выбираются для достижения определенных социальных целей в определенных ситуациях.

Исследования по «этнографии речи» [Hymes, 1972] привели к ряду уточнений ситуативных компонентов, предполагаемых коммуникацией между индивидами. Среди них наиболее ясно сформулированы уточнения Д. Хаймса, предложившего некоторую таксономию, содержащую не менее 13 элементов, которые изящно сводятся к удачному акрониму SPEAKING 'речь'*; эти элементы, однако, никогда не действуют все одновременно. Ниже дается их перечень.

1. *Обстановка и сцена* — общие физические обстоятельства, в которых протекает коммуникативный акт, причем первый термин относится к времени и месту, а второй — к культурному определению данного события. Например, лекция может определяться в плане *обстановки* так: «лекционный зал, в 11.00, в четверг 14 марта 1974 г.», а в плане *сцены* — как «относительно официальная».

2. *Участники* — говорящий (отправитель, адресант) и слушающий (получатель, публика или адресат). Например, в диадической личной коммуникации участвуют говорящий и слушающий, тогда как телефонный разговор предполагает отправителя и получателя, а крупные интеракции типа лекции — адресанта и адресатов, или публику.

3. *Эффект*, в котором разделяются *исход*, т. е. предполагаемый и непредвиденный результат, и *цели* — индивидуальные и общие. Например, лекция может быть задумана как яркая и увлекательная, но на деле оказаться смазанной и скучной, а целью лектора может быть пробуждение интереса к некоторому аспекту социолингвистики, тогда как целью аудитории — провести час в теплой уютной атмосфере!

4. *Ход действия* — *форма и содержание* сообщения: как и что сказано, «слова» и «тема». Если продолжить пример с лекцией, *формой* будет примерно пятидесятиминутный текст, который может анализироваться с помощью испытанных (а в некоторых случаях менее испытанных) методов дескриптивной лингвистики, в то время

* В русском переводе невозможно сохранить акронимичность перечисляемых ниже восьми терминов, отраженную в слове speaking — Setting, Participants, Ends, Act sequence, Key, Instrumentalities, Norms, Genres. (Прим. пер.)

как *содержание* может быть предметом семантического анализа разного вида с попыткой интегрированного описания обоих аспектов.

5. *Ключ* — манера передачи сообщения; например, лекция может читаться математически точно или же с веселой легкостью.

6. *Инструментарий*, включающий используемые каналы (см. 3.2.1) и *формы речи* (язык, диалект и т. д.). Возвращаясь к нашему примеру с лекцией, отметим, что *каналом* является главным образом разговорный язык, дополняемый вспомогательными псевдо- и параязыковыми средствами (см. выше) с вероятным подкреплением в виде письменного канала (письменные материалы, заметки на доске и т. п.), тогда как *формой* будет свойственная лектору разновидность английского языка, с возможным переходом на другие разновидности, если тема требует приведения примеров из иных диалектов, и даже на другие языки, если в тексте лекции имеются соответствующие цитаты из работ не англоязычных лингвистов.

7. *Нормы*: как сама *интеракция* содержит нормы поведения ее участников, точно так же *интерпретация* сообщения может рассматриваться как содержащая нормы в смысле определенных экспектаций, в особенности со стороны получателя. В лекции, например, английский лектор и его аудитория обычно настроены на непрерывный монолог, вопросы же задаются в конце лекции, хотя каждая группа имеет в этом отношении значительную свободу и часто лектор в начале курса определяет, по какому принципу он рассчитывает строить интеракцию. Аналогичным образом слушатели ожидают, что когнитивное значение услышанных высказываний будет именно тем значением, которое имел в виду говорящий. Они не будут готовы воспринимать, например, те или иные замечания как иронические, пока не свыкнутся со стилем лектора (т. е. с ключом), и действительно, величайшее разочарование испытывает лектор в тех случаях, когда его самые юмористические ремарки не находят отклика у слушателей, и только потому, что они не ожидали ничего иного, кроме как серьезных высказываний.

8. *Жанры* — эти категории легко идентифицировать по языковым формам, которые для них типичны, и лекция служит хорошим примером особого *жанра*; этот термин, как известно, имеет значительную традицию в литературоведении.

До сих пор мы уходили от решения одного исключительно трудного философского вопроса, которого мы больше не можем избегать. Все это время предполагалось, что в известном смысле «тот же самый» языковой выбор имеет тенденцию повторяться в «тех же самых» ситуациях, однако в абсолютном смысле все ситуации представляют собой уникальные не повторяющиеся события. С этой проблемой столкнулся К. Пайк в своей попытке построить единую теорию человеческого поведения, которое естественно включало бы язык [Pike, 1967], и мы уже обращались ранее к предложенному им решению при обсуждении антропологических моделей коммуникации (3.1.2). Выходом из указанной дилеммы является признание того, что все общества трактуют некоторые группы ситуаций как столь минимально различные, что в практических целях они считаются теми же самыми. Следовательно, в любой ситуации должны быть такие признаки или комбинации признаков, которые могут или же не могут варьироваться без изменения ее классификационных характеристик. В весьма похожем положении находится фонетист, когда он сталкивается с необходимостью описать фонемную структуру неизвестного ему языка на основе разнородной массы варьирующих фонетических данных: какие признаки и сколько их должно быть общими у двух единиц, чтобы они могли классифицироваться как варианты одной и той же базисной формы? В традиционных фонологических терминах, сколько одних и тех же фонетических признаков должно встречаться в двух фонах, чтобы они могли классифицироваться как аллофоны одной фонемы? Типичной в таких случаях является апелляция к значению: вызывает ли данное различие появление «разных слов»?

Предложение Пайка состояло в том, чтобы, по аналогии с фонологией, прочие типы социального поведения человека анализировались таким же образом путем постулирования признаков, которые являются *этическими* и не изменяют «значения» события для его участников, в противоположность *эмическим* признакам, вызывающим такое изменение. Если далее проводить указанную аналогию, можно полагать, что имеются, так сказать, «аллопризнаки» — одни из них, вероятно, находятся в дополнительной дистрибуции (подобно двум реализациям /l/ в оксфордском произношении), другие — в отношении

«свободной вариации». Насколько далеко может проводиться данная аналогия — это явно вопрос, на который должны ответить будущие эмпирические исследования, однако представляется очевидным, что понятие этического-этического полезно и может привести к построению некоторой иерархии компонентов, рассмотренных выше.

3.3.3 Резюме

В этом разделе мы описывали с микросоциолингвистической точки зрения составные части коммуникативной ситуации, включающей двух участников (модель Хаймса может, конечно, охватить и более сложные, чем диадические, интеракции). Было предложено два типа подхода: лингвистический, стремящийся соотнести форму с социальной функцией, и социолингвистический, стремящийся исходить из функции и соотносить ее с языковой формой. При этом остаются нерешенными несколько проблем, поэтому мы назвали предложенные модели «аппроксимациями». Главными из этих проблем являются более ясное определение термина «функции языка» и распространение модели с целью охвата коммуникации внутри более крупных социальных групп и между ними. В следующем разделе делается попытка прояснить значение термина «функция», а рассмотрение связи языкового выбора с социальной группой отложим до следующей главы.

3.4 ФУНКЦИИ ЯЗЫКА

Хотя мы рассмотрели виды информации, передаваемой так или иначе с помощью каналов, доступных говорящим и слушающим, вопрос о видах преднамеренной информации, сообщаемой говорящими, был затронут очень кратко. Это явное упущение должно быть исправлено, если только здравый смысл подсказывает, что люди пользуются языком, чтобы обмениваться информацией — в этом состоит его первичное назначение. Ниже мы обратимся к предположениям о видах целенаправленной информации, передаваемой языком, а затем в разделе 3.5 вновь вернемся к мысли, проходящей через всю эту главу, о том, что функционирование в обществе такой сложной системы, как язык, не может не подчиняться определенным правилам, что такие правила образуют часть «зна-

ния языка», которым обладает говорящий, и что, следовательно, их описание должно входить в задачи дескриптивной лингвистики.

3.4.1 *Традиционная модель трех функций*

Традиционно языку приписывались три предположительно отдельных, но фактически частично перекрывающих друг друга функции, различие между которыми покоится на видах информации, соотносимой с каждой из них.

Первейшей функцией языка считалась *когнитивная* — выражение идей, понятий, мыслей. Это вполне соответствует пониманию языка, с точки зрения «здорового смысла», как средства выражения мысли, и по крайней мере до недавнего времени таково было мнение учителя, для которого носители нестандартных разновидностей языка были неполноценными людьми в языковом и культурном отношении (см. [Robinson, 1972], особ. с. 154-172, о горячей защите теории ограниченного-разработанного кода и [Baratz and Baratz, 1970] о возражениях против нее).

Вторая функция, *оценочная*, считалась связанной с выражением личных отношений и оценок, а третья, *аффективная* — с передачей эмоций и чувств.

Интересно отметить, что с этим разделением соотносится, по-видимому, выделение различных типов использования языка, изучаемых разными отраслями социальных наук. Лингвистика и философия стремятся сосредоточить внимание на его когнитивной функции, социология и социальная психология — на оценочной, а психология и литературоведение — на аффективной.

3.4.2 *Модификации традиционной модели*

Неудовлетворенность трехфункциональной моделью привела, особенно после 1960 г., к нескольким ее пересмотрам, из которых два наиболее интересных — Якобсона и Хэллидея — будут обсуждаться ниже.

3.4.2.1 *Языковые функции Якобсона*

Модель Р. Якобсона [Jakobson, 1960], касающаяся в первую очередь природы литературного языка, дает возможность описать шесть основных языковых функций путем указания на то, как смещение фокуса с одного аспек-

та речевого события на другой определяет функцию используемого в нем языка. Мы представим шесть аспектов и ассоциируемые с ними функции в табличной форме (рис. 3.10), а затем приведем примеры.

РИС. 3.10

Аспекты и функции по Якобсону

АСПЕКТ	ФУНКЦИЯ
Адресант	Эмотивная, экспрессивная, аффективная
Адресат	Конативная
Контекст	Референционная, когнитивная, денотативная
Сообщение	Поэтическая
Контакт	Фатическая, регулятивная (функция ведения интеракции)
Код	Метаязыковая

Примеры

1. *Эмотивная*: адресант ставит своей целью непосредственное выражение своего отношения к теме и ситуации.

2. *Конативная*: фокусировка внимания на адресате. Наиболее типичным для этой функции является использование вокативов и императивов — привлечение внимания другого лица или побуждение его к совершению некоторого действия.

3. *Контекст*: вероятно, наиболее обычная функция языка: фокусировка на объекте, теме, содержании дискурса.

4. *Сообщение*: фокусировка на самом сообщении и ради сообщения.

5. *Контакт*: использование языка для начала, поддержания и окончания языкового общения, т. е. для ведения интеракции (см. 3.2.2), обусловлено фокусировкой на контактном элементе ситуации.

6. *Код*: сосредоточение внимания на самом языковом коде имеет своим результатом метаязыковую функцию

языка; например, вся дескриптивная лингвистика имеет, или должна иметь, в качестве первичной цели использования ею языка чисто метаязыковую функцию.

Модель Якобсона очень ясно демонстрирует проблемы построения некоторого рода таксономии для языковых функций. В известном смысле она является прогрессом по сравнению с более ранней трехфункциональной моделью хотя бы потому, что содержит вдвое больше категорий. Но именно в этом и таится опасность. Отнюдь не кажется невероятным, что мы могли бы беспрестанно продолжать изобретение новых функций, но по-прежнему не имели бы в результате удовлетворительной системы просто потому, что многие высказывания являются многофункциональными даже в определенном контексте.

Вслед за моделью Якобсона было предложено несколько альтернативных систем (многие суммированы и дополнены в [Robinson, 1972, 42—56]), но мы рассмотрим только одну — систему Хэллидея, после чего завершим эту главу и перейдем к следующей.

3.4.2.2 Языковые функции Хэллидея

В серии статей М. А. К. Хэллидей [Halliday, 1973] исследовал отношение между функцией и употреблением языка у детей и взрослых и предложил теорию социологической семантики, демонстрирующую сжатие семи функций детского языка (исследовались дети дошкольного возраста) в три макрофункции языка взрослых.

Он доказывает, что детский язык имеет семь функций, которые очень тесно коррелируют с формой, первоначально взаимно-однозначным образом; например, ребенок, желающий попросить конфету, вероятнее всего скажет: «Я хочу...» вместо многообразия возможных выражений, доступных взрослому. Ввиду этой тесной связи между языковой формой и социальной функцией в речи ребенка Хэллидей предполагает, что «языковая система маленького ребенка есть, по существу, набор ограниченных вариантов...; то, что ребенок делает с языком, обычно определяет его структуру» [ibid., 27]. Мы еще вернемся к понятию «ограниченного языка», а здесь займемся предложениями по моделированию неограниченного использования языка взрослыми, что является существенной проблемой, так как «каждый языковой акт взрослого обслуживает, за немногими исключениями, более чем одну функцию сразу» [ibid., 34].

Как полагает Хэллидей, по мере достижения ребенком зрелости семь дискретных функций его языка «постепенно замещаются более высокоорганизованной и более абстрактной, но одновременно более простой функциональной системой [ibid., 36]. Эта система содержит только три макрофункции — идеационную, межличностную и текстуальную, которые до некоторой степени дополняют три традиционные функции и пересекаются с ними. Рассмотрим их по порядку.

Идеационная функция языка близко соответствует обсуждавшейся выше когнитивной функции (см. 3.2.2 и 3.4.1), но является более широкой, поскольку она включает также под общей рубрикой «выражение опыта» оценочные и аффективные аспекты установки, оценки, эмоции и чувства. Идеационная функция языка, следовательно, «связана с выражением опыта, включая как процессы внутри и вне личности — явления внешнего мира и сознания, так и логические отношения, выводимые из них» [ibid., 99].

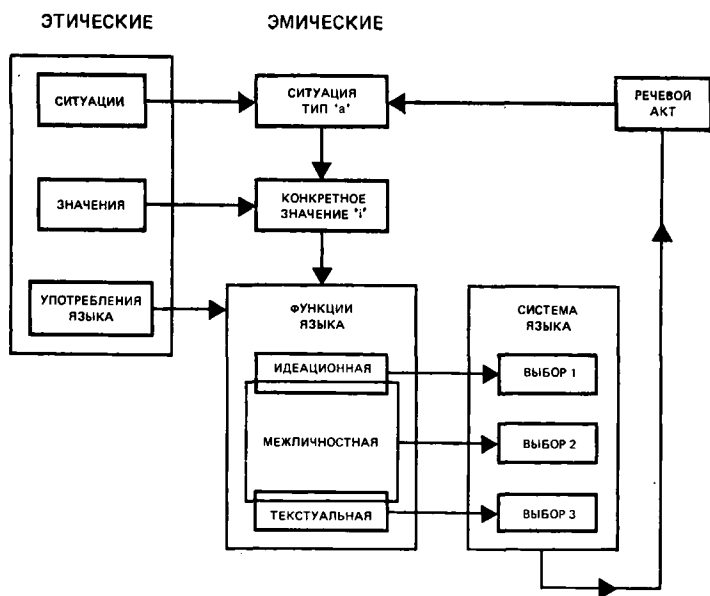
Межличностная функция включает в себя индексальную и регулятивную функции (см. 3.2.2), так как она «выражает роль говорящего в речевой ситуации, его личные приверженности и его взаимодействие с другими» [ibid.]. Именно эта языковая функция «способствует установлению и поддержанию социальных отношений», посредством которых «разграничиваются социальные группы, а индивид отождествляется и получает поддержку, поскольку язык, давая ему возможность взаимодействовать с другими людьми, способствует также выражению и развитию его личности» [Halliday, 1970, 143].

Текстуальная функция связана со структурированием речевого акта — выбором грамматически и ситуационно уместных предложений и упорядочиванием содержания в логически связанную последовательность, пригодную для интеракции в целом.

Интеграция этих макрофункций языка или, точнее, его грамматики, в рамках теории ситуативно обусловленного использования языка строится на отношении семантического компонента, с одной стороны, к социальному, а с другой — к лингвистическому. По мнению Хэллидея, на входе семантика имеет социальное, а на выходе — языковое [ibid., 100]. Эта теория, следовательно, зависит от промежуточного уровня структуры — семантического, лежащего между общими социальными «употреблениями языка» и общими лингвистическими «формами языка»,

т. е. без этого специфицирующего элемента любая форма могла бы использоваться для любого употребления. Макрофункции рассматриваются как механизм, превращающий «значения» в «грамматические системы» и, в конечном счете, в грамматические структуры и речевые акты. Схема, возможно, поможет представить эти отношения яснее (рис. 3.11 на основе диаграммы в [Halliday, 1970, 101]).

РИС. 3.11 *Ситуация и языковые системы*

Мы обошлись несколько вольно с моделью Хэллидея, чтобы объединить ее с более ранними предложениями; будем надеяться, что этим мы не исказили ее.

Вместо его термина «общие» мы использовали термин Пайка «этические» и, соответственно, вместо «конкретные» — «эмические». Схема должна пониматься следующим образом, если читать слева направо: из всех возможных социальных ситуаций выделяется набор типов (в схеме показан только один); из всех возможных значений выделяется то, которое соответствует конкретной ситуации; далее, из всех возможных употреблений выде-

ляется одна функция, модифицируемая двумя остальными; наконец, каждая функция требует выбора из совокупной системы языка, а комбинация этих выборов создает речевой акт, избираемый для конкретной ситуации.

3.4.3 Резюме

Анализируя понятие «функции языка», мы перешли от традиционной точки зрения, базирующейся на трех функциях — когнитивной, оценочной и аффективной, к более абстрактной модели. Эта модель, хотя и содержит три элемента, серьезно отличается от предыдущей, так как не только включает многие случаи употребления языка, ранее относимые к рубрике «содержание коммуникации» (3.2.2), но перекидывает также мост между социологически ориентированной лингвистикой и дескриптивной лингвистикой, с одной стороны, и философией, с другой. В частности, идеационная функция соответствует, по-видимому, «ядру» Сьюрена [Seuren, 1969] и пропозиции Филмора [Fillmore, 1968] и Сёрля [Searle, 1965], в то время как межличностная функция коррелирует соответственно с их понятиями «оператор», «модальность» и «иллокутивная сила» (illocutionary force).

3.5 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой главе мы исследовали компоненты функциональных моделей языка, сравнивая лингвистический, теоретико-информационный, антропологический, социологический и социально-психологический подходы к описанию ситуативно обусловленного употребления языка. Далее мы рассмотрели, как информация передается с помощью языка: какие каналы обслуживают диадическую коммуникацию — и что представляет собой информация, которой обмениваются участники интеракции. Ответ на вопросы «как?» и «что?» оказался гораздо более сложным, чем это могло первоначально казаться, и нам с трудом удалось предложить предварительные корреляции между выбором канала и содержанием информации. Когда мы обратились к ситуативным факторам, под воздействием которых носитель языка оперирует с ним, мы обнаружили еще более сложную совокупность взаимосвязанных факторов, каждый из которых, как казалось, может, изменяясь, вызывать изменения в «значении» речевого события. Это привело нас к пересмотру (в последнем раз-

деле главы) понятия «функции» и в результате заставило принять, в качестве предварительного описания продуктивного аспекта речевого события, модель Хэлланда с ее тремя макрофункциями — идеационной, межличностной и текстуальной, охватывающими широкий массив употреблений языка, доступных его носителю, и действующими как промежуточная плоскость между внеязыковой ситуацией и семантикой языка, с одной стороны, и грамматикой (в широком смысле этого слова, включающем всю кодовую систему), с другой.

Мы сделали определенный шаг вперед, но по-прежнему стоим перед лицом двух больших проблем: 1) такая сложная система должна регулироваться правилами, и мы обязаны определить, что представляют собой эти правила и в каком месте в описанных моделях они должны действовать; 2) все это время мы ограничивались в своем определении «коммуникации» диадической интеракцией, не учитывая того факта, что социальные группы чаще состоят из более чем двух членов и что сами эти группы могут общаться друг с другом в весьма широких масштабах, вплоть до уровня мировой массовой коммуникации.

Поэтому в следующей главе мы обязаны попытаться рассмотреть понятие правил употребления языка, а также исследовать групповую интеракцию (внутреннюю и внешнюю) применительно к группам более крупным, чем относительно простые диады с двумя участниками — говорящим и слушающим.

Функциональные модели языка: правила и динамика

В предыдущей главе мы перечислили основные компоненты и функции модели языка в употреблении. Однако мы не определили правил, необходимых для соотнесения наших представлений о языке как системе с функциональной моделью, на которую мы ориентируемся в исследовании. Поэтому в данной главе мы займемся описанием видов правил, посредством которых или в соответствии с которыми язык взаимодействует с элементами, лежащими вне его (см. [Feibleman and Friend, 1945]).

Ограниченность нашего предшествующего анализа функциональных моделей языка выразилась, кроме того, в почти исключительном сосредоточении внимания на интеракции в пределах диад. Это может помочь в создании более ясной картины структуры модели, но неизбежным результатом этого будет затемнение более сложных проблем, связанных с объяснением коммуникации между многими, а не двумя индивидами.

Итак, в этой главе преследуются две основные цели. Во-первых, необходимо выяснить, что представляют собой правила употребления языка; во-вторых, необходимо расширить модель, чтобы охватить группировки носителей языка большие, чем отдельный говорящий и его собеседник. Это приведет нас — через группы, роли, сферы использования языка, коды и кодовое переключение — к билингвизму, этой пограничной черте между микро- и макросоциолингвистикой.

4.1 ТИПЫ ПРАВИЛ

Прежде чем рассматривать правила, включаемые в функциональную модель языка, необходимо уточнить, что именно понимается под термином «правило».

Одно из определений правила могло бы звучать так: «формальное утверждение, соотносящее элементы аб-

страктной системы с моделью этой системы». Такое понимание соответствовало бы употреблению этого термина многими философами науки (ср., например, [Nagel, 1961, 90 сл.]). Назначение правила состоит в приписывании системе содержания эмпирического рода путем соотнесения абстрактного исчисления системы с конкретными данными наблюдения и эксперимента. Следовательно, набор правил является тем средством, с помощью которого системы представляются как модели. Как такие правила будут выражаться, зависит от типа соответствующей системы и от намерений исследователя. Поэтому, прежде чем перейти к правилам говорения, соотносящим систему используемого языка с моделью ситуативно связанного языка, мы рассмотрим две оппозиции типов правил: дескриптивные (описывающие) — предскриптивные (предписывающие) и категориальные — переменные.

4.1.1 *Дескриптивные и предписывающие правила*

Вытекающее из здравого смысла значение термина «правило» — некоторый принцип, с которым действие сообразуется или предположительно сообразуется, — влечет за собой два различных отношения к нему. Правило может быть *дескриптивным* в том смысле, что оно пытается описать то, что реально происходит, или же, напротив, оно может быть *предписывающим*, устанавливающим «законы» того, чему следует или не следует происходить.

Традиционная грамматика и риторика стремились акцентировать правила второго типа, предписывая, например, носителю английского языка употребление выражения “It is I” а не “It’s me” (оба означают ‘Это я’). Часто такие предписывающие правила берут начало в греческой или латинской традиции и обычно имеют весьма отдаленное отношение к реальному употреблению английского языка в наши дни (см. [Palmer, 1971, 13—26]).

В XX веке лингвисты попытались придерживаться в отношении лингвистических данных скорее дескриптивной, нежели предскриптивной, ориентации и стремились построить корпус правил, базирующихся не на необоснованных установках, а на эмпирических свидетельствах, полученных из наблюдения над реальной, хотя фактически несколько идеализируемой, речью.

Однако предписывающие правила не лишены интереса для социолингвиста, поскольку они все же действи-

тельно олицетворяют собой формулировки установок по отношению к употреблению языка, которые, даже если игнорируются на практике его носителями, служат, тем не менее, индикаторами социальных представлений о «правильности», влияющих на такие виды поведения, как стереотипизация и гиперкоррекция, — две важные переменные в стилистическом смещении. В самом деле, если социолингвист займется приложением своей науки, например, к языковому планированию, он окажется вынужденным встать на позицию «просвещенного прескриптивизма», основанного на свидетельствах, почерпнутых из эмпирического наблюдения (пространное обсуждение этого вопроса содержится в гл. 7).

Вместе с тем, однако, главные интересы социолингвиста связаны с выяснением дескриптивных правил, делающих возможной социальную интеракцию посредством языка (см. 4.2), точно так же, как ортодоксальный лингвист имеет в качестве своей первичной цели обнаружение дескриптивных правил, управляющих структурой кода.

4.1.2 Обязательные и переменные правила

Существенное отличие правил естественных наук, логики и лингвистики от правил социальных наук состоит в *обязательном*, или инвариантном, характере первых и *переменном*, или вероятностном, характере вторых. Это важное различие непосредственно проистекает из понимания систем в первой группе наук как закрытых, в противоположность пониманию их как открытых во второй группе наук (см. 2.3.1).

Закрытая система может быть соотнесена со своей моделью посредством обязательных (категорических) правил, которые, будучи корректно сформулированы, всегда применимы. В логике и лингвистике использовались два весьма сходных типа обязательных правил — *правила образования* в логике и *базисные правила* в лингвистике и правила *вывода, конверсии* (превращения) или *трансформации*. Различие между этими двумя типами наиболее заметно, вероятно, в правилах трансформационно-порождающей грамматики. Базисные правила, подобно правилам образования в формальной логике, несут функцию определения множеств отмеченных (правильных) формул — например, ядерных предложений в ранних моделях ТГ [Chomsky, 1957]. Трансформационные

правила, напротив, действуют над отмеченными формулами, превращая их некоторым образом в различные цепочки символов (которые в грамматике превращаются в итоге в предложения, записанные в фонемной транскрипции), ср. пассивную трансформацию в модели 1957 года, превращающую активные конструкции в пассивные.

Открытая же система, в противоположность закрытой, соотносится со своей моделью посредством переменных, а не обязательных правил, которые применяются только вероятностным образом. Переменное правило обычно формулируется не в виде «если x , то y », а в виде «если x в контексте $a...f$, то имеется вероятность p %, что y ».

4.1.3 Резюме

«Правилами», которые мы ищем для описания языка в его употреблении, будут дескриптивные правила, частично категорические, подобно правилам логики и лингвистики, частично переменные, подобно правилам социальных наук. Это неизбежно, поскольку социалингвистические правила должны обязательно отражать закрытость системы, образующей код, и одновременно открытость системы, составляющей употребление кода в социальных ситуациях. Можно ожидать, что категорические правила окажутся совместимыми с механическими объяснениями, выражаемыми в механических моделях естественных наук, и, кроме того, переменные правила будут совместимы с вероятностными объяснениями и коррелированными и функциональными моделями социальных наук (см. 1.1 о типах научного описания и 2.3.1 о языке как системе).

4.2 ПРАВИЛА УПОТРЕБЛЕНИЯ ЯЗЫКА

В одной из формулировок задач социалингвистики (Fishman, 1970, 3] ясно подчеркивается важность обнаружения и точного определения социалингвистических правил: «социалингвистика стремится обнаружить общественные правила и нормы, объясняющие и регулирующие языковое поведение и отношение к языку в речевом коллективе». Правила употребления языка, или *правила говорения* [Hymes, 1971], определяют коммуникативную компетенцию носителя в плане его способности избирать подходящий код и стиль для конкретной обстановки и деятельности. Ввиду сложной природы языковой системы — отчасти открытой и отчасти закрытой (см. 2.3.1),

такие правила будут частично категорическими правилами кода и частично переменными правилами, весьма подобными правилам социальных наук. Ниже мы опишем две важные попытки вывести правила для конкретных аспектов употребления языка: предложенные Сёрлем правила, управляющие речевыми актами, и правила, связанные с надлежащим выбором формы обращения в английском языке [Ervin-Tripp, 1973].

4.2.1 Правила для речевых актов

Мы уже упоминали исследование Сёрля по *речевым актам* [Searle, 1969] в связи с «сильным требованием» социолингвистики (1.5.1). Теперь необходимо рассмотреть его следующее утверждение о том, что «говорение на языке есть исполнение речевого акта» и что «эти акты в общем оказываются возможными благодаря определенным правилам употребления языковых элементов и исполняются в соответствии с данными правилами» [ibid., 16].

Сёрль был вдохновлен более ранним исследованием Дж. Л. Остина [Austin, 1958], в котором проводится различие между *констативными* и *перформативными* языковыми актами, причем последние были впоследствии расширены в понятие *иллокутивного* (illocutionary) акта [Austin, 1962]; определяющей характеристикой послужило то, что «говорение чего-то делает его таковым» (“saying it makes it so”).

Сёрль использовал эту идею, разграничив в пределах самого акта пропозициональное содержание и формулировку этого элемента содержания, употребленную говорящим. Необходимо рассмотреть эти термины несколько подробнее, так как использование иллокутивных актов или речевых актов предполагает правила различных видов.

Пропозициональное содержание, по Сёрлю, выражает общее значение, связывающее внешне различные речевые акты; например, высказывания «Выйдет Джон из комнаты?», «Джон выйдет из комнаты», «Джон, выйди из комнаты!», «Вышел бы Джон из комнаты», «Если Джон выйдет из комнаты, я выйду тоже» — все они, несмотря на поверхностные различия в форме, имеют общую пропозицию: говорящий в каждом случае *подразумевает* лицо по имени «Джон» и *преддицирует* действие выхода из комнаты этого лица [Searle, 1965; перепеч. в Giglioli (ed.), 1972, 140 сл.].

Формулировка пропозиции, утверждает Сёрль, является «частью исполнения определенных иллокутивных актов» [ibid., 141], т. е. выбором языковых признаков для выражения содержания.

Различение содержания и выражения является, конечно, весьма древним, но что отличает подход Сёрля и делает его плодотворным, так это тот факт, что он хорошо увязывается с лингвистическим понятием глубинной и поверхностной структуры [Chomsky, 1957], т. е. отношения между базисным «значением» и субкатегориями, реализующимися в фактическом производстве и восприятии речевых актов носителями языка. Кроме того, Сёрль предлагает «устройство, определяющее функцию», которое состоит из правил для определения вида *иллокутивной силы*, предполагаемой для данного акта, т. е. некоторый механизм, весьма напоминающий трансформации в ТГ. Мы должны теперь рассмотреть сущность правил, содержащихся в этом механизме.

Предлагаются два типа правил — регулятивные и конститутивные, чтобы разграничить те правила, которые *регулируют* уже существующую форму поведения, и те, которые *создают* поведение. Например, в разговоре двух людей (назовем их А и В) коммуникация ухудшается, если оба говорят одновременно. Этот факт может быть выражен в *конститутивном правиле*: «если А будет говорить в тот момент, когда говорит В (и наоборот), коммуникация будет ухудшаться»; данное правило не может нарушаться, так как его истинность может быть проверена путем наблюдения. Тот же факт может равным образом выражаться *регулятивным правилом*: «А и В не должны говорить одновременно»; истинность этого правила не может быть проверена, т. е. нельзя показать, верно ли то, что А и В *должны* вести себя определенным образом. Если взглянуть несколько иначе, то конститутивные правила можно определить как дескриптивные, а регулятивные — как нормативные, или предписывающие, в том смысле, как эти термины были использованы выше (4.1).

В наши намерения не входит перечисление правил, предложенных Сёрлем [Searle, 1969, 126 сл.], но представляется полезным показать их формальное отличие от правил ТГ, продемонстрированных выше (4.1.1).

Регулятивные правила могут выражаться в терминах наличия в них базисного императива:

если X, то именно Y.

Конститутивные правила, напротив, обычно имеют такую формулировку: «X засчитывается как Y», т. е. конститутивное правило определяет и по существу создает деятельность, в которой оно применяется, в то время как регулятивное правило просто придает процессу деятельности эффективность [Searle, 1965, 139]. Пример самого Сёрля с правилами игр показывает не только их решающее значение для ведения игры, но и то, что при отсутствии правил исчезает сама игра.

Здесь можно отметить еще один пример слияния философских и лингвистических интересов, проявляющегося в попытках многих лингвистов включить в наиболее глубокие и абстрактные уровни их грамматик понятия «перформативов»; например, глубинной формой предложения «Я устал» будет «Я заявляю, что я устал».

4.2.2. Правила обращения

Мы нарисовали внушительную картину громадного ассортимента элементов языкового кода, имеющих в распоряжении говорящего, и значительного разнообразия ситуативных признаков, с которыми должен коррелировать языковой выбор. Может показаться невозможным сформулировать каким-либо разумным образом, как вообще производятся социально уместные речевые акты, но мы увидим, что два особых типа правил — альтернации и совместной встречаемости — облегчают выбор и делают возможной связную речь.

С. Эрвин-Трипп [Ervin-Tripp, 1973] предлагает два указанных типа правил как частичный ответ на вопрос, «каким образом говорящий оказывается способным выбирать социально уместные формальные языковые единицы в речевых событиях?», и на вытекающий из этого следующий вопрос: «коль скоро соответствующий выбор сделан, каким образом в процессе интеракции продолжается осуществление подобных надлежащих выборов?»

Правила альтернации, как явствует из их названия, контролируют выбор языковых элементов из общего репертуара носителя языка и представляют собой социолингвистический эквивалент парадигматической оси в лингвистике. Иными словами, если отдельный контекст допускает выбор из некоторого множества элементов, эти последние описываются как находящиеся в парадигматическом отношении друг к другу, например, латинские суффиксы склонений и спряжения. Способность большин-

ства английских согласных «заполнять пропуск» в окружении /-en/, давая pen, Ben, ten, den... when, находит параллель в социалингвистическом описании в лице таких единиц, как sir, professor, Fred и т. п., образующих систему обращения в языке.

Правила совместной встречаемости, напротив, являются синтагматическими — по сути, последовательными — и регулируют согласованный выбор форм, которые в речевой последовательности подкрепляют альтернативный выбор. Хорошим лингвистическим примером является принятый порядок слов в повествовательном предложении английского языка — подлежащее + глагол + дополнение: Brutus killed Caesar 'Брут убил Цезаря'. В латинском лексические единицы Brutus, Caesarem, necavit выражают приведенное английское предложение независимо — по крайней мере, в принципе — от порядка их следования. В социалингвистических описаниях также могут быть найдены синтагматические отношения: например выбор формы обращения *профессор* предполагает последующее использование не только этого же термина, но распоряжений, выраженных в виде просьбы, а также, вероятно, «тщательное» произношение, выбор «стандарных» грамматических структур и лексических единиц и т. д.

Два данных типа социалингвистических правил иллюстрируются ниже на примере правил выбора в английской системе обращения — системе формальных языковых единиц, имеющей, как увидим, чрезвычайно мощное воздействие в качестве маркера, дифференцирующего статус и роли участников коммуникации.

В то время как многие европейские языки способны маркировать статус путем выбора местоимения обращения (ты—вы, франц. tu—vous, нт. tu—Lei и т. п.), утрата противопоставления thou—you 'ты—вы' в современном английском (исключая, конечно, такие ритуализованные речевые акты, как молитвы) вынуждает носителя этого языка делать выбор из менее очевидного набора форм. Поскольку you больше не является маркером статуса, альтернативными формами становятся имя (И), фамилия (Ф), титул (Т), а также избегание термина (Ф). Таким образом, в диаде возможны, если не учитывать инициалы, прозвища и т. п., 28 комбинаций, обозначенных знаком + в приводимой ниже матрице (рис. 4.1).

Ясно, что некоторые комбинации исключительно редки, например, взаимное употребление титула + имя (ТИ):

«Доброе утро, мистер Джон», «Доброе утро, мистер Генри», но столь же ясно, что остальные являются маркерами того или иного социального отношения: выражения «Доброе утро, Смит», «Доброе утро, Браун» с большой определенностью указывают скорее на мужской пол говорящих как их характеристику, нежели на женский пол. Должны существовать правила, лежащие в основе такого рода выбора, и мы попытаемся показать их ниже.

РИС. 4.1 *Английские формы обращения в диадах*

А обращается к В, используя		И	Ф	Т	ИФ	ТИ	ТФ	∅
В обращается к А, используя								
И		+						
Ф		+	+					
Т		+	+	+				
ИФ		+	+	+	+			
ТИ		+	+	+	+	+		
ТФ		+	+	+	+	+	+	
∅		+	+	+	+	+	+	+

Предполагалось, что выбор в английской системе обращения может быть представлен в терминах модели, подобной логическим алгоритмам машинного программирования [Ervin-Tripp, 1973], с использованием условного ромба для обозначения селектора, т. е. ступени принятия решения «да — нет», и прямоугольника — для ступени выполнения определенного действия, в данном случае — выбора одной из нескольких форм обращения (рис. 4.3).

Простой алгоритм оперирования с проигрывателем [National Computing Centre, 1973, 8/2] поможет уяснить данный метод и условности (рис. 4.2). В связи с этим необходимо сделать оговорку относительно экзистенциального статуса моделей такого рода и, по существу,

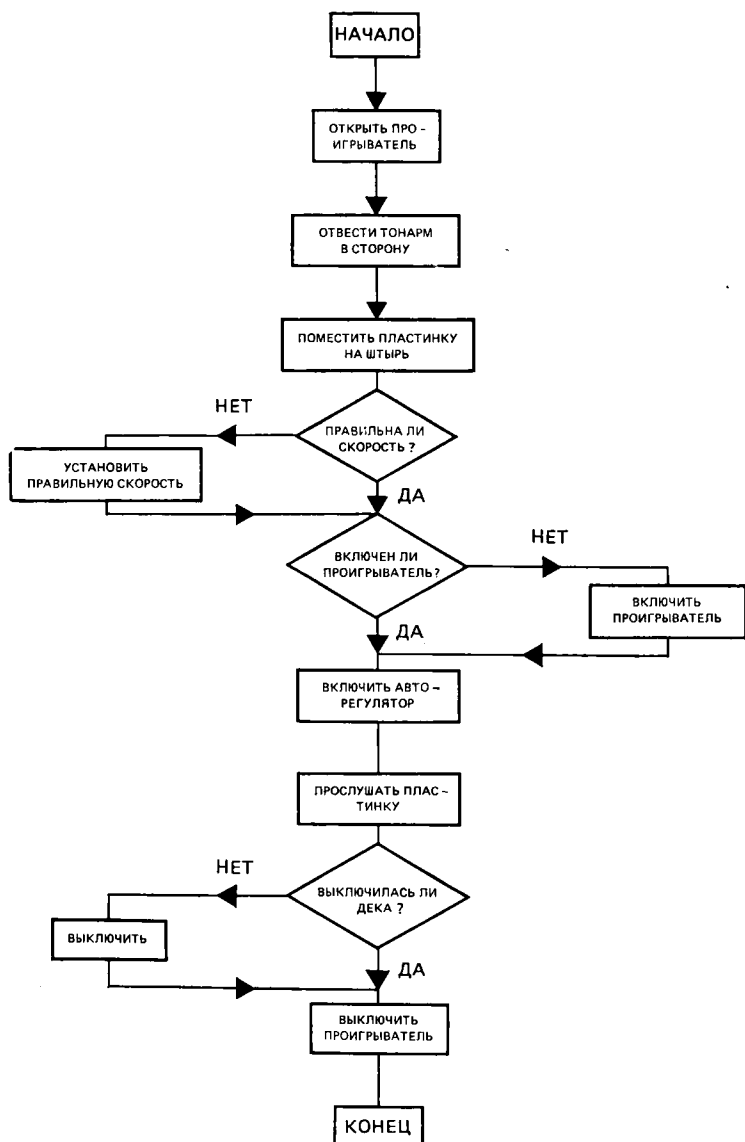
лингвистических моделей вообще, повторив то, что было сказано ранее (2.3.1.1), а именно, что такие модели являются моделями типа «как если бы». С. Эрвин-Трипп [op. cit., 305] формулирует это положение исключительно ясно: «схема не должна пониматься как модель процесса, реальной последовательности принятия решений, посредством которой говорящий выбирает форму обращения, а слушающий интерпретирует ее. Две структуры могут находиться или не находиться в соответствии. Во всяком случае, задача определения структуры, имплицитно содержащейся в мнении людей относительно того, какие формы обращения являются возможными и уместными, явно отличается от задачи изучения того, как люди в реальных ситуациях и в реальные моменты времени осуществляют тот или иной выбор. Критерии и методы двух этих видов исследования совершенно различны».

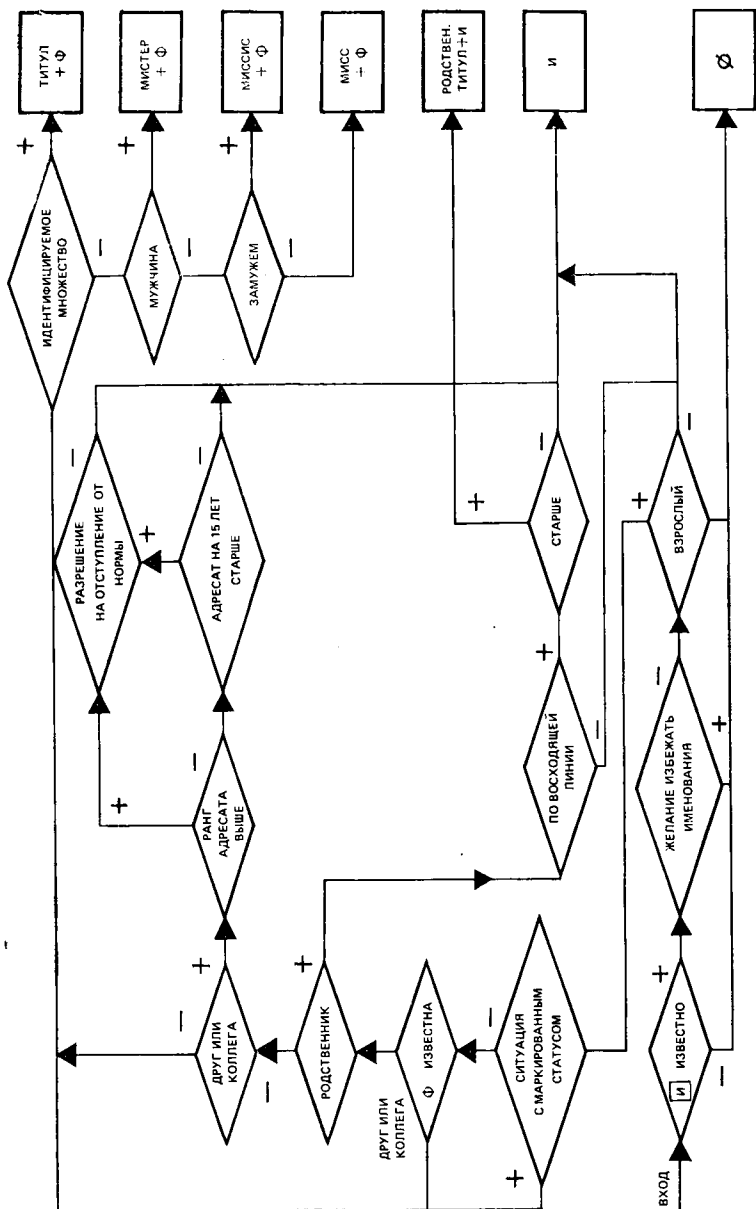
Короче, модели этого рода *конкретизируют* составные элементы, включенные в выбор, но не дают и не могут дать представление самого процесса принятия решений, поскольку это задача, явно относящаяся к области психологии и нейрологии, а не социолингвистики (см., например, [Gurney, 1973, 53-60; Morton, 1964]).

Приводимая модель выбора формы обращения (рис. 4.3) основана на модели, предложенной С. Эрвин-Трипп, но содержит несколько незначительных модификаций. В исходной модели отсутствовало опущение имени или титула за исключением ситуации с ребенком, чье имя неизвестно говорящему. Поскольку опущение формы обращения и опора на 'you' представляются столь обычными в английском языке, в модель был добавлен признак «желание избежать именования», в связи с чем был сделан ряд перестроек, чтобы подключить этот признак.

Для полного понимания этой схемы могут понадобиться некоторые примечания. Термин *взрослый* может определяться по-разному индивидами и группами: в западных обществах, вероятно, возраст окончания школы (16—18 лет) символизирует границу между ребенком и взрослым.

Ситуации с маркированным статусом могут изменять обычный выбор; например, кто-то может обращаться к своему декану по имени, и это обращение является взаимным, но на заседаниях ученого совета или кафедры, представляющих собой ситуации с маркированным статусом, в качестве формы обращения будет избираться не имя, а «профессор Х».

Понятие *ранга* относится к статусу индивидов внутри иерархически организованных служебных групп. Военские звания являются, конечно, наиболее ярким примером системы такого рода, причем системы наиболее строго организованной, но можно сослаться также на отношения «учитель — ученик», «старший — подчиненный», «покупатель — продавец» и т. д., т. е. многие из вторичных отношений социальных наук (см. 4.2.1).

Понятие *идентифицируемого множества* касается профессиональных и почетных титулов, используемых при обращении к лицам определенного статуса: «доктор», «профессор», «отец» и т. п.

Селектор *родство по восходящей линии* необходим для предотвращения выбора термина «кузен (кузина)» в качестве формы обращения в современном английском (в языке елизаветинской эпохи, например, такой выбор допускался — *dearest coz* 'дражайший кузен'), но при этом допускается употребление форм 'тетя', 'тетушка'.

Необходимо отметить еще два момента в связи с этими правилами. Во-первых, они отнюдь не являются универсальными. Разные общества и разные группы внутри одного и того же общества вполне могут использовать различные системы; это неизбежно, поскольку термины обращения, будучи маркерами социальных отношений, могут образовывать однородную систему только внутри однородной социальной группы; этого момента мы коснемся подробнее при рассмотрении использования языка группами различных видов (4.3.2). Во-вторых, если кто-то усомнится, что данная система регулируется определенными правилами, пусть проведет простой эксперимент, продолжая обращаться к своему начальнику по имени в ситуации с маркированным статусом, и он немедленно осознает все неудобство, вытекающее из такого решения!

4.2.3 Правила дискурса

Выше мы отмечали при обсуждении лингвистических данных (1.3.1.3), что подавляющее большинство описаний языка берет предложение в качестве высшей предельной единицы исследования. Социолингвистическое описание используемого языка по необходимости должно принимать в расчет более крупные отрезки речи, по отношению к которым отдельные предложения, или, может быть, точнее — высказывания, образуют их составные части. Мы намерены дать очерк моделей дискурса — язы-

коупотребления за пределами уровня предложения — в последней главе этой книги, так что здесь читатель найдет лишь формулировку видов правил, регулирующих связный дискурс.

Разграничение между категорическими и переменными правилами уже было проведено (4.1.2), и изучение правил, предлагаемых социалингвистами, способно создать у читателя впечатление, что все они являются переменными, поскольку социалингвистика представляется дисциплиной, занимающейся в первую очередь вариациями и построением вероятностных объяснений, изложенных в правилах, которые сами подвержены вариациям и ошибкам как показателям реального использования языка. Такой взгляд, однако, ошибочен. У. Лабов, например, показал [Labov, 1970], что, хотя многие правила, предлагаемые для объяснения социалингвистических явлений, действительно оказываются переменными (см. 2.4.2.3), имеются другие правила, инвариантные по характеру. Существуют «обязательные правила, которые при соответствующем входе всегда применимы» [Labov, 1970, 206], например, правила Сёрля для обещания [Searle, 1969, гл. 3], правила Синклера и Коултарда для интерпретации вопросительных предложений на уроках в школе [Sinclair and Coulthard, 1975, 30-33] и правила следования, интерпретации и порождения, контролирующие дискурс [Labov, 1970].

Лабов предлагает, чтобы эти правила применялись не к самим высказываниям, а к отношениям между действиями, выполняемыми этими высказываниями [ibid., 208], т. е. в текущей языковой интеракции акты соотносятся с актами, часто, хотя не исключительно манифестируемыми в реальных высказываниях, и отсюда вытекают три типа правил: следования, интерпретации и порождения.

Правила следования (sequencing) регулируют порядок следования актов и связывают правила *порождения*, контролирующие коммуникативный «выход» говорящего, с правилами *интерпретации*, позволяющими слушающему понимать акты говорящего. Отметим, что мы имеем в виду не высказывания, а акты как минимальные единицы коммуникации, так как, по словам Лабова [Labov, 1970], «не существует простых взаимно-однозначных отношений между действиями и высказываниями»; например, высказывание учителя «вы будете сидеть тихо?» имеет *форму* вопроса, требующего ответа «да/нет», но дело может кончиться плохо для того ученика, который ин-

терпретирует его как имеющее также вопросительную функцию. Действие, выполняемое этим высказыванием, есть распоряжение, а не наведение справок.

Центральным в предложениях Лабова является положение о том, что каждый индивид имеет свою собственную личностную ориентацию, свой собственный взгляд на мир, основанный на собственном опыте. Эта ориентация частично отличается от ориентаций других индивидов, частично же является общей для всех; этого момента мы уже касались, комментируя понятие степени, до которой репертуары участников коммуникативной ситуации совпадают (3.1.1). В частности, в диадической интеракции двух индивидов, обозначенных посредством 'А' и 'В', возможны три типа событий: *А-события*, включающие то, что известно А, но не известно В; *В-события*, являющиеся обратными по отношению к первым; *АВ-события*, в которых знание является общим.

В качестве примера можно привести «одно из простейших инвариантных правил дискурса» [Labov, 1970], которое гласит: «Если А делает высказывание о В-событии, то оно воспринимается как просьба о подтверждении». Лабов приводит ряд примеров, которые уже самой своей странностью подкрепляют правомерность данного правила, ср. А: "I feel hot today", В: "No" (А: «Мне жарко сегодня», В: «Нет») — пример, который носитель английского языка тотчас опознает как отклоняющийся от нормы отрезок дискурса. Правила Лабова, естественно, более сложны и всесторонни, чем можно заключить из этого простого примера, и они вполне согласуются с подобным образом мотивируемыми усилиями Сёрля создать или обнаружить правила корректного употребления речевых актов.

Различие между А- и В-событиями отмечалось также социальными психологами в работах по интеракционному поведению (см., например, [Argyle, 1969, 171 сл.]).

Попытка создать общее знание — АВ-события — была названа *конвергирующим поведением*, а его противоположность — избегание создания общего знания — *дивергирующим*. Существует, кроме того, вопрос влияния: *взаимное* поведение, при котором один или оба участника влияют на поведение друг друга, противопоставляется *невзаимному*, или *параллельному* поведению, при котором указанное влияние отсутствует. Взаимное поведение может, естественно, подразделяться на подтипы в зависимости от того, является ли влияние односторонним — А

влияет на В или наоборот — или обоюдным. Два этих подтипа были названы соответственно *асимметричным* и *симметричным*.

Интересно, что во многом к тому же самому разграничению должны были прийти философы, социальные психологи и социолингвисты, причем в значительной мере одновременно. Ясно, что мы теперь можем приступить к формулировке правил, которые, даже если не могут в абсолютном смысле заставить участников говорить или делать что-то определенное, уточняют то, что индивид вероятнее всего сделает, или, точнее, что он должен сделать, если он желает, чтобы его действия интерпретировались собеседником именно так, как он сам предполагал. Конечно, ничто не мешает нам, по крайней мере в принципе, сказать и сделать то, что мы желаем, т. е. нарушить правила, но это можно сделать за счет изменения характера интеракции, в которой мы участвуем. Отсюда следует, что, пожалуй, в большей своей части правила социолингвистики оказываются — при «достижении нормальных условий входа и выхода» [Searle, 1969, 126] — категорическими по природе и, следовательно, могут выражаться в терминах, совместимых с правилами логики и ортодоксальной лингвистики, что еще раз указывает на то, что не все «исполнение» должно оставаться за пределами даже модели кода.

4.2.4 Резюме

В этом разделе был дан обзор некоторых правил употребления языка. Мы были, конечно, не в состоянии перечислить все необходимые правила, так как подобного свода правил еще не существует. Единственное, что мы могли сделать, — это показать, как три весьма различных типа правил предлагались представителями несхожих научных дисциплин, причем все они сходятся по существу на одной и той же проблеме: определение правил, позволяющих идеальному говорящему-слушающему функционировать в качестве активного члена речевого коллектива. Полная конкретизация таких правил составила бы определение скорее *коммуникативной*, нежели *языковой* компетенции индивида и потребовала бы оперирования не с идеализированным и изолированным «говорящим-слушающим» Хомского, а с говорящим-слушающими индивидами, действующими в коммуникативных ситуациях. Этот вопрос, а также проблема дискурса будут вновь за-

тронуты в главе 8, а следующий раздел, через рассмотрение групп, ролей и кодов, подведет нас к проблемам, связанным с интеракцией более широкого масштаба, которая относится к более высоким уровням, чем уровень диады.

4.3 ГРУППЫ, РОЛИ И КОДЫ

До сих пор мы рассматривали чрезвычайно ограниченный контекст употребления языка, сводящийся к интеракции между двумя лицами. Теперь необходимо перейти к более сложным явлениям внутригрупповой коммуникации с большим числом участников.

К этой теме можно подойти путем формулирования ряда допущений. Мы полагаем, что каждый индивид является членом нескольких различных типов групп; внутри каждой из них он обладает некоторым *статусом* — формально установленным или просто молчаливо принимаемым местом в иерархии группы; статусу присущ больший или меньший *престиж* — влияние или некий ореол, придающий определенную весомость мнениям, высказываемым обладателем такого статуса. Мы полагаем далее, что каждому статусу приписываются определенные роли — структурированные и регулируемые правилами способы участия в деятельности группы; для каждой роли имеются *нормы* поведения, которым индивид должен в глазах окружающих в большей или меньшей степени следовать, причем некоторые из этих норм будут нормами языкового поведения — *кодами* соответствующего языка. Наконец, мы рассматриваем язык функционирующим в повторяющихся ситуациях — *сферах*, в которых роль, проигрываемая участниками, состоит частично в выражении соответствующего поведения посредством выбора соответствующего кода из языковых репертуаров индивидов-участников.

Указанные понятия и их взаимоотношения нуждаются в более точном определении.

4.3.1 Типы групп

В социальных науках стало традиционным различать два противоположных типа отношений, каждый из которых определяет по-разному организованные виды групп. Мы увидим, что эта дихотомия имеет сильные корреляции с социолингвистическими факторами, особенно с выбором

кода, не только при внутригрупповой, но также и при межгрупповой коммуникации, будь то выбор на стилистическом или диалектном уровне одного языка или же выбор на уровне двух и более языков в многоязычном речевом коллективе.

Определяющие характеристики двух типов групп распределяются по двум рубрикам — физической и социальной; некоторые их конституенты уже упоминались ранее при обсуждении личной интеракции.

Первичные отношения определяются долговременной и тесной пространственной близостью, характеризующей малое число участников. Обычно также имеется согласие в целях, широкая осведомленность о других участниках, истинная (внутренняя) оценка этих участников и отношений с ними — они оцениваются сами по себе, по тому, чем они являются, а не по тому, чего они достойны в некотором утилитарном смысле, — и индивид стремится ощущать себя свободным, стесненным лишь чисто неофициальным контролем. С психологической точки зрения, такие отношения демонстрируют обязательную *солидарность* установок и ценностей, что является первостепенным фактором при выборе и использовании кода.

Вторичные отношения, напротив, определяются пространственной удаленностью и недолговременностью, большим числом участников. Раздельные цели, внешняя или прагматическая оценка, ограниченное знание других участников и ощущение подавленности, вызываемое действием официального контроля над поведением индивидов, вовлеченных в интеракцию, — все это характеризует вторичные отношения, выражающие *власть*, а не солидарность.

Мы можем, следовательно, размышлять в терминах первичных отношений в первичных социальных группах, или *сферах*, если использовать распространенный в социолингвистике термин, например, сфера семьи, содержащая отношения «отец-мать», «муж-жена», «сын-дочь», «брат-сестра» (см. рис. 4.4.). Аналогичным образом, вторичные группы — страна, магазин, промышленное предприятие — содержат такие отношения, как «правитель-подчиненный», «покупатель-продавец», «администратор-рабочий» и т. д. Естественно, что вторичная группа, в силу своей величины, может подразделяться на более мелкие вторичные или даже первичные группы, например, рабочая бригада (первичная группа), скажем, из 6 человек в составе производственной единицы (вторичная) из

60 человек, входящей в состав «цеха» из 300 человек, который в свою очередь входит в состав завода с общим числом рабочих более 1000 человек. Факты такого рода делают строгое применение дихотомии «первичные-вторичные» несколько проблематичным, поскольку, столкнувшись с конкуренцией со стороны соперничающего предприятия, весь штат завода может проникнуться чувством солидарности, проявляющейся в согласованности целей, большей свободе выражения и т. п. Однако, имея в виду такую оговорку, мы будем продолжать пользоваться указанным различием ввиду его значительной ценности как маркера языкового выбора — как-никак, мы по-прежнему стремимся соотнести языковую и социальную структуру, что является основной целью социалингвистики.

В таблице (рис. 4.4), основанной на работе [Davis, 1957, 306], суммируется то, что было здесь сказано, и приводятся примеры отношений и сфер.

Здесь можно сделать некоторые замечания. Нельзя не заметить, что многие, хотя не все первичные отношения являются диадами, понимаемыми как первичные в том смысле, что они оказывают устойчивое влияние на поведение их членов [Kresh et al., 1962, 214], тогда как вторичные отношения имеют обыкновение быть более крупными и, ввиду ограниченности знания участников друг о друге и наличия принуждающего влияния приводят к ограниченной интерпретации ролей, проигрываемых каждым, т. е. к *стереотипам*, в которых возможность индивидуального варьирования строго ограничена. Мы вскоре убедимся, насколько это важно для языкового выбора.

Было предложено также второе измерение для классификации социальных групп, пересекающее дихотомию «первичные — вторичные»: противопоставление собственных и референтных групп.

Кроме социальных групп, к которым индивид может принадлежать, могут быть другие группы, к которым он стремится. И те, и другие могут функционировать как референтные группы, т. е. группы, на которые индивид ориентируется вплоть до принятия их норм как своих собственных при оценке своего поведения и которые служат ему источником личных стремлений и ценностей [Krech et al., 1962, 102]. Такие группы представляют значительный интерес для социальных и поведенческих наук, поскольку принятие индивидом *осознанных* норм поведения среди членов данной группы — стиля одежды, марки автомоби-

Характеристики			Примеры	
	Физические	Социальные	Отношения	Сферы
ПЕР- ВИЧ- НЫЕ	Близость Небольшой объем Долговременность	Общие цели Истинная оценка Обширные знания об участниках Свобода Неофициальный контроль Обязательная солидарность	приятель-приятель	игровая группа
			родитель-ребенок муж-жена	семья
			учитель-ученик	школа
ВТО- РИЧ- НЫЕ	Удаленность Большой объем Кратковременность	Раздельные цели Внешняя оценка Частичное знание участников Принуждение Официальный контроль Обязательная власть	офицер-подчиненный	армия
			работодатель-рабочий	предприятие
			исполнитель-зритель	концерт

ля, типа и локализации жилища, языковых черт — часто предшествует социальной мобильности и служит сигналом желания индивида стать членом такой группы.

4.3.2 Коды

Мы предположили выше, что индивид в обществе проигрывает много ролей во многих социальных ситуациях и что эти роли содержат в себе нормы поведения, некоторые из которых являются нормами языка. Теперь мы можем остановиться на этом подробнее. Индивид может быть описан как обладающий некоторым множеством кодов, каждый из которых соответствует множеству ролевых отношений в контексте множества сфер; эти коды составляют его репертуар аналогично тому, как отдельные музыкальные произведения составляют репертуар исполнителя. Опытный социальный исполнитель прибегает к репертуару социальных навыков, включающих языковые коды, и проблема, с которой сталкивается такой исполнитель при контакте с другими лицами, состоит в выборе из его репертуара навыков таких ролей и кодов, которые бы наилучшим образом отвечали его целям. Действительно, именно это постижение умения выбирать лежит в основе процесса социализации ребенка [Fichter, 1971, 218], и в той мере, в какой в обществах имеются отдельные их члены с различными внутренними возможностями и стремлением к усвоению ситуаций, следует ожидать, что индивиды и группы будут располагать репертуарами, отличающимися друг от друга как качественно, так и в количественном отношении, вплоть до выбора различных языков для тех же самых социальных целей (это будет рассмотрено в главе 5 под рубрикой «билингвизм»).

Можно предположить также наличие определенной корреляции между видами отношений и сфер, описанных выше, и типичными выборами языкового кода, которые с ними сопряжены.

Было предложено полезное разграничение между *личной* и *деловой* языковой интеракцией [Gumperz, 1966], вполне строго коррелирующее с первичными и вторичными социальными отношениями. Личная интеракция преобладает в первичных группах: «среди друзей, в группах сверстников, в кругу семьи в часы досуга» [ibid., 36], в противоположность деловой интеракции в таких случаях, как в магазине, банке, на приеме у врача и т. п. Решаю-

щим моментом при этом является то, как в течение деловой интеракции ее участники «в известном смысле отказываются на время от своей индивидуальности и действуют в соответствии со своим статусом... как продавцы, клиенты, банковские кассиры, врачи, а не как Том Хансен или Ингер Стенсен» [ibid., 35], выбирая стереотипные модели поведения, отклонение от которых будет по крайней мере заметно, и не исключено, что оно сделает завершение деловой операции вообще невозможным. Имеется, следовательно, большая вероятность выбора «неофициальных» языковых признаков при первичных отношениях, маркирующих солидарность, и столь же высокая вероятность более «официальных» признаков, точная форма которых может быть порой предсказана, при вторичных отношениях. Короче говоря, выбор кода и сфера тесно взаимосвязаны, поэтому выбор кода должен регулироваться правилами, что еще раз подкрепляет сказанное выше.

Кроме связи между языковыми кодами и межличностными отношениями, существует сильный индикатор социальной мобильности в виде гиперкорректного узуса у тех, кто стремится примкнуть к референтным группам более высокого социального статуса [Labov, 1966с], и наоборот, сохранение индивидами архаических черт служит указанием на их нежелание принимать нормы некоторой экономически более преуспевающей группы [Labov, 1963].

4.3.3 Сети

Мы уже рассматривали понятие «каналов» в смысле средства, способа коммуникации и отмечали, что в распоряжении ее участника имеются одновременно несколько таких средств (3.2.1), а теперь, в порядке изучения употребления языка в малых группах, необходимо рассмотреть другую сторону коммуникации — понятие «канала» в более широком смысле, в связи с чем, следуя обычному социально-психологическому употреблению термина, мы будем говорить о *сетях*. Под сетью понимается структура использования канала между отдельными членами группы. Следует ожидать, что структуры коммуникации в группе будут варьировать некоторым регулярным образом, коррелируя со структурой группы, функцией и т. д. На одном полюсе находятся группы, имеющие строгую иерархическую структуру власти, которая допускает об-

щение только с непосредственным вышестоящим лицом и непосредственным подчиненным; наиболее ярким примером этого служит армия; на другом полюсе — группы близких друзей, где допускается общение всех со всеми без ограничений.

Значительная работа была проведена социологами по описанию коммуникативных сетей, особенно в сфере промышленности (см., например, [Simon, 1945; пересм. изд. 1965, 154—171]), что имеет важные последствия для микросоциолингвистики. Мы рассмотрим два общих понятия, возникших в процессе такого исследования, и укажем, в чем состоит их существенность для нашей темы.

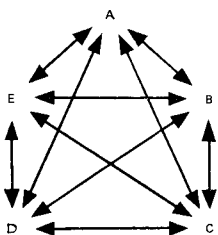
Обратимся прежде всего к сетям внутри малых групп. Лабораторные упражнения, разработанные для тестирования отношения между эффективностью группы и коммуникативной сетью [Leavitt, 1951], демонстрируют несколько конфигураций, и некоторые из них даются ниже (рис. 4.5).

Могут быть сконструированы, конечно, и другие сети, например, такая, где индивид А имеет подчиненного В, на котором сходятся спицы «колеса» и чья роль состоит в «фильтровании» информации от С, D и Е, перед тем как она поступит к А. Некоторые краткие замечания кажутся нелишними здесь в связи с четырьмя иллюстрируемыми ниже сетями.

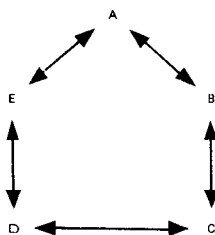
Сеть «со всеми каналами» способствует решению определенного вида проблем и доставляет наибольшее удовлетворение членам группы. Она имеет стопроцентную связанность, т. е. 20 каналов и никакого лидера, поскольку в ней нет ограничений на то, кто с кем может вступать в коммуникацию. Чтобы появился лидер, структура сети должна быть изменена с целью уменьшения связанности путем перемещения лидера в более центральное положение, т. е. в направлении позиции А в сетях типа «колесо».

Круг обладает вдвое меньшей связанностью (50%) в сравнении с предыдущим типом сети, т. е. имеет 10 непосредственных каналов, но в принципе каждый участник может общаться с любым другим, хотя и косвенным образом, за исключением тех случаев, когда участники занимают соседствующие позиции в сети. Эта конфигурация в действительности довольно хорошо отражает обычную ситуацию в организациях, где, несмотря на наличие внутренних телефонов, физическая приближенность способствует повышению коммуникации; этот факт легко можно было предсказать на основании наших замечаний по

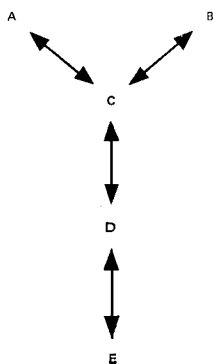
(а) СЕТЬ "СО ВСЕМИ КАНАЛАМИ"

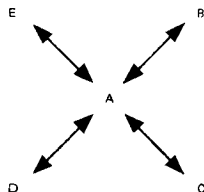
(б) КРУГ

(с) СЕТЬ ТИПА "У"

(d) СЕТЬ ТИПА "КОЛЕСО"

поводу связи между солидарностью и физическим соседством (4.2.1).

Сеть типа Y с восемью каналами (40% связанности) оказалась — в экспериментальных условиях решения проблем незначительного масштаба, в пятичленных группах — наименее подверженной ошибкам, но последующие эксперименты, включавшие более сложные проблемы, опровергли это представление и показали, что сеть типа «круг» является более прочной и эффективной [Shaw, 1968].

Сеть типа «колесо» — восемь каналов (40% связанности) — является, как выяснилось, самой эффективной при

решении несложных проблем, так как роль центрального индивида состоит в обработке поступающей информации и принятии решений, но чем сложнее задача, тем неизбежно труднее становится работа А, пока он, отнюдь не испытывающий нехватки информации, возможной у индивидов на «ободе колеса», не окажется перенасыщенным ею и потому менее работоспособным, а в конечном счете вовсе бессильным с ней справиться.

Конечно, мы только вскользь затронули здесь одну очень сложную проблему, но мы сделали это, чтобы подчеркнуть наличие области исследований, которые имеют очевиднейшие последствия для микросоциолингвистики. Если лингвистика должна расширить свою сферу, включив описание употребления языка в малых группах, мы не можем позволить себе игнорировать тот факт, что уже существует экспериментальная методика, принесящая результаты, которые можно переосмыслить в социолингвистических терминах. Некоторым образом мы находимся, по отношению к социальной психологии, в том же положении, в каком находился Лабов по отношению к социологии, когда он придерживался социологического очерка социальной структуры части Нью-Йорка, собирая социолингвистическую информацию [Labov, 1966b], т. е. мы можем продолжить имеющиеся исследования и переработать их данные. Короче говоря, микросоциолингвистическое исследование должно находиться в согласии с достижениями социальной психологии и перенять и освоить некоторые из ее приемов в своем стремлении к «социально реалистической лингвистике».

Если теперь обратиться к коммуникативным сетям в пределах более крупных групп, чем обсуждавшиеся выше пятичленные бригады, например, к сетям в промышленных, коммерческих и военных организациях, мы должны отметить первичное разграничение между формальными (официальными) и неформальными (неофициальными) каналами, т. е. между теми сетями, которые установлены преднамеренно, и теми, которые возникают *ad hoc*, не как часть запланированного процесса, а через ролевые отношения, составляющие социальную структуру организации.

Формальная сеть контролирует направление и скорость потока большей части «служебной» устной коммуникации, а также докладных записок, писем, отчетов, протоколов и документов всевозможных видов, образующих богатую область текстологического исследования для

социолингвиста. Официальные каналы коммуникации внутри некоторой организации в значительной степени отражают иерархическую структуру власти, однако между ними редко встречается абсолютное взаимно-однозначное соответствие, так как неформальные сети обычно представляют альтернативы, идущие в обход официально установленных процедур.

Такая неформальная сеть, основанная в действительности на солидарности, а не на власти, часто пересекает формально установленную группировку в пределах организации, создавая и поддерживая различного рода неофициальные группировки (клики). Социолингвист, посредством определения языковой формы и содержания сообщений, которыми обмениваются члены таких группировок, может, по-видимому, представить дополнительные свидетельства для описания организаций, осуществляемого социологами, поскольку членство в группе почти наверняка имеет языковые индикаторы — внутригрупповые признаки фонологического и лексического характера, которые сразу определяют данную группу и исключают «чужаков».

4.3.4 Резюме

Стремление более четко понять контекст употребления языка привело нас к рассмотрению типов социальных групп и социальных отношений, а затем в соответствующую область лингвистики, связанную с выбором кода и его корреляцией с принадлежностью к группе и выражением социальных отношений. В этом плане мы доказывали наличие тесной связи между первичными социальными группами и отношениями, проявляющимися в солидарности и в выражающих индивидуальность кодовых признаках, в противоположность выбору кодов, выражающих власть и деловые контакты в пределах вторичных групп и отношений. Наконец, мы исследовали некоторые аспекты интеркоммуникации в группах — сети и их связь с групповой структурой и функцией, а также наличие в более крупных организациях формальных и неформальных сетей, коррелирующих соответственно с выражением власти и солидарности.

Теперь необходимо примириться с тем фактом, что ни один индивид не проигрывает только одну роль, не участвует в единственном социальном отношении или принадлежит к единственной группе, а, следовательно, ни

один носитель языка не является монолингвом, т. е., в строгом смысле, обладателем единственного кода. Это предполагает наличие кодового переключения как лингвистического коррелята ролевого переключения, что и составит предмет обсуждения в следующем разделе.

4.4 КОДОВОЕ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ

Одной из предпосылок более ранних моделей языка, о которой мы уже упоминали (1.4.1) и которую мы должны теперь решительно отвергнуть, является предположение о монолитном характере языка. То, что было сказано выше об отношении между ролью и кодом, должно привести нас к переопределению языка как своего рода «пучка кодов», из которого исполнитель роли осуществляет выбор. Мы не одиноки в этом понимании языка, так как некоторые психологи и, несомненно, другие представители социальных наук включают используемый индивидом язык в определение самой роли: «...то, что лицо, занимающее данное положение, *делает* и *говорит*» [Sarbin, 1968, 546; *курсив автора*]. Вместо понимания языка как однородного объекта мы должны выдвинуть некоторое понятие языка как множества соотнесенных с ролью (и отчасти определяющих роль) кодов, группируемых в репертуар индивида, в объединенные репертуары группы, а возможно, и в множества репертуаров формально и функционально связанных языков. Короче говоря, отдельный носитель языка должен рассматриваться как индивид, осуществляющий выбор из кодов, причем в плане чистого описания маловажно, являются ли коды стилями, диалектами или тем, что обычно трактуется как самостоятельные языки, так как все они и любой из них может вовлекаться в поведение носителя, состоящее в переключении кодов.

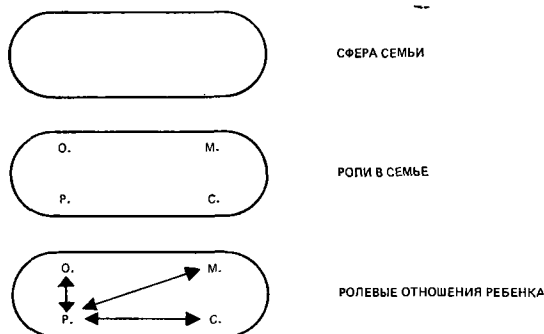
Если принять этот взгляд на выбор кода, станет ясно, что различие между внутриязыковым и межъязыковым переключением является всего лишь различием в степени, а не в характере, и что понятие билингвизма представляет собой не более чем особый случай такого переключения. Мы перейдем теперь к обсуждению типов кодового переключения, в ходе которого мы начнем продвигаться через пограничную линию между микро- и макросоциолингвистикой.

4.4.1 Кодовое переключение у монолингвов

Мы можем приступить к описанию кодового переключения у монолингвов, рассмотрев прежде всего развитие дифференцированного ролевого поведения и специфических употреблений языка у ребенка дошкольного возраста. В наши намерения не входит детальное исследование

РИС. 4.6

Ролевые отношения

процесса обретения родного языка, поскольку эта сложная область изучалась и изучается значительным числом лингвистов и представителей поведенческих наук, но мы попытаемся сосредоточить внимание на росте коммуникативной компетенции ребенка, проявляющемся в развитии навыков кодового переключения.

Не будет преувеличением сказать, что примерно первые 18 месяцев жизни ребенка характеризуются, с социолингвистической точки зрения, крайней ограниченностью. Он действует исключительно в пределах единственной сферы — семьи, проигрывая чрезвычайно узко очерченный набор ролей — сын/дочь, сиблинг — в очень ограниченном множестве ролевых отношений, и поэтому способен оперировать только небольшим числом кодов, тесно связанных с основными желаниями. На рис. 4.6 показано положение маленького ребенка в нуклеарной семье с одним сиблингом.

Ребенок, следовательно, учится коммуникации с тремя членами — его ближайшими родственниками, осуществляя переключение ролей и, неизбежно, кодов, соотно-

сенных с этими ролями в процессе коммуникации. Даже на этом этапе имеются многие свидетельства стилистической вариации между кодами; например, нельзя не заметить, насколько по-разному ребенок добивается одной и той же цели, обращаясь к матери или к отцу. Э. Леннеберг [Lenneberg, 1967, 137] приводит поразительный и по-своему исключительный пример с трехлетним ребенком, чьи родители глухи: этот ребенок оказывается уже «двуязычным», прибегая в коммуникации с родителями к явно отличной системе, нежели система, используемая им при общении с сиблингами и другими лицами. Близнецы также нередко вырабатывают заметно особую систему для общения друг с другом [Högnann, 1971, 270], что представляет собой особый случай влияния семейной структуры на возможности ребенка в усвоении языка. Ролевые нормы и сопутствующие им кодовые нормы неизбежно будут до некоторой степени варьировать в обществе от одной социальной группы к другой, а следовательно, чем больше доступ к широкому диапазону ролей и сфер, тем большим будет приобретаемый ребенком репертуар. Именно эта мысль была развита Б. Бернштейном в его теории ограниченных и развернутых кодов [Bernstein, 1966], посредством которой он пытается объяснить невыгодное положение в области образования, в котором находятся многие дети английских рабочих. Мы не намерены обсуждать здесь эту теорию, поскольку имеется много хороших ее обзоров (ср. [Robinson, 1972, 154-185]), и предпочитаем идти дальше в нашем кратком рассмотрении усвоения языка.

По мере взросления ребенка к его единственной сфере употребления языка — семье — добавляются новые — неформальные, а возможно и формальные игровые группы, детский сад и, наконец, школа; каждая сфера содержит новые роли, отношения и коды. В частности, в школе начинают действовать несколько новых факторов. Изучение словаря, этого решающего, хотя и не единственного аспекта кодовой дифференциации, приводит к сдвигу от процесса, названного *синтагматическим* [Gurpey, 1973, 83 сл.], например, слово «красный» могло бы вызвать ассоциативный ответ «автомобиль», к *парадигматическому*, при котором какое-то слово влечет за собой по ассоциации слова, способные заменять его, например, «красный» — «зеленый», «легковушка» — «грузовик» и т. п. (указанные термины уже использовались ранее при обсуждении социальных правил — 4.1.3), и этот процесс

парадигматизации продолжается на протяжении всей жизни индивида.

Было бы идеально дать именно сейчас описание того, как группы поведенчески противопоставляются друг другу по их кодовому переключению в соответствии с переменной ролевых отношений и сфер, но такое описание остается, к сожалению, невозможным, завися в действительности от гораздо более точного определения компонентов сфер, природы ролевых отношений и корреляции кодов с этими факторами. Имеется, однако, возможность отметить один или два довольно общих момента, подводящих к вопросу о кодовом переключении среди двуязычных индивидов и в двуязычных обществах.

Хотя описание кодового переключения зависит от выработки «правил говорения», которых пока не существует, за исключением грубых приближений и правил для узко очерченных ситуаций, можно, тем не менее, сформулировать один или два принципа, которые позволят связать монолингвальное стилевое и диалектное переключение с билингвальным языковым переключением.

Прежде всего, представляется несомненным, что источником кодового сдвига должны быть факторы, упоминавшиеся выше как «ситуативные переменные» в широком смысле этого термина, предложенном Хаймсом (3.3.2.1), — факторы, которые влияют на принятие решения относительно формы и содержания избираемого кода. Большинство обществ (если не все) различает, по-видимому, типы кода, пригодные для использования в конкретных видах ситуаций, при определенной тематике, в определенных ролевых отношениях и т. д., часто обозначая их как «формальные», «неформальные» и т. п. В той мере, в какой это касается коллективов носителей английского языка как родного, нет почти никакой проблемы в определении того, является ли некоторый текст «формальным» или нет, поскольку имеется очень тесное соответствие между «формальным» узусом и лингвистическими характеристиками стандартного языка; но когда «английский язык» состоит из континуума кодов без четких естественных границ между ними и с полярными кодами, которые не являются взаимно понятными, описание становится чрезвычайно затрудненным (см. 5.3.1). Часть трудностей возникает вследствие нечеткости используемой нами терминологии — лингвистической и социологической (язык, диалект, стандартный, нестандартный, формальный, неформальный), и мы должны попытаться про-

яснить ее с помощью некоторой типологии, отделяющей коды друг от друга по признаку наличия или отсутствия у них специфических атрибутов (6.2).

Во-вторых, в некоторых речевых коллективах взаимосвязь между ситуацией и кодом столь высоко институализована, что возникает функциональное разделение, отраженное в двух существенно различных языковых структурах. Мы имеем в виду понятие *диглоссии* (5.3) — реальной социальной границы между явлениями монолингвального и билингвального переключения кодов.

4.4.2 Резюме

В этом разделе мы рассматривали понятие кодового переключения среди монолингвов и подчеркнули, что такое поведение, т. е. параллельная смена роли и кода, отличается лишь в плане степени от билингвального переключения, связанного со сменой языков. Приняв такую установку, мы одновременно подвергли критике концепцию языка как монолитной структуры и сослались на наши более ранние замечания по поводу *регистра* (1.4.3.1), который мы можем теперь переопределить как соотнесенный с ролью код, т. е. смена регистра является формальным языковым маркером смены роли и наоборот.

4.5 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой главе была сделана попытка уточнить характер правил употребления языка, распространить анализ на более крупные группы и на их коммуникативные сети и ввести понятие кодового переключения.

Было отмечено, что мы оперировали весьма расплывчатым определением термина «правило», и предложено определение, которое должно быть приемлемым для большинства философов науки и особенно для исследователей «систем». Были разграничены различные типы правил и подчеркнуто в качестве наиболее важного различие между обязательными (категорическими) правилами закрытых систем и переменными правилами открытых, а также было указано на неизбежную потребность в правилах обоих видов при создании модели языка в употреблении.

Весьма обнадеживающим выглядит общий интерес к регулярному характеру социального использования языка, демонстрируемому правилами речевого акта Сёрля, правилами обращения Эрвин-Трипп и правилами дискур-

са Лабова, которые все без исключения интригующе связаны с контрастирующими типами интеракционного поведения, выделяемыми в социально-психологических исследованиях [Argyle, 1969].

Стремясь расширить сферу нашего описания за пределы диады, мы рассмотрели далее различного рода группы, роли и коды, а также типы коммуникативных сетей, наличных в группах, приводя пример с малыми оперативными группами, в которых форма сети оказывает заведомо важное влияние на успех или неудачу группы в решении порученной ей задачи. Была обнаружена интересная корреляция между личной языковой интеракцией в первичных группах и деловой интеракцией во вторичных, которая соотносит «неофициальность» языка с «солидарностью» в социальных отношениях, в противоположность «официальному» языку отношений, ориентированных на «власть».

Признание тесной взаимосвязанности ролей и кодов немедленно позволило нам увидеть, что смена роли предполагает смену языков (и наоборот) и что явление кодового переключения, наблюдаемое среди монолингвов в виде «стилистической» вариации, отличается лишь по степени, но не по характеру, от перехода с языка на язык у билингвов. Это утвердило нас в отказе от «монолитической» концепции языка, концепции, которая не может более выстоять перед лицом очевидных свидетельств стилистических сдвигов даже в пределах идиолекта и даже в языке ребенка дошкольного возраста. Теперь мы должны рассматривать язык как множество кодовых репертуаров, а не как некий однородный объект. В этом случае любое чисто лингвистическое определение, стремящееся, например, разграничить языки и диалекты, должно окончиться неудачей особенно потому, что «заимствование» между языками является столь обычной чертой интернационального контакта, а также потому, что действительно существуют индивиды, которые могут общаться на более чем одном «языке».

Итогом этой главы должно быть чувство глубокой неудовлетворенности значительной частью терминологии лингвистики, когда она пытается определить как дискретные единицы то, что представляет собой явно недискретные явления. Поэтому в следующей главе мы попытаемся объяснить поведение билингва и как индивида, и как участника языкового контакта или коммуникативной ситуации.

Поскольку выше (1.4.3) мы обрисовали общий план этой книги как преимущественно переход от «микро-» к «макро-», представляется уместным определить, где мы в данный момент находимся. Понятие билингва является очевидной разделительной линией между микро- и макросоциалингвистическим исследованием. Микроподход к его поведению должен подчеркивать такие психологические аспекты, как беглость, точность в употреблении и переключении, тогда как макроподход стремится поместить билингва, или скорее его узус, в соответствующие сферы и поставить вопрос об отношении между родными языками и прочими языками в данном обществе. В главе 5 мы сосредоточим внимание на микроаспектах билингвизма, а в главах 6 и 7 обратимся к макропроблемам типологического определения и наиболее политического аспекта социалингвистики — языкового планирования.

Переключение кодов: билингвизм и диглоссия

В этой главе мы рассмотрим двуязычного индивида в психологическом и социально-психологическом плане как лицо, осуществляющее кодовое переключение, и как исполнителя ролей, а также как члена общества, в котором обычным является широкое использование более чем одного языка. Кроме того, мы остановимся на двух особых случаях кодового переключения — диглоссии в стабильной и нестабильной континуумной ситуации, и это приведет нас к более точному определению типов кода — языка, диалекта, креольского языка, пиджина и т. д., что является необходимым предварительным условием для макросоциолингвистического рассмотрения языковой политики в различных странах.

5.1 ДВУЯЗЫЧНЫЙ ИНДИВИД

Прежде чем рассматривать двуязычного индивида, представляется важным внести ясность в соответствующую терминологию, особенно в понятия «родной язык» и «иностранный язык» или «первый» и «второй язык».

Для большинства индивидов первый усвоенный язык — родной язык — является также языком наибольшего использования, и наоборот, «вторые языки» обычно являются «вторичными» и в плане использования, т. е. вспомогательными языками. Но в ситуациях языкового контакта наблюдаются случаи таких индивидов, особенно мигрантов, у которых родной язык теряет свое значение как первичное средство общения и ограничивается сферой домашнего и дружеского круга, заменяясь в других сферах господствующим языком чужого речевого коллектива. Такая ситуация обычна для групп иммигрантов и беженцев, например, индо-пакистанских иммигрантов в Англии, турецких рабочих в ФРГ и т. п.; поэтому

необходимо отличать порядок усвоения языков — диахронический аспект — от степени нынешнего их использования — синхронический аспект (что было предложено У. Уайтли [Whiteley, 1964, 184], на идеях которого основана таблица на рис. 5.1), а также предложить термины и символы для выражения этого различия.

РИС. 5.1 *Язык: порядок усвоения и использования*

ВРЕМЕННОЙ АСПЕКТ	ЯЗЫК	СИМВОЛ
<i>Диахронический</i>	Первый язык Второй язык	L1 L2
<i>Синхронический</i>	Первичный язык Вторичный язык	PL SL

Мы не хотим, конечно, придерживаться буквального понимания L2 как «второго языка» и тем самым быть вынужденными говорить о чьих-то L3, L4 и т. д. Мы предпочитаем обозначать посредством L2 любой язык или языки, усвоенные после L1, равно как под SL понимать «вспомогательные», точно так же, как «двуязычный» может употребляться в значении «многоязычный». Во всяком случае, отнюдь не легко, как увидим, установить, «сколько» языков индивид использует, и точно упорядочить их по степени их важности для этого индивида.

5.1.1 *Понятие билингвизма*

Допущение, что языки являются объектами, между которыми, в идеальном смысле, имеются отчетливые границы, предполагало, что любое высказывание может быть однозначно отнесено к конкретному языку. Элементы, явно «принадлежащие другому языку», могли, согласно этой точке зрения, найти свое место в системе как «заимствованные» или же как «просочившиеся» благодаря «интерференции». Указанное допущение и сопутствующая ему терминология в высшей степени неудачны, так как неспособны учесть «переключение» с языка на язык — обычное явление среди билингвов — и предполагают понима-

ние такого поведения как «шума», понижающего эффективность коммуникативного акта, в котором он встречается. Есть немало свидетельств того, что по существу дело обстоит наоборот, т. е. что «языковое смешение», вовсе не делая общение билингвов более трудным, в действительности облегчает его. Засвидетельствованный мною пример высказывания шестилетнего ребенка, родители которого говорят по-итальянски, подкрепляет это утверждение, и любой, кто сталкивается с подобной ситуацией, может собрать большое количество такого рода забавных свидетельств. Этот ребенок, пользовавшийся дома итальянским языком, в школе в Англии оперировал исключительно английским, и поэтому, когда ему понадобилось описать школьное происшествие по-итальянски, он столкнулся с проблемами лексического отбора: школьная жизнь строится для него на английском в том смысле, что, хотя имеются некоторые итальянские эквиваленты, например, для слов *playground* 'спортплощадка', *playtime* 'время отдыха, перерыв', ребенок их не знает, а в ряде случаев в итальянской школе отсутствуют эквивалентные реалии, например, *dinner-lady* 'воспитательница, наблюдающая за детьми во время обеденного перерыва'. Вследствие этого ребенок построил высказывание, вполне адекватно воспринятое его родителями: *'Oggi a scuola a playtime, Mark Jones è caduto dal climbing-frame nel yard e Mrs Smith la nostra dinner-lady ha lasciato il suo ginocchio'* 'Сегодня в школе на перерыве Марк Джоунз упал со шведской лестницы [*climbing-frame*] во дворе, и миссис Смит, наша воспитательница [*dinner-lady*], перевязала ему колено'. Очевидно, мало смысла описывать это как «итальянский синтаксис с большой лексической интерференцией из английского». Более интересным подходом было бы принять это высказывание таким, какое оно есть, и понаблюдать, как действует сложная итало-английская система. Мы могли бы отметить, в каких звеньях структуры встречаются английские лексические единицы, оценить их влияние на фонемную систему и фонетическую реализацию данного высказывания и попытаться вывести правила, которые будут хотя бы частично предсказывать внутреннее переключение такого рода. Такой подход, как выяснится, гораздо скорее приведет к удовлетворительным моделям двуязычного поведения, чем скрыто прескриптивное допущение, будто английские черты являются своего рода прискорбными ляпсусами в правильном в прочих отношениях

итальянском. Попытка построить правила для межъязыкового переключения будет сделана несколько позже (5.4), но этот вопрос поднят здесь с двойной целью — связать наши предыдущие замечания о монолингвальном, т. е. внутриязыковом, кодовом переключении с понятием билингвизма и явлением континуума кодов, что будет иллюстрироваться в дальнейшем ссылками на креольско-английский континуум в Карибском бассейне.

5.1.1.1 *Смешанный и координативный билингвизм*

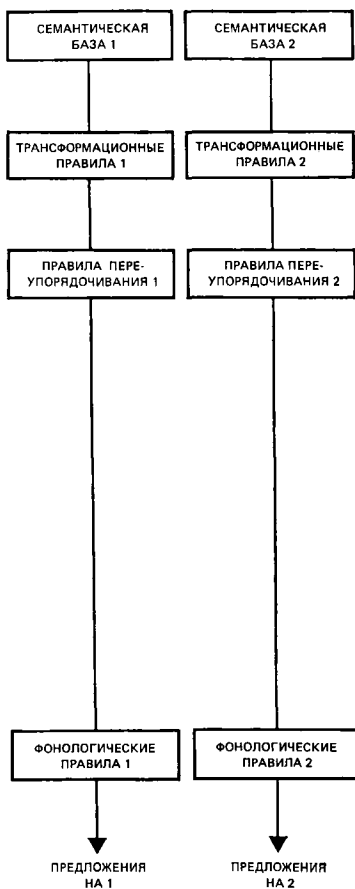
Еще около 20 лет назад наибольший интерес к билингвизму проявляли психологи, почти все без исключения старавшиеся описать отношения между билингвизмом и умственными способностями или умственными заболеваниями. Лингвисты и психолингвисты только начали проявлять интерес к данной тематике; отметим два классических исследования — У. Вайнрайха [Weinreich, 1953] и С. Эрвин и Ч. Осгуда [Ervin and Osgood, 1954]. Из них выросло понимание того, что билингвизм, по существу, представляет собой один из случаев «сосуществующих систем», предложенных Ч. Фризом и К. Пайком [Fries and Pike, 1949] (см. 2.4.1.4) для объяснения стилистической вариации у монолингвов. Возвращаясь к уже сказанному выше, можно повторить, что многокодовый узус является нормальным языковым поведением, будь то внутри- или межъязыковое переключение, и, говоря довольно упрощенно, было бы лучше трактовать билингва не как некую странность, а как обычного индивида, чей репертуар оказался содержащим коды, которые у других будут определяться как отдельные языки. Однако, представленное таким образом, понятие билингвизма теряет в тривиальности признания того, что все говорящие используют разные стили в соответствии с разными целями — трюизм, на который вряд ли можно рассчитывать в углублении нашего понимания языкового употребления.

Кардинальный вопрос, с которым сталкивается исследователь билингвизма, состоит в следующем: обладает ли двуязычный индивид одной или двумя системами. Отвечая на этот вопрос и следуя рекомендациям Вайнрайха, Эрвин и Осгуд предложили рассматривать билингвизм как некоторую шкалу, располагающуюся между *смешанным билингвизмом*, при котором два языка сливаются в одну систему, и *координативным билингвизмом*,

СМЕШАННЫЙ БИЛИНГВИЗМ

КООРДИНАТИВНЫЙ БИЛИНГВИЗМ

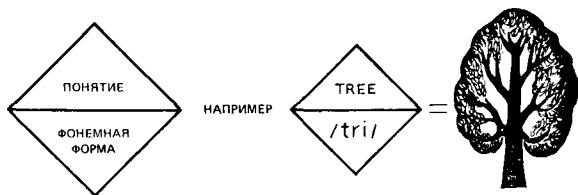

при котором две языковые системы сохраняются раздельными. В терминах трансформационной грамматики смешанный билингвизм характеризуется единой семантической базой, связанной с двумя механизмами входа и двумя механизмами выхода, тогда как при координативном билингвизме имеются две семантические базы, каж-

дая из которых связана с конкретными языковыми системами входа-выхода (эти две модели изображены на рис. 5.2).

Главной проблемой, помимо экзистенционального статуса этих моделей (такой вопрос мы рассматривали в общем плане выше — 2.3.1.1), является природа механизма переключения, который в нашей схеме для смешанного билингвизма появляется после блока трансформационных правил, т. е. здесь языки 1 и 2 тесно связаны, а в случае координативного билингвизма он, вероятно, находится перед семантической базой — видимо, в своего рода «генераторе мыслей». Серьезным обстоятельством является и то, как трактуется модель — как психологическая или как лингвистическая; в любом случае природа и содержание правил механизма переключения нуждаются в более точном определении. Мы вернемся к этой проблеме позднее, в рамках обсуждения кодового переключения, а здесь ограничимся замечаниями по поводу тех весьма серьезных последствий, которые имеет такая модель для еще одной излюбленной аксиомы дескриптивной лингвистики — неразделимости языкового знака.

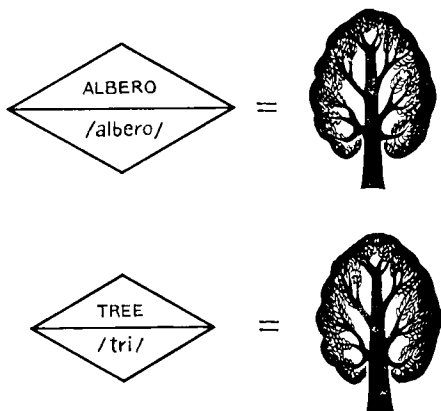
Было принято считать, по крайней мере со времен Соссюра, что анализ и объяснение языка должны опираться на спецификацию отношений между (1) языковыми знаками — их формой и значением — и (2) их референтами — «объектами», к которым они относятся, а в конечном счете, и к тем, кто ими пользуется. Языковой знак традиционно считался состоящим из *выражения* — «акустического образа», или, огрубленно, «фонемной формы», и *содержания* — понятия; оба относятся к некоторому «объекту». Это можно проиллюстрировать, воспроизведя соссюровский пример с «деревом» (англ. tree) и используя прописные буквы для обозначения понятия:

Очевидно, что в этом случае, когда использующий знак индивид является монолингвом (а высказанные выше замечания о кодовом переключении должны заста-

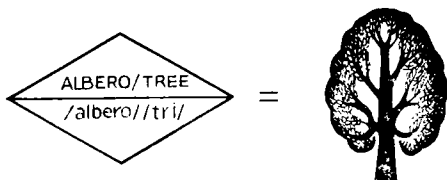
вить нас усомниться в реальном существовании таких индивидов), отношение между акустическим образом вместе с соответствующим ему понятием, образующими знак, и его референтом будет простым. А что же, однако, имеет место в случае билингва? Мы попытаемся подогнать этот знак к двум изображенным выше моделям, используя в обоих случаях в качестве примера итало-английского билингва.

Координативный билингвизм

Этот говорящий имеет два знака для одного и того же референта и, по-видимому, два понятия и две фонемных формы для физического объекта, определяемого следующим образом: «многолетнее растение с единственным самостоятельным древесным стволом, обычно без веток на некотором отрезке от земли». В действительности не исключено, что эти два знака относятся к разным объектам: ALBERO /albero/ — к итальянской зонтиковой сосне, а TREE /tri/ — к неопределенному лиственному объекту на нашей иллюстрации.

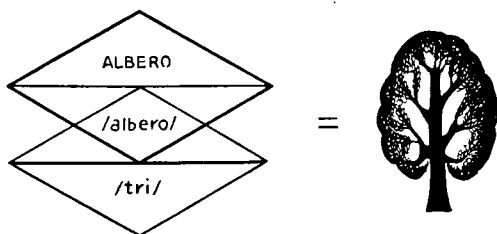
Смешанный билингвизм

Если билингв смешанного типа имеет слитую семантическую базу, его знаки также должны быть неизбежно слитыми, но в таком случае как он разлагает свои знаки на составные части и порождает не совершенно непредсказуемую мешанину итальянского и английского, а текст либо на одном, либо на другом языке и как при желании он создает смешанный текст, если обстоятельства того требуют? То, что его знаки являются слитыми, вытекает из самого понятия смешанного билингвизма, как и разделимость знака, когда носитель порождает предложения, но это противоречит соссюрровскому пониманию природы знака: изменение одного из его элементов автоматически вызывает изменение другого. Можно указать также на тот факт, что это проблема не одного лишь билингвального описания, поскольку то же самое расщепление знака представляется неминуемым в монолингвальном употреблении омофонов и омографов. В порядке частичного решения данной проблемы можно было бы предложить такую модель знаков в смешанном билингвизме, в которой понятия сливаются в своего рода суперпонятие вроде ALBEROTREE, которому приписываются два акустических образа — /albero/ и /tri/, но это мало что дает для преодоления внутренне присущей такому подходу трудности: знак по-прежнему разделен, и нет никакого механизма, предотвращающего порождение высказываний типа "Io I ho have gia just visto seen in a albero tree"! * Совершенно ясно, что мы оказываемся перед настоящей потребностью определить механизм переключения, позволяющий порождать несмешанные высказывания, и процесс, допускающий временное отключение такого механизма (см. 5.4).

Третий тип билингвизма, предложенный Вайнрайхом [Weinreich, 1953, 9 сл.], субординативный билингвизм, хотя в нем и нет ничего необычного, представляет подобные неразрешимые проблемы:

* «Я только что видел дерево». В этом гипотетическом примере каждый элемент фразы дублирован: ит. Io/англ. I «я», ит. ho/англ. have — вспомогательный глагол перфектной формы основного глагола, ит. visto/англ. seen — причастная форма глагола «видеть» и т. д. (Прим. пер.)

В отличие от смешанного билингвизма, при котором индивид, вследствие овладения двумя языками одновременно, имеет два L1, субординативный билингвизм, как и координативный, предполагает наличие L1 и L2, но отличается от последнего тем, что его сложный знак содержит единственное понятие, которое, так сказать, «вызывает» соответствующее слово из L1, а оно само «вызывает» английскую форму /tri/. Билингв такого типа часто изучает L2 по переводному методу: /tri/ означает /albero/, поэтому его итальянский знак ALBERO /albero сам является знаком знака, или, в семиотических терминах, *метазнаком*.

Следовательно, метод порождения предложений на L2 у билингва субординативного типа включает приравнивание лексической единицы из L1 к лексической единице из L2 — процесс, совершенно отличный от процедуры «понятие — единица», характерной для смешанного и координативного билингвизма: этот процесс, как можно с определенностью полагать, параллелен более ранним этапам усвоения второго языка. По сути все три типа билингвизма, по-видимому, действительно маркируют этапы усвоения, начиная с субординативного и переходя к координативному, когда у учащегося появляется ощущение того, что ему действительно удастся «думать на этом языке», а не просто «переводить с родного языка».

Можно было бы теперь задаться вопросом, есть ли какие-нибудь психологические свидетельства существования этих моделей в сознании или в мозгу билингвов, помимо различного рода мерил самооценки. Имеются некоторые экспериментальные свидетельства, как будто подтверждающие эту гипотезу; особенно это касается результатов дифференциальных семантических тестов

[Osgood et al., 1957]. Если, как предполагается, смешанный билингвизм характеризуется единой концептуально-семантической системой, любому изменению в значении слова в одном языке должно соответствовать одинаковое изменение в значении эквивалентного слова в другом языке, но поскольку денотативное значение — концептуальное или когнитивное — не может быть с легкостью изменено, такие тесты должны полагаться на изменение коннотативного — ассоциативного или эмоционального — значения слов (ср. [Leech, 1974, 10—27], где дается сводка «семи типов значения», что может оказаться полезным для нас). Для координативного билингвизма никакое подобное изменение не может быть предсказано, и несколько серий экспериментов дали результаты, которые, по-видимому, подкрепляют дихотомию между этими двумя типами билингвизма [Lambert and Jakobovits, 1961].

До сих пор мы игнорировали важнейший аспект билингвизма — отношение языка к культуре у двуязычных индивидов, так как, наряду с вопросом об отношении одного языкового кода к другому, существует отношение одной культуры к другой. Короче говоря, имеются, по-видимому, бикультуральные индивиды, точно так же, как имеются билингвальные, и отсюда возникает вопрос, могут ли такие «бикультуралы» образовывать некий континуум в диапазоне от смешанного до координативного типов? Эта сторона дела получит рассмотрение ниже — в контексте социального использования кодов в многоязычных обществах (5.2), но сначала надо попытаться исследовать природу механизма переключения, от чего в конечном счете должно зависеть описание билингвального языкового употребления.

5.1.2 *Двуязычное переключение кодов*

Мы описывали двуязычное поведение так, как если бы не было никаких проблем, связанных с переключением с одного языка на другой, т. е. будто бы механизм переключения, что бы он собой ни представлял, всегда находится в идеальном рабочем порядке, и тем не менее мы замечаем появление «смешанных» высказываний, или, говоря в плане нормативности, мы замечаем, что билингв допускает «ошибки». Еще в 1957 году высказывалось мнение [Lado, 1957, 1], что исследования в области язы-

ковых контактов [Weinreich, 1953; Haugen, 1953] демонстрируют тот факт, «что многие языковые искажения, наблюдаемые среди билингвов, соответствуют поддающимся описанию различиям в используемых языках», т. е. различия между языковыми формами монолингвов и формами, употребляемыми билингвами, должны в значительной мере объясняться явлением «интерференции» со стороны L1. Предполагалось, что такая интерференция происходит из переноса структурных моделей L1 в употребление L2 на всех уровнях — лингвистических и культурных. Мы поясним это утверждение на примере фонологической интерференции, признавая в действительности, что эти предполагаемые процессы в равной мере приложимы к коду в целом и к культурным аспектам употребления языка.

5.1.2.1 Фонологическая интерференция

Факт «звуковой субституции» давно признается в лингвистике [Bloomfield, 1933, 445 сл.], хотя точное определение этого явления было достигнуто только в 1953 г. [Weinreich, 1953, 14]: «интерференция возникает в тех случаях, когда двуязычный индивид отождествляет фонему вторичной системы с фонемой первичной системы и, воспроизводя ее, применяет к ней фонетические правила первичного языка». Несложный пример поможет понять сказанное. «Займствованное слово» *garage* ‘румяна’, фонемически /*giz*/ и фонетически [ʒi:z] во французском языке, идентифицируется носителями английского языка следующим образом: французское [ʒ] трактуется как эквивалентное английскому /*g*/ и реализуется обычно в виде [dʒ]; французское /*u*:/ отождествляется с английским /*u*:/, но воспроизводится как более централизованный и удлиненный гласный, чем французский, т. е. как [i:]. Французская фонема /*z*/ приравнивается к английской /*z*/, но ввиду фонотактических правил английского языка, запрещающих эту фонему в начальной позиции и часто замещающих ее в конце слова, она вполне может быть заменена более обычной /*dʒ*/, ср. *garage* ‘гараж’, *beige* ‘бежевый’ и т. п.

Было предложено различать четыре основных типа фонологической интерференции: недодифференцированность и сверхдифференцированность фонем, реинтерпретация (переосмысление) различий и звуковая субституция, каждый из которых иллюстрируется ниже.

Недодифференцированность: если L2 содержит фонемы, не встречающиеся в L1, они могут не осознаваться как таковые, например, в итальянском нет противопоставления /i:/ — /i/, хотя длинные и краткие гласные встречаются, но только как целиком предсказуемые аллофоны, не затрагивающие значения слов. Итальянец, говорящий по-английски, вполне может оказаться неспособным различить вне контекста, в произношении или восприятии, контрастирующие значения таких фраз, как *He beat his wife* 'Он ударил свою жену' и *He bit his wife* 'Он укусил свою жену'. И наоборот, отсутствие в английском языке фонемного противопоставления простых и «двойных» согласных, за исключением маргинальных случаев типа *holu* 'святой' и *wholly* 'целиком' в некоторых видах речи, может привести англичанина, говорящего по-итальянски, к неумению различать *casa* /kasa/ 'дом' и *cassa* /kassa/ 'касса' или *fato* /fato/ 'сделанный' и *fatto* /fatto/ 'факт'.

Сверхдифференцированность: этот тип интерференции является обратным по отношению к только что описанному — отождествление фонетического контраста в L2 с фонемным различием в L1, например, наличие двойных согласных в письменной форме таких английских слов, как *little* 'маленький', *bigger* 'большой', *banner* 'знамя' и т. п., может толкнуть итальянца к произношению их как /littel/ и т. д., или, например, наличие аспирации в начальных глухих смычных в английском может привести носителя языка хинди к предположению о наличии такого противопоставления, и он будет чрезмерно подчеркивать фонетические различия между /k/ в *kin* 'родственник' и *skin* 'кожа', реализуя сильную аспирацию в первом случае при отсутствии ее во втором, по аналогии с хинди /k^hal/ 'родственный' и /kal/ 'редкий'.

Переосмысление различий: представление о фонеме как о наборе различительных признаков может заставить билингва воспользоваться некоторым фонетическим признаком, образующим в его L1 неотъемлемую часть фонемного противопоставления, и с его помощью осуществлять различение в L2. Хотя в английском имеется, а в итальянском отсутствует различение /a:/ — /æ/, ср. оксфордское *bard* 'бард' — *bad* 'плохой', переднерядные аллофоны /a/ в действительности встречаются во многих итальянских диалектах перед «двойными согласными». Поэтому говорящий по-итальянски англичанин может услышать и реализовать в речи различие между *fato* и

fatto не как существенное противопоставление «один согласный — двойной согласный», а как различие в гласных, произносятся гласный, близкий к /ɑ:/, в слове *fato* и гласный, близкий к /æ/, в слове *fatto*.

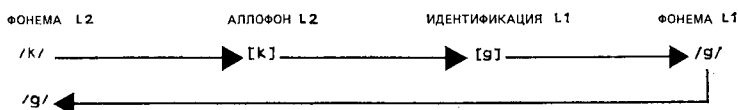
Звуковая субституция: когда реализация фонемы в L2 воспринимается как вариант «той же самой» фонемы в L1, может иметь место подстановка одного звука вместо другого, например, англичанин, говоря по-французски, опознает французское [ʁ] как реализацию /r/, в чем ему помогает то, что он слышал подобную реализацию в северо-восточной деревенской разновидности английского языка, ср. *rouge*.

5.1.2.2 Межъязыковая идентификация

В каждом из четырех описанных выше случаев интерференции предполагалось наличие общей черты — идентификации билингвом фонем языка L2 в терминах его L1-системы, т. е. он слышит «х» и принимает его за «у», который он и употребляет в попытке произнести «х» в L2.

В огрубленном виде это можно показать на следующей схеме (рис. 5.3):

РИС. 5.3 *Межъязыковая идентификация 1*

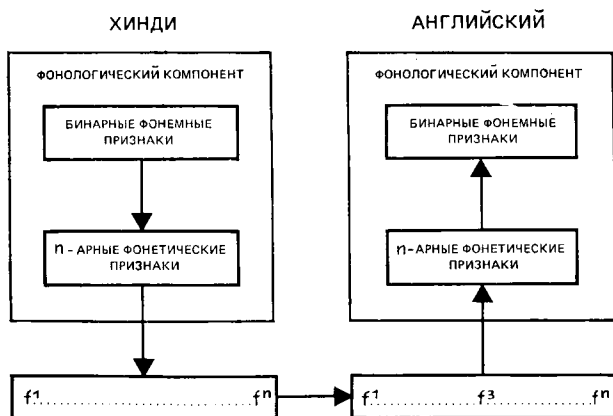
Говорящий на хинди англичанин слышит неаспирированный /k/ в /kam/ ‘работа’ как /g/, так как начальный неаспирированный /k/ не встречается в английском (т. е. в оксфордском; многие же северные английские диалекты допускают его), зато встречается неаспирированный /g/, поэтому он употребляет /g/ в своей реализации /kam/, произносится /gam/ — бессмысленное слово в хинди.

Эта модель, однако, действительно является довольно грубой в качестве объяснения интерференции. К примеру, она не в состоянии четко объяснить, почему должен выделяться один из признаков /k/ при игнорировании прочих. Чисто фонетический ответ едва ли достаточен, так

что нам необходимо пересмотреть модель, предложенную в главе 2 (2.4.2.1, рис. 2.2), особенно на уровне фонологического компонента.

Фонологические правила обладают формальной структурой контекстно-связанных правил [Chomsky and Halle, 1963, 332] и одной функцией превращения бинарных фонологических признаков во многие фонетические признаки, составляющие реальные речевые звуки [Botha, 1971, 225 сл.]. Можно теперь внести изменения в рис. 5.3 с целью более отчетливого указания механизма межъязыковой идентификации на фонологическом уровне (см. рис. 5.4).

РИС. 5.4 *Межъязыковая идентификация 2*

Выше предполагалось, что говорящий на хинди англичанин слышит фонетические признаки звуков хинди и отбирает, на основе фонологических правил английского языка, тот фонетический признак, который он считает значимым различительным фонемным признаком в хинди, т. е. он, так сказать, «отфильтровывает» те признаки, которые либо не встречаются в английском, либо являются в нем фонологически несущественными. Следовательно, он интерпретирует аллофон фонемы /k/ в хинди как английский аллофон фонемы /g/ по причине, указанной ранее,— неправильное осмысление противопоставления. Короче говоря, достаточно одного противо-

поставления, и он выбирает неверное. На схеме показан процесс восприятия (декодирования), но коль скоро идентификация осуществлена, стрёлки можно направить в обратную сторону, и та же схема будет служить моделью процесса передачи (кодирования), т. е. говорения на хинди «с английским акцентом». Нумерация отобранных признаков, конечно, совершенно произвольна и дается просто для примера; более полная трактовка содержания бы перечисление фонетических признаков хинди и английского в их противопоставлении.

В принципе, такие межъязыковые интерпретации поверхностных явлений могут иметь место на всех уровнях грамматики и, как таковые, составлять интер-язык — англицированный хинди, используемый этим говорящим; данное понятие мы подробнее рассмотрим в следующем разделе.

5.1.2.3 Понятие «интер-языка»

Часть трудностей, с которыми мы сталкиваемся при объяснении билингвального языкового поведения, проистекает из того факта, что, несмотря на торжественные заявления об объективном характере наших описаний и об отказе от понимания языка как монолитного объекта, мы все время действуем, по существу, вполне прескриптивно и монолитически. Пока мы не признаем, что высказывания билингва, даже те, которые порождаются учащимся на ранних этапах изучения L2, являются в такой же мере языком, что и хинди или английский в качестве L1, на которые он, как мы полагаем, нацелен, до тех пор наше понимание не продвинется дальше перечисления «ошибок» и трактовки его речи как «ломаного английского» или того или иного «пиджина». Необходима переориентация в направлении фактических данных, т. е. надо строить описание «не путем такого приспособления грамматики стандартного английского языка, чтобы она могла порождать все реальные предложения... [текста], а путем обнаружения той грамматики, которая наиболее адекватно описывает эту структуру» [Thorne, 1965, 51]. Интересно, что это было первоначально предложено для исследования одной чрезвычайно отклоняющейся от нормы разновидности английского языка — поэтического языка Э. Каммингса, но вскоре было распространено на описание стилистически характерных диалектов вообще и на обнаружение структурированного

характера ученических ошибок в частности посредством процедуры, ставшей известной как «анализ ошибок» (вероятно, лучший его обзор содержится в [Corder, 1973, 256—294]).

Главные предпосылки анализа ошибок можно кратко резюмировать следующим образом:

1. Высказывания индивида, говорящего на некотором L2, не являются ни высказываниями на L2, ни высказываниями на L1, а представляют собой поверхностные манифестации «интер-языка» — языковой системы, формальные характеристики которой помещают ее в некоторой точке между L1 и L2.

2. Эта система, частично изоморфная системе L2, подчиняется определенным правилам и образует знание об L2, которым говорящий располагает в момент регистрации данных, т. е. его компетенцию в L2, это «аппроксимативная система», отражающая его «переходную компетенцию».

3. Поскольку формы, изоморфные формам L2, могут появляться случайно, ошибки, допускаемые говорящим, являются наиболее отчетливым показателем его системы, будучи результатом гипотез о структуре L2, проверяемых учащимся.

4. Отклоняющиеся формы следует разделять на случайные ляпсусы и закономерные ошибки и погрешности. Только эти ошибки и погрешности считаются индикаторами базисной системы.

5. Система индивида, изучающего язык, может быть или не быть в состоянии изменения; одни изменяются быстро, другие, так сказать, претерпевают «окаменение», третьи же оказываются относительно «фиксированными» в форме пиджина, креольского языка, местного разговорного варианта и прочих разновидностей L2 (см. об этом подробнее 6.2).

В основе этих предпосылок лежит существенная переоценка языка билингва (на каком бы этапе его изучения он ни находился) как уникальной и автономной коммуникативной системы, которая может описываться так же, как вновь открытый язык вновь открытого народа, поскольку это именно то, чем он является — язык речевого коллектива, хотя и состоящего из одного коммуникатора, со своими собственными правилами, требующими объяснения в своих собственных терминах, а не в плане «отклонения» от какой-то иной системы. Столь же неинформативно, например, описывать провансаль-

ский язык как «плохой французский», что и описывать L2, разновидность английского языка, как «плохой английский», хотя «интер-язык» билингва может, собственно говоря, описываться как «хороший» или «плохой» в плане его коммуникативной эффективности (см. 5.2). Имеются, естественно, серьезные проблемы, связанные с описанием интер-языка, но некоторые тексты уже были исследованы, и можно объявить об определенных успехах [Bell, 1973, 1974].

Можно отметить еще два момента, прежде чем мы продолжим обсуждение билингвизма. Во-первых, все L2-разновидности должны теперь приниматься в качестве «реальных языков», поддающихся нормальному лингвистическому описанию,— и это еще один шаг к достижению объективности по отношению к своим данным, что было первейшей целью лингвистики на протяжении этого столетия. Во-вторых, понятие интер-языка и переоценка статуса предполагаемых им ошибок имеет принципиально важные последствия для преподавания языка, поскольку ориентирует учителя на исправление не поверхностных явлений — «симптомов» употребления L2, а базисной концептуальной системы, которая их обуславливает.

5.1.2.4 Резюме

Мы рассматривали двуязычного индивида, проводя различие между смешанным и координативным билингвизмом, и эта дихотомия привела нас к признанию того, что данное понятие подрывает важную аксиому дескриптивной лингвистики о неделимости языкового знака и тем самым выдвигает проблемы, общие для лингвистики в целом, а не только для описания билингвизма. Под рубрикой «кодовое переключение» мы рассмотрели механизмы, связанные с употреблением индивидом более одного языка, и высказались за то, чтобы считать язык говорящего на L2 автономной языковой системой и описывать его как таковую, без явного или скрытого привнесения элементов предписания.

Теперь необходимо переключить внимание с двуязычного индивида и системы, которой он располагает, на употребление билингвами их языков, т. е. предпринять социально-психологический и социолингвистический, а не чисто психологический или лингвистический подход к данному вопросу.

Нетрудно заметить, что высказанные выше замечания по поводу кодового переключения у монолингвов, его связи с ролевыми отношениями и его местонахождения в различного рода сферах в равной, если не в большей мере применимы и к кодовому переключению у билингвов (ср. 4.3.1). Если принять, что репертуары одноязычных индивидов и групп отличаются друг от друга по линии кодов и ролей, которыми они могут оперировать, подобные, хотя и большие различия должны встречаться в коммуникативной компетенции билингвов на уровне их L2. Именно по этой причине определение билингва как человека, в совершенстве владеющего более чем одним языком [Francis, 1958, 590], или, используя термин Хэллидея, являющегося «амбилингвом» [Halliday et al., 1964, 77 сл.], оказывается несостоятельным, за исключением редких случаев, когда индивид достигает высшей точки на шкале одинакового владения двумя или более языками. Следует признать, что билингвизм образует некоторый диапазон умений, простирающийся от монолингвизма на одном полюсе через субординативный и координативный типы до смешанного билингвизма, при котором совершенное владение обоими языками никогда не считается чем-то недостающим. Представляется реалистичным объяснять варьирующие способности билингва, у которого все еще происходит изменение и развитие интер-языка, как движение от координативного билингвизма к смешанному, но — и в этом состоит главное — не в одинаковой степени во всех языковых и социальных навыках. Чтобы коммуникация была эффективной, говорящий должен уметь не только оперировать языковым кодом, но и осуществлять выбор канала, посредством которого код реализуется, учитывать ситуативные переменные, модифицирующие такой выбор, а также социолингвистические правила, которые делают возможной связную речь и поддерживают или создают социальные отношения. Вряд ли можно ожидать мгновенного достижения совершенного владения такой серией разнообразных навыков, так что в некоторых сферах билингв будет владеть ими по типу смешанного билингвизма, в других — по типу координативного, а в ряде сфер — даже по субординативному типу. Чтобы пояснить сказанное, я приведу в качестве примера свои собственные возможности в итальянском языке.

Будучи итало-английским билингвом, в Италии я расценил бы себя как близкого к смешанному типу в тех сферах общения, в которых я часто использовал итальянский, но мое умение фактически связано с устной формой речи; хотя я читаю по-итальянски с определенной быстротой и точностью, мой письменный итальянский очень беден. Подобным же образом, обычные сферы, в которых оказывается турист, плюс несколько сфер, общих для местного итальянского домохозяина и квартиросъемщика, представляют незначительные трудности, но большинство из них являются деловыми, а не личными (см. 4.2.2); я могу действовать как учитель английского языка в Италии, но вряд ли смогу исполнять роль, например, итальянского сына.

Из этого следует абсолютная необходимость определения двуязычных навыков в плане социальных навыков, которыми обладает двуязычный индивид, и особенно с точки зрения сфер, в которых обычно используется тот, а не иной язык; это необходимо потому, что нам придется опираться на это понятие при рассмотрении двуязычных коллективов.

Мы предложили грубое разделение сфер для моего собственного употребления итальянского и английского: английский во всех сферах, а итальянский в тех, которые выражают вторичные отношения и используют главным образом деловой язык. Такой подход позволяет составить для любого билингва или двуязычной группы перечень сфер и типичных для них кодовых выборов — *конфигурацию преобладания* [Fishman, 1966], которая может иллюстрироваться на примере гипотетического азиатского иммигранта в Англии в виде следующей таблицы (рис. 5.5):

РИС. 5.5 *Конфигурация преобладания*

СФЕРА	ЯЗЫК	
Семья		Р
Круг друзей		Р
Религия	А	Р
Магазины	Е	Р
Работа	Е	Р
Управление	Е	
Агентства	Е	

А—арабский
Е—английский
Р—пенджабский

Такой индивид, пенджабец-мусульманин, характеризуется довольно четкими отношениями между сферой и типичным выбором языка, но в некоторых сферах — религия, магазины и контакты на работе — встречаются два языка: в первом случае, в зависимости от стадии службы в мечети, используется либо классический арабский язык Корана, либо пенджабский; в двух остальных выбор языка зависит соответственно от L1 лавочника и товарища по работе. Это, однако, лишь частично отражает существующую ситуацию. Выбор английского или пенджабского может зависеть не только от L1 собеседника, но решающим фактором может быть также тема беседы (см. 5.1.1): обсуждение сложного процесса на работе будет более легким даже для носителей пенджабского языка, если оно ведется на английском или на смеси того и другого (здесь мы вновь вернулись к поднятому ранее вопросу; он будет еще раз затронут ниже в 5.4).

Следовательно, конфигурацию преобладания довольно трудно составить даже для отдельного двуязычного индивида, поскольку она требует соотнесения языкового выбора со всеми ситуативными переменными, рассмотренными выше. Но несмотря на это, данное понятие полезно, так как позволяет дать некоторое объяснение выбора языка как на уровне индивида, так и на уровне группы, и, будучи распространенным на некоторый промежуток времени, может служить, подобно шкале Гутмана или волне Бейли (2.4.3), индикатором волн изменения (в данном случае расширения и сужения использования языка), проходящего через общество.

5.2.1 Билингвизм и бикультуризм

Предыдущий раздел подвел нас к более широкой проблеме, связывающей интересы антропологии и социолингвистики — проблеме отношения между выбором языка и культурой. Напомним, что мы вполне уместно говорим о том, что смешанный билингвизм означает наличие «единой концептуальной системы», но предполагает ли это непременно и единую культурную систему? Действительно, существование монолингвов и двух (крайних) типов билингвов позволяет в принципе говорить о шести группах отношений между языком и культурой, представленных в виде матрицы 3×2 на рис. 5.6.

КОД	КУЛЬТУРА	
	монокультуризм	бикультуризм
МОНОЛИНГВИЗМ	+	?
КООРДИНАТИВНЫЙ билингвизм	+	+
СМЕШАННЫЙ билингвизм	?	+

Монолингвизм не требует особых комментариев, поскольку одноязычно-однокультурный индивид, безусловно, является нормой в человеческом обществе, а клетка «монолингвизм — бикультуризм», по-видимому, аннулируется: такой индивид представляется совершенно противоречащим здравому смыслу.

Билингвы же дают три интересных типа, причем смешанно-монокультурный билингвизм представляется, в свете имеющихся данных, наиболее невероятным, демонстрируя тот факт, что билингвизм в значительной степени предполагает бикультуризм (см. [Jakobovits, 1970, 85—90]).

Монокультурно-координативный билингвизм наблюдается, по-видимому, в тех случаях, когда индивид изучил L2 в утилитарных целях — чтобы иметь доступ к технической информации на этом языке, чтобы вести исследование по теоретическим проблемам и т. п.; такой индивид, в предельном случае, будет демонстрировать субординативный билингвизм (см. 5.1.2), возможно, ограниченный умением читать на L2, используемом им как «библиотечный язык».

Бикультурно-координативный билингвизм, напротив, более вероятен в случаях, когда индивид изучил L2 в культурно-познавательных целях (стремление узнать данный народ, туризм и т. д.) и с целью изучения литературы, истории и других аспектов культуры речевого коллектива, говорящего на этом L2. Некоторые индивиды этого типа могут даже демонстрировать то, что было названо своего рода «билингвальной шизофренией», т. е. ощущение смены своей личности при смене языка [Ervin-Tripp, 1967].

Бикультурно-смешанный билингвизм, по-видимому, демонстрируют иммигранты второго поколения, которые одновременно усвоили два L2 и две культуры — язык и культуру своей семьи и язык и культуру чужого общества, но разве невозможно, чтобы такие индивиды обладали, наряду со смешанным билингвизмом, также смешанной культурой — чем-то вроде культурного коррелята описанного выше интер-языка, т. е. интер-культурой, составленной из элементов обеих культур, слитых в единое целое [Pearl and Lambert, 1962]? Этот вопрос представляет огромную важность в обществах с большими группами иммигрантов; например, наличие расовых отношений в Англии требует рассмотрения того, является ли ребенок иммигрантов наследником двух различных культур или же одной новой культуры, так как от этого зависят такие понятия, как «интеграция», «ассимиляция», «аккомодация», а также представление о характере многорасового общества [Patterson, 1969, 111—113; Rose et al., 1969, 24 сл.]. Очевидно также, что такие проблемы представляют значительный интерес для социалингвиста, поскольку взаимоотношение между языком и культурой и социальное значение языкового выбора являются центральными для всей области микросоциалингвистики, а также имеют последствия в макрообластях языкового планирования и образования, особенно преподавания языка. Мы вернемся к этим макросоциалингвистическим вопросам позже в процессе рассмотрения языковой политики в лингвистически неоднородных странах (7.3).

5.2.2 Резюме

В этом беглом обзоре билингвизма мы достигли точки пересечения между социально-психологическими аспектами двуязычного узуса в конкретных сферах, отметив последствия, которые может иметь выбор кода в таких контекстах для культурного склада индивида, и теперь мы можем перейти к рассмотрению более масштабной и более социологичной области институализации кодового выбора, начав с особого случая — диглоссии.

5.3 ДИГЛОССИЯ

Подлинный монолингвизм, в абсолютном смысле этого термина, предполагал бы существование единственной, монолитной, недифференцированной кодовой системы,

используемой обществом, в котором каждый его член исполняет единственную изолированную роль, манифестируемую единственным одностилевым кодом, — ситуация совершенно нереалистическая даже, как мы видели, применительно к малолетнему ребенку. Но базироваться в нашем объяснении языкового употребления на том трюизме, что в этом смысле все носители языка являются «билингвами», вряд ли значит существенно пролить свет на данный вопрос. Между кодами имеются несомненные различия как на микроуровне индивидуального употребления, так и на макроуровне социального использования, и в задачу социалингвистики входит их точное определение и описание.

Мы обсуждали билингвизм как в смысле личного, так и общественного выбора между различными языками, но вовсе не затрагивали вопроса о социальной оценке такого выбора, имеющей, как увидим, последствия для социалингвистической типологии, в которой определяются такие понятия, как «местный», «пиджин» и т. п. (6.2.2), а также для всей области языкового планирования, связанного с решением вопроса, какие коды следует использовать в различного рода «официальных» функциях (7.2.2).

Существуют общества, в которых имеется «социально обоснованная и культурно значимая функциональная дифференциация» используемых в этих обществах кодов [Fishman in Fishman et al., 1958, 50, прим. 16], т. е. есть согласие по поводу того, что одна разновидность обладает «высоким» статусом (В), а другая — «низким» (Н). Обычно в подобных ситуациях существует функциональное разделение между этими двумя разновидностями: В сохраняется для «формального», «публичного» использования, часто признаваясь юридически официальным языком государства; эта разновидность языка отмечена более сложными и консервативными формальными лингвистическими признаками, чем Н, сохраняемыми в почитаемой и, возможно, древней литературе, — в противоположность «неофициальному» статусу, «домашнему» использованию Н с ее изменчивой и часто «упрощенной» структурой, ограниченной устными каналами коммуникации. Для обозначения такой ситуации был выбран термин «диглоссия» [Ferguson, 1959], и в качестве примера приводились первоначально такие внешне различные речевые области, как арабская, английская, франко-креольская, современная греческая и швейцарско-немецкая.

Однако последующие исследования диглоссных с виду коллективов привели к переопределению этого понятия и к признанию того, что возможны три типа отношений между билингвизмом и диглоссией: только билингвизм, только диглоссия и сочетание билингвизма с диглоссией [Fishman, 1970]. Мы рассмотрим, иллюстрируя примерами, все три типа и укажем, как динамизм социального и языкового изменения может порождать такого рода ситуации.

5.3.1 *Билингвизм без диглоссии*

Для общества в целом необычно наличие большого числа индивидов, принадлежащих к более чем одному речевому коллективу, т. е. имеющих два L1, но отнюдь не необычно для некоторых слоев населения использование более одного языка в процессе повседневной социальной интеракции. В Европе хорошим примером тому служит Бельгия, особенно в зоне вдоль нидерландско-французской языковой границы. Эта ситуация, однако, не является диглоссной, несмотря на факт частого наличия функционального разделения между ролями, которые отдельный носитель нидерландского языка предположительно исполняет на этом языке и на французском, поскольку среди бельгийцев нет соглашения считать тот или другой язык В или Н, и, действительно, равноправный государственно-официальный статус обоих языков является ясным юридическим утверждением этого факта.

5.3.2 *Диглоссия без билингвизма*

Необходимым условием существования диглоссии без билингвизма представляется существование относительно жесткой социальной системы, в которой принадлежность к определенной группе достигается благодаря рождению и не может быть легко утрачена. Крайним случаем такой ситуации является та, когда элита решает изолироваться от остального населения, с которым она общается (если такое общение вообще имеет место) через посредство переводчиков, предпочитая использовать для внутригруппового общения какой-либо иностранный язык с высоким статусом; например, европейские элиты в ряде стран до 1914—18 гг. пользовались французским или немецким, а не местным языком. Подобная ситуация может, конечно, возникнуть в странах «третьего мира», где

элита может избрать для своего использования язык бывших колониальных властей и либо избегать контакта с народными массами, либо общаться с ними на некоторой пиджинизированной разновидности В (этот момент будет вновь затронут в главе 7).

5.3.3 Диглоссия и билингвизм

Редкая, но возможная ситуация, при которой значительная часть населения может оперировать более чем одним общественно признаваемым кодом, наблюдается в тех случаях, когда имеется не только функциональное разделение между кодами, но и согласие относительно того, что один из них должен оцениваться выше, чем другой. Такая ситуация сочетания билингвизма и диглоссии представлена, по-видимому, в Парагвае [Rubin, 1968], где гуарани действует как Н, а испанский — как В; то же мы видим на примере швейцарского немецкого и стандартного немецкого в германоязычных кантонах, «разговорного» и «классического» арабского в арабских странах, демотики и катаревусы в Греции. Ситуация билингвально-диглоссных речевых общностей имеет важные последствия в отношении языкового планирования вообще и образования в частности, что будет рассмотрено в главе 7.

5.3.4 Резюме

Билингвизм, таким образом, является результатом использования индивидом или обществом более одного кода. Диглоссия есть результат оценки такого функционального разделения, и поэтому билингвизм и диглоссия могут встречаться в речевых коллективах порознь или вместе. Но поскольку социальное изменение предполагает языковое изменение, имеются также коллективы, которые движутся от диглоссии к билингвизму или бидиалектности и в которых, параллельно с разрушением прежде весьма стратифицированной социальной системы и созданием более открытого и эгалитарного общества, первоначально отчетливо дифференцированные формы и функции В и Н сливаются, порождая вместо прежних дискретных кодов некий континуум, в котором коды поглощают друг друга, ср. «послекреольский» континуум в карибских странах Британского Содружества, что и составит предмет обсуждения в следующем разделе.

5.4 ЯЗЫКОВЫЕ КОНТИНУУМЫ

В этой главе мы доказывали континуумный характер двуязычного узуса, а теперь вновь затронем вопрос (см. 2.4.3) о трудностях оперирования с языковыми данными тех речевых коллективов, где вариация располагается вдоль некоторого непрерывного спектра типов, или, говоря словами Де Кампа [De Camp, 1971, 354], где, «имея два образчика... речи, существенно отличных друг от друга, обычно можно найти третий промежуточный уровень, представленный еще одним образцом. Таким образом, практически нереально описать эту систему в терминах двух, трех, шести или любого другого подходящего числа дискретных социальных диалектов». Перед лингвистом стоит в таком контексте проблема по возможности экономного объяснения структуры базисной системы, с которой соотнобразуются все прочие, и правил, по которым любой говорящий реализует свою собственную разновидность кода в ситуациях интеракции. Более того, адекватное описание должно содержать правила, показывающие, каким образом говорящие могут переключаться «вверх» и «вниз» к предельным точкам континуума, когда они варьируют кодовый выбор из своих репертуаров в ответ на внешние обстоятельства (ср. таксономию Хаймса, 3.3.2.1).

Выборка данных поможет более четко представить величину этой проблемы. В Гайане существует определенный вид упомянутого континуума, располагающийся в диапазоне от варианта английского языка, видимо, идентичного стандартному английскому языку метрополии, до крайних разновидностей креольского английского. Это можно показать на примере восемнадцати возможных передач предложения I gave him one 'Я дал ему одно', представленного ниже в фонемной транскрипции (рис. 5.7).

Можно задаться вопросом, каким образом учесть такие данные — с одной стороны, без обращения к идеализации, которая скроет много интересной информации, с другой стороны, без отдельных описаний каждого из восемнадцати идиолектов, что скроет системность этих данных?

Одним из решений вопроса была бы попытка соотнести каждый вариант с социологическими категориями возраста, пола, принадлежности к тому или иному социально-экономическому классу, образования и т. д. (ср.

РИС. 5.7 Гайанский континуум 1

1	ai	geiv		
2				him
3	a			im
4				i:
5		giv		him
6				im
7				i:
8		dɪd	gɪv	
9		dɪ	gɪ	
10	dɪd			
11	dɪ	gi:		
12		gɪ	hi:	
13				
14			mɪ	i:
15	bɪn	gi:		
16				
17				
18			æm	

(На основе [Cave, 1973, 4 сл.])

2.1.2.1), но этот подход сомнителен по двум соображениям: невозможно сказать, какая характеристика или группа характеристик обуславливает конкретный кодовый признак, а социологические критерии сами являются непрерывными, а не дискретными, и поэтому их непосредственное применение сопряжено с ошибками (см. обсуждение этого момента в [De Camp, 1971, 354 сл.]). Дальнейшие трудности возникают, когда выясняется, что стилистический сдвиг предполагает со стороны каждого говорящего способность владеть более чем одним из кодов, представленных в приведенной таблице, — «неформальная» речь одного говорящего оказывается идентичной «формальной» речи другого — и что такое переключение может встречаться не только между разными речевыми актами, но даже внутри одного и того же акта (см. 5.5 о регулярном характере кодового переключения).

Можно было бы, конечно, записать контекстно-свободные трансформационные правила, которые будут порождать все восемнадцать возможностей плюс, к сожалению, несколько таких, которые не встречаются и, по видимому, не могут встречаться, например, */aɪbɪn ɡɪv æt wʌn/. Фрагмент таких правил мог бы выглядеть примерно так:

$$\text{GIVE} + \text{past} \rightarrow \left\{ \left\{ \begin{array}{c} \text{geɪv} \\ \emptyset \\ \text{bɪn} \\ \text{dɪ(d)} \end{array} \right\} + \left\{ \begin{array}{c} \text{ɡɪ(v)} \\ \text{ɡɪ:} \end{array} \right\} \right\}$$

Другой альтернативой было бы представление этих данных в некоторой матричной форме с попыткой расположить параметры так, чтобы получить импликационную шкалу (см. 2.4.3), как на рис. 5.8.

В этой с виду весьма запутанной ситуации обнаруживаются некоторые интересные факты. Взглянем сначала на идентичные строки — 2/3, 5/6, 8/9/10, 13/14, чтобы восстановить данные, ускользнувшие при составлении матрицы.

В каждом случае различие наблюдается между «полной» и «редуцированной» формами: /hɪm/, /ɪm/; /hi:/, /i/; /dɪd/, /dɪ/; /ɡɪv/, /ɡɪ/, поэтому мы вполне вправе предположить в порядке гипотезы, что такое различие маркирует, как и в стандартном английском, сдвиг стиля от «формального» к «неформальному», а следовательно, «восемнадцать способов сказать 'I gave him one'» отнюдь не

принадлежат к одинаковому стилистическому уровню. Некоторые формы хорошо коррелируют также с географическим источником: 8—12 «типичны» для африканской, а 13—18 — для азиатской речи, а весь набор в целом отражает нисхождение от высших к низшим слоям гайанского общества.

РИС. 5.8 *Гайанский континуум: шкала 1*

	A	B	C		Ключ:
1	0	0	0	0	A: <i>Формы для I</i>
2	+	0	0	0	+: /a/
3	+	0	0	0	—: /mɪ/
4	+	0	+	0	0: /aɪ/
5	+	0	0	—	
6	+	0	0	—	B: <i>Показатель прош. вр.</i>
7	+	0	+	—	+: /dɪ(d)/
8	+	+	+	—	—: /bɪn/
9	+	+	+	—	0: /∅/
10	+	+	+	—	C: <i>формы для him</i>
11	+	+	+	+	+: /(h)ɪ/
12	+	+	+	—	—: /æm/
13	—	+	+	—	0: /(h)ɪp/
14	—	+	+	—	D: <i>формы для gave</i>
15	—	—	+	—	+: /gi:/
16	—	—	+	+	—: /gi(v)/
17	—	—	—	+	0: /geɪv/
18	—	0	—	+	

Один или два варианта, в частности № 2, расцениваются местными носителями креольского (я особенно обязан мисс Дж. Тротмэн, Джорджтаун, за ее пояснения) как вопиющие ляпсусы, другие же представляют интересные переходные ступени между коллективами: например, /dɪ/ в 13 и 14 варианте маркирует в речи некоторых выходцев из Азии движение от ожидаемой формы /bɪn/ к форме /dɪ/ ~ /dɪd/, свойственной африканским вариантам этого креольского.

Памятуя об этом, можно использовать такой подход, который «выбраковывает» варианты, представляющиеся маргинальными, и строит импликационную шкалу для оставшихся. Этот подход, как выясняется, слаб и неудовлетворителен, но может быть до некоторой степени оправдан в плане педагогики как некоторый шаг по пути

нормализации креольской речи,— шаг, который должен быть сделан, если просвещение намерено преодолеть ту сложность ситуации, в которой оно оказывается.

В модифицированной таблице (рис. 5.9) представлены данные, с которыми можно относительно легко оперировать при помощи импликационной шкалы. В целях удобства соотнесения исходные номера высказываний сохраняются.

РИС. 5.9

Гайанский континуум 2

1	ai		geiv	him	wan	
6	a		di	giv	im	wan . wan
7						
11		gi:		i:		
12						
14	gi					
15						
16		bin	gi:			
17						
18	mi			æm		

Предложенное выше разделение «азиатских» и «африканских» вариантов креольского теперь может быть продемонстрировано почти безукоризненной импликационной шкалой, основанной на трех параметрах использования /æm/, /bin/ и /mi/, — «печать» азиатской речи в

противоположность африканской, не использующей эти элементы. Ценность такой шкалы состоит в том, что она одновременно указывает принадлежность говорящих, порождающих каждое высказывание, к социально-экономическому классу, и направление изменения, естественно имеющего место в азиатском коллективе, к высшему по рангу варианту (стандартному английскому). Наличие признака помечается знаком '+', отсутствие его — знаком '—' в соответствующей клетке матрицы (рис. 5.10). Из «африканских» вариантов в качестве примера использован только 12, поскольку ни эти варианты, ни стандартный английский не используют ни одного из трех указанных параметров. Данная шкала не является совершенно безукоризненной ввиду отсутствия показателя времени в последнем и наиболее экстремальном примере (18); поскольку по этим признакам варианты 15 и 16 оказываются одинаковыми, один из них опущен.

РИС. 5.10

Гайанский континуум: шкала 2

	æt	bɪn	mɪ
12	—	—	—
14	—	—	+
15	—	+	+
17	+	+	+
18	+	—	+

Подобная шкала может быть построена для африканских вариантов, и в ней будут одновременно различаться как их внутренние разновидности, так и тип в целом, отличный от азиатских и стандартной форм. Здесь представляются существенными четыре параметра — употребление /dɪ/, употребление формы для gave без конечного согласного, формы /i:/ для him и /a/ для I. Эта шкала (рис. 5.11), в отличие от шкалы на рис. 2.6, безукоризненна в отношении фактических данных и выбранных параметров, и, как и на рис. 5.10, здесь имеется пара высказываний, неразличимых по этим четырем признакам, вследствие чего в матрице представлен лишь один вариант (11 и 12 идентичны во всем, кроме гласной слова give).

	dʃ	gr/ɣr	i:	a
1	—	—	—	—
6	—	—	—	+
7	—	—	+	+
11	+	+	+	+

Интересной особенностью этой шкалы, проявляющейся в неожиданном скачке между 7 и 11, является гипотетическая форма, которая в действительности может встречаться, хотя зияние между двумя соседними гласными делает ее маловероятной. Эта форма — **/a gi: i: wap/* или */a gr i: wap/* — служит хорошим примером того, как анализ такого типа может иметь обратную связь с полевой работой, указывая исследователю на возможность существования пока не засвидетельствованных форм.

5.4.1 Резюме

Попытки, предпринимаемые, в частности, креологами, с целью охвата языковых данных, которые прежде либо игнорировались, либо затемнялись их идеализацией, привели в последние годы к признанию того, что креолоязычные речевые общности не только содержат континуум кодов, которые сливаются друг с другом и между которыми нет четкой разделительной линии, но что такая ситуация является, в сущности, нормой языка, причем вечно изменчивая структура кодовых выборов и функций отражает и поддерживает социальное изменение в коллективах, использующих ее.

Вопрос о том, каким образом индивид оказывается способным переключаться с одного кода на другой, рассматривается в следующем разделе в плане билингвального межъязыкового переключения, но следует уяснить себе, что в целом понятие континуумов и кодового переключения применяется к кодам в самом широком смысле этого термина, т. е. к внутриязыковому — стилистическому и диалектному — переключению, равно как и к переключению межъязыковому — билингвальному в обычном смысле этого термина, и что в любом случае, как выяснится в следующей главе, терминам «язык», «диалект» и т. п. все еще недостает точного определения.

5.5 ПРАВИЛА БИЛИНГВАЛЬНОГО КОДОВОГО ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ

В сказанном выше о билингвальном узусе имплицитно содержится допущение о том, что индивид способен переключаться с языка на язык, а в случае монолингва — с одного стиля на другой, регулярным, а не случайным, образом. Теперь мы должны рассмотреть это допущение, попытавшись сформулировать правила, образующие механизм переключения, который, как мы видели, является необходимым условием двуязычного узуса.

5.5.1 Типы правил

В несколько огрубленных терминах можно предложить два весьма различных типа правил: *социолингвистические* правила, согласующие языковой выбор с социальными факторами на микроуровне индивидуального употребления или на макроуровне выбора национального (государственного) языка, и *психолингвистические* правила, соотносящие выбор с психологическими факторами, присущими вербальному планированию, которое предшествует речи. Здесь мы займемся вторым типом, так как из вышеприведенных аргументов в пользу понимания различия между языком и диалектом в плане степени, а не качества, следует, что социальные факторы, которые можно привлечь для объяснения стилистической вариации у монолингва, являются в точности теми же, которые могут объяснять билингвальный узус, — возраст, пол, статус, обстановка, тема и т. д., т. е. это факторы Хаймса, объединяемые акронимической рубрикой SPEAKING (см. 3.3.2.1). Вид правил, которые интересуют нас в этом разделе, — это вероятностные правила, объясняющие не то, почему тема X обычно обсуждается на языке Y в обществе Z — в этом состоит назначение социолингвистических правил, — а то, как билингвы даже в пределах одного и того же высказывания «смешивают» свои языки и производят речевые акты типа “So wir gehen essen maintenant n'est-ce que pas?” ‘Значит, теперь мы идем есть, не так ли?’ (подслушано в Страсбурге) или “Can one buy zucchini in Inghilterra?” ‘Можно ли купить кабачки в Англии?’ (из моей беседы с человеком, у которого итальянский — L2, а английский — L1) *.

* Первая из двух фраз состоит из смеси немецкого (So wir gehen essen) и французского (maintenant, n'est-ce que pas), вторая содержит итальянизмы (zucchini, Inghilterra) в английском контексте. (Прим. пер.)

5.5.2 Вербальное планирование

Психолингвистические исследования ясно указывают на то, что до реализации речи происходит кодирование семантического содержания предполагаемого высказывания посредством некоторого процесса вербального планирования и что соответствующие «куски» языка весьма тесно соотнесены в своей встречаемости с единицей *тоновая группа* [Halliday, 1967] (см. упоминания об этом в связи с коммуникативными каналами в 3.2.1.3) или *смысловая группа* [O'Connor and Arnold, 1961, 3] и редко превосходят по количеству слов «магическое» число 7 ± 2 [Miller, 1967]. Признаки процесса вербального кодирования в действии нетрудно увидеть в неуверенности, паузах, возвращении к сказанному и прочих подобных явлениях спонтанной речи [Goldman-Eisler, 1968, 127 сл.], позволяющих билингу переключаться в своих высказываниях с языка на язык даже, как было указано, в пределах одного и того же «куска».

Мы полагаем, таким образом, что вербальное планирование состоит, по существу, в соотнесении «значений» с кодовыми элементами и в кодировании последних в интегрированную форму в качестве «сообщения». Если основываться на этом, то билингв имеет, по крайней мере в принципе, две или более лексических единиц, например, для выражения «того же самого» значения (ситуация является, конечно, гораздо более сложной, чем может показаться на основании этого убогого изложения; см. об этом выше в данной главе), или, напротив, в одном языке может отсутствовать лексическая единица для выражения некоторого конкретного значения, которое говорящий хочет передать. Приведенный выше пример с ребенком, рассказывающим по-итальянски о происшествии в английской школе, хорошо демонстрирует это явление: «слова-прослойки» вклиниваются, так сказать, между структурными элементами «другого языка» [Clupe, 1967, 84—95].

5.5.2.1 Слова-прослойки

Общей чертой двуязычной речи является определенная степень встречаемости лексики L2 в общем синтаксисе L1: ср. так называемый *frangiais*, столь взбудораживший пуристов во Франции, или массовое принятие английской лексики при определенных темах разговора в

странах «третьего мира», входящих в Британское Содружество; при этом L1 предоставляет семантически пустую конструкцию, несущую семантически наполненную лексику L2, например, *ek schoolmaster ko: Ti:n so: rupe Tankha: milTi: Thi:* ‘школьный учитель привык получать 300 рупий в месяц’ (примеры на хинди взяты из [Setlur, 1973]; ‘T’ означает ретрофлексное [tj]).

5.5.2.2 Слова-переключатели

Описанные выше слова-прослойки являются наиболее легкими для описания и, вероятно, наименее интересными в плане кодового переключения среди билингвов. Более занимательными представляются случаи, когда некоторый элемент вызывает переключение на другой язык — иногда только на два-три слова, иногда на весь остаток интеракции. Приведенный выше англо-итальянский пример демонстрирует это: лексическая единица *zucchini* репрезентирует понятие овоща, для которого говорящий не нашел английского слова, не зная в тот момент, что английским эквивалентом *zucchini* будет *courgettes* ‘кабачки’. Ожидаемое высказывание могло бы, следовательно, иметь такую форму: “*Can one buy zucchini in England?*” — с весьма ординарным примером «заимствования». Но в данном случае *zucchini* появляется не как предвидимое «слово-прослойка», а как переключатель, который вызывает завершение высказывания по-итальянски, чему содействует тот факт, что *in*, хотя и произносится несколько иначе, является общим по форме и значению в обоих языках.

Можно предложить два типа переключения — предваряющее и последующее, в зависимости от того, предшествует ли этот эффект слову-переключателю или следует за ним.

Предваряющее переключение подобно регрессивной ассимиляции, ср. произношение слова *absurd* ‘абсурд’ как /эп’sz:d/, где элемент /s/ оказывает влияние на часть высказывания, предшествующую ему, вызывая в данном случае оглушение /b/; подобным образом английский элемент может переключить более раннюю часть высказывания на английский язык, хотя весь речевой акт в целом реализуется, в сущности, на хинди, ср. *To: wo: hoard of whiskey* *To: Tumarre ghar m he* ‘Занес виски припрятан в вашем доме’, где единица *whiskey* вполне могла бы ожидаться как заимствование и появляться в

качестве «слова-прослойки», но здесь она переключает предшествующую пару слов на английский, несмотря на существование в хинди постпозиционируемого *ka* для *of* и лексической единицы *jatak* для *hoard*.

Последующее переключение представляет собой обратное явление, подобное прогрессивной ассимиляции (ср. произношение слова *absurd* как /əb'zɜ:d/; в этом случае слово-переключатель воздействует на элементы, следующие за ним, например, ...sa:th rupe, *it's too much* '...шесть рупий, это слишком много', где звуковое сходство между хинди и английским словом 'рупия', по-видимому, вызывает переключение оставшейся части высказывания на английский.

Естественно, имеются определенные проблемы, связанные с выяснением мотивации переключения (обнаружение самого слова-переключателя — задача отнюдь не из легких), особенно в тех случаях, когда причина является не лексической, а синтаксической, ср. "Oui. Vous êtes absolument *right*". 'Да. Вы абсолютно *правы*'; в этом высказывании (лично засвидетельствованном) носитель французского языка (L1) с солидным знанием английского отвечает носителю английского языка, который, как он знает, также говорит по-французски. Здесь механизм переключения представляет значительный интерес, поскольку имеет синтаксический характер. Если предполагается сообщение "Yes. You are absolutely *right*", то нет никакого способа породить грамматичное французское предложение с использованием *être* 'быть', так как дополнение *raison* 'разумный довод' [смысловой, хотя и не грамматический эквивалент английского *right* 'правый' — прим. пер.] требует глагола *avoir* 'иметь'. Поэтому у говорящего есть два пути решения этой дилеммы: он может либо начать высказывание заново — Oui. Vous avez..., либо найти лексическую единицу, которая будет действовать как дополнение к *être*. В данном случае была выбрана вторая альтернатива, и — что интересно — *right* трактуется говорящим как французская лексическая единица, произносимая им с французским увулярным 'г' [ʁ].

Почему билингвы не противятся такому переключению? Многие, в сущности, делают это, но в коллективах, где в привычном употреблении большинством населения имеется более одного языка, такое переключение является само собой разумеющимся, так как, по словам Э. Хаугена, «...они привыкли видеть перед собой двуязычных говорящих и знают, что, каким бы языком они ни восполь-

зовались, их поймут» (цитируется по [Rayfield, 1970, 54]), а помимо того, что попытки перевода прямых цитаций, например, просто бессмысленны (кого в Англии заботит перевод французской части фразы *President de Gaulle cried "Vive la France!"* 'Президент де Голль воскликнул: «Да здравствует Франция!»?'), переключение может функционировать как стилистический прием. Отсюда фишмановское «метафорическое переключение» [Fishman, 1970, 44] и функциональная идентичность билингвального языкового переключения и монолингвального регистрового или диалектного переключения. Переключение этого вида, следовательно, имеет риторическую функцию, служащую для «...подчеркивания утверждения и придания речи оттенков» [Rayfield, op. cit., 56], возможно, путем повторения утверждения на двух языках (*I'll never do it, jamais* 'Я никогда не сделаю этого' [англ.], никогда [фр.]), высказывания замечаний в скобках или введения в разговор табуированных слов и тем.

5.5.3 Резюме

Если считать, что билингвизм есть особый случай более широкого явления стилистической вариации, то переключение между языками должно рассматриваться как отличающееся лишь по степени от переключения внутри одного языка, и действительно, в коллективах, где большинство говорящих двуязычно, понятие «разные языки» выглядит мало оправданным — разве что в смысле «разные стили». Следовательно, в правилах выбора языка можно увидеть действие в точности тех же параметров, которые появляются при попытке соотнести монолингвальный выбор языковых элементов с ситуативными факторами преимущественно социологического характера.

Особенно интересна в случае билингвизма психолингвистическая проблема, возникающая при попытке объяснения того, как такой индивид сохраняет раздельными свои языки и как этот механизм иногда временно отключается или подавляется. Первые подходы к ответу на эти вопросы как будто заставляют признать решающее влияние вербального планирования и регрессивного или прогрессивного влияния, оказываемого лексической единицей, а также, несомненно, синтаксической структурой, хотя это труднее заметить, на соседние элементы, — влияния, которое может «переключить» целый сегмент интеракции с одного языка на другой. Что наиболее замеча-

тельно в этих явлениях — это то, что такие переключения часто происходят вне сознания участников и позже ими не припоминаются; этот факт должен заставить нас вновь усомниться в предположении о монолитной языковой структуре, из которого следует представление о языках как о дискретных образованиях, разделенных четкими границами.

5.6 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эта глава началась с некоторых соображений по поводу двуязычного индивида и закончилась той же темой, но с довольно отличной точки зрения, причем в промежутке был дан обзор отношений между билингвизмом и бикультуризмом и проблемы языковых вариаций, сливающихся в континууме типов, между которыми невозможно провести никакого четкого разграничения. Теперь мы готовы вплотную заняться критическим анализом предположения о том, что понятия «язык», «диалект», «местный язык» и т. п. представляют собой определяемые сущности, чьи характеристики могут быть перечислены, а для этого нам потребуется некоторая типология, что и составляет цель следующей главы.

Языковые типы: формальные и функциональные типологии

В предыдущей главе мы рассмотрели основанное на кодовом переключении поведение тех индивидов, чьи коды обычно называются «различными языками», и указали, что в предпочтительном выборе одного из кодов может заключаться какое-то социальное значение. В этой главе мы рассмотрим одно из понятий, связанных с переключением кодов между языками, несколько подробнее и остановимся на языковых типах, для которых осуществим упомянутый выбор. Следующая глава будет посвящена изучению функций языка в широком плане на уровне государства как введение в проблематику языкового планирования.

Крайней точкой зрения на язык может быть мнение, что каждый отдельный индивид использует автономный код, отличный от кода другого человека; и хотя в абсолютном смысле это верно, данное положение имеет малую ценность как средство объяснения форм и функций языка. Было бы более полезным принять тезис, что некоторые коды похожи друг на друга в используемых ими формах или социальных функциях, выполняемых ими, и в статусе, приобретаемом ими в результате выполнения этих функций. Это позволит нам выделить типы языков по двум параметрам — формальному и функциональному, т. е. построить формальную лингвистическую и функциональную социолингвистическую типологии.

6.1 ФОРМАЛЬНЫЕ ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВ

Сравнение языков не в плане их исторических предков (что было громадным достижением науки XIX века), а по подобию их структур, т. е., говоря в традиционных терминах, их фонетики, фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики, стало приобретать серьезный характер в конце

XVII века и привело к выработке ряда понятий, которые можно использовать для построения трех или четырех широких структурных типов, под которые в большей или меньшей степени будет подходить каждый отдельный язык; таким образом, ни один язык не покрывается исключительно одним типом в чистом его виде.

Во внутреннем структурировании языков можно выделить две основные системы: 1) *анализ*, при котором единицы состоят, в основном, из свободных морфем, т. е. могут функционировать в качестве слов без добавления какого-либо аффикса, как например, в китайском и вьетнамском, где слово является неизменяемым и односложным, и 2) *синтез*, при котором единицы имеют тенденцию быть связанными морфемами, т. е. неспособны по отдельности выступать в качестве слов, например, в классическом греческом, латинском, в славянских языках, в турецком.

Здесь может оказаться полезным пример из английского языка, где обнаруживаются и аналитические, и синтетические структуры. Большинство английских лексических единиц аналитично: eat 'есть', dog 'собака', bad 'плохой', fast 'быстрый', но язык использует процессы синтеза для обозначения времени, множественности, степеней сравнения и т. д.: ate 'ел', dogs 'собаки', worse 'худший', fastest 'самый быстрый' и т. д. Некоторые единицы состоят исключительно из связанных морфем, например, retain 'удерживать', deceive 'обманывать', institution 'учреждение', поскольку нет отдельных слов 'tain' или 'ceive' и т. д.

Синтетические процессы выступают в трех главных подсистемах: агглютинация, флексия (или фузия) и инкорпорация, каждая из которых иллюстрируется ниже.

1. *Агглютинация*. Типичной для данного структурного типа является форма: неизменяемый корень + аффиксы, ср. в турецком корень + суффикс + суффикс в evlerimizde 'в наших домах', ('дом' + мн. ч. + 'мой' + мн. ч. + 'в' = ev + ler + im + iz + de) или в суахили: префикс + префикс... + корень в anamataka 'он хочет его' ('он' + наст. вр. + 'его' + 'хотеть' = a + na + m + taka). Агглютинация довольно распространена в английском, например, «корень» reason 'рассуждать' можно значительно расширить добавлением аффиксов, которые изменяют как значение, так и формальную классную принадлежность слова: un-reason-able-ness 'безрассудство'.

2. *Флексия.* В противоположность вышеупомянутым агглютинативным структурам, флективные структуры позволяют не только добавлять аффиксы, но изменять и самый корень до такой степени, что корень и аффикс сливаются, например, арабское k—t—b имеет некоторое общее значение 'книга', 'чтение', 'писать', но, используя различные типы аффиксов — префиксы, инфиксы, суффиксы — и изменяя сам корень, можно получить широкий набор точных значений, например, jiktib 'он пишет', tiktib 'она пишет', ʔaktib 'я пишу' и т. д. Такие структуры весьма типичны для семитских языков, но не только для них. Примеры можно найти и в английском: wege явно содержит «синтаксическую информацию» be+прошедшее время+мн. число, так же как was содержит be+прошедшее время+единств. число, но в принципе почти невозможно установить, какие элементы представляют собой *be*, какие — *прошедшее время* и какие — *число*.

3. *Инкорпорация.* Два описанных выше процесса иллюстрируют фузию на уровне отдельных лексических компонентов и более крупных лексических единиц; это движение достигает высшей точки в голофрастическом «предложении из одного слова» инкорпорированных или полисинтетических языков, которые, как указывает Р. Х. Робинс [Robins, 1964, 334], «отличаются от агглютинативного и фузионного типов тем, что доводят эти процессы до крайности и объединяют в едином грамматическом слове то, что в большинстве других языков распределяется между несколькими словами». Некоторые языки Нового Света дают примеры структур такого типа, например, нахуатль: qanivatcar'oanivinjgu 'пил ли я у дома?' = 'дом' + 'у' + прош. вр. + 'пить' + вопрос + 'я'.

Мы уже отметили, что ни один язык не является полностью изолирующим или агглютинативным и т. п. по своей структуре, но будет верным сказать, что языки обычно склоняются преимущественно к тому или иному процессу; английский язык в основе своей аналитический, но использует синтетические процессы агглютизации и флексии. Кроме того, языковые изменения, как кажется, в общем идут в направлении анализа, т. е. к утрате аффиксов и созданию неизменяемых и часто односложных лексических единиц; эту тенденцию можно наблюдать при диахронических исследованиях языковых изменений в течение продолжительных периодов времени (ср. постоянно уменьшающуюся роль флексии в современных романских языках по сравнению с той ролью,

которую она играла в их общем предке — латыни), а также при пиджинизации языков (см. ниже 6.4).

Формальные типологии, которые могут быть выведены из сравнения языковых структур в плане вышеуказанных процессов, представляют определенный интерес; однако для наших целей они менее привлекательны, чем типология, которая подчеркивает не внутреннюю форму, а внешнюю социальную функцию языка, т. е. социолингвистическая типология, которая определяет с известной степенью точности такие термины, как «стандартный язык», «разговорный язык», «пиджин» и т. д. Обратимся именно к такой типологии.

6.2 ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВ

Базовыми предпосылками социолингвистической типологии являются положения о том, что «языки могут быть подразделены на типы на основе...атрибутов, обнаруживающих последовательную тенденцию влиять на социальные установки по отношению к ним» [Stewart, 1962, 17], и что эти атрибуты могут быть иерархизованы для получения «...рангов потенциального социального престижа» [ibid., 18]. Мы рассмотрим атрибуты, необходимые для определения социолингвистических процессов — пиджинизации и креолизации.

С 1962 года для определения социолингвистических типов были предложены три модели. Рассмотрим каждую из них, поскольку изменения, внесенные в первоначальные предложения, представляют некоторый интерес как показатель того, в каком направлении развивалась социолингвистическая мысль в течение последнего десятилетия.

6.2.1 Модель 1: Стюарт, 1962

У. Стюарт предложил типологию, основанную на четырех атрибутах — стандартизации, жизненности, историчности и гомогенетичности, с помощью которых могут быть выделены семь социолингвистически определяемых языковых типов. Эти четыре атрибута заслуживают более детального рассмотрения, так как они составляют основу, оставшуюся без изменений или пересмотренную и расширенную, всех последующих улучшений, внесенных в данную модель.

1. *Стандартизация*: имеет или не имеет язык установ-

ленный набор кодифицированных норм, которые приняты данным речевым коллективом и представляют собой основу формального обучения данному языку, будь то L1 или L2. Об этом признаке уже говорилось при обсуждении «норм» употребления (см. 4.1); важно, однако, уяснить, что кодификация не только должна иметь место, но и быть признанной, чтобы можно было назвать язык стандартизованным. Поэтому существование грамматик и словарей является необходимым, но не достаточным условием стандартизации. В конце концов, имеются лингвистические описания многих языков мира, однако без признания их самими говорящими и без использования их в качестве арбитров в нормативном преподавании подобные условия не вносят ощутимого изменения в классификацию существующих нестандартизованных языков. Естественно, что стандартизация, будучи характеристикой, скорее накладываемой на язык, нежели внутренне ему присущей, может произойти в любое время, ср. создание национального языка Индонезии (Bahasa Indonesia) в результате процесса стандартизации существующего нестандартизованного варианта малайского языка (Bazaar Malay), пиджина по происхождению.

2. *Жизненность*: обладает или нет язык живым коллективом его исконных носителей (см. указанное в 5.1 различие между L1 и L2). Здесь также могут происходить изменения. Язык может утратить свою жизненность, когда коллектив, для которого он был языком L1, вымирает, ср. недавнюю «смерть» гаэльского языка на острове Мэн (Мэнкс); напротив, какой-нибудь классический древний язык (например, иврит) или пиджин типа неомеланезийского может приобрести коллектив носителей, для которых он становится родным, и стать (в случае с ивритом) стандартным языком, либо (в случае с пиджином) — креольским языком.

3. *Историчность*: развивается ли язык в результате его использования какой-либо этнической или социальной группой. Обладание этим атрибутом четко отличает языки L1 от L2 и, особенно, от искусственных языков, созданных ad hoc. Однако, хотя пиджин и является в этом смысле искусственным языком, он развивался во времени, будучи используем социальными группами, для которых он не является языком L1, но функционирует в качестве лингва франка, так что в данном случае различие не столь очевидное, как может показаться с первого взгляда.

4. *Гомогенетичность*: выводимы ли основные черты грамматической системы и лексики из тех же самых предшествующих стадий развития языка. Можно убедиться, что, хотя многие, а то и большинство языков мира гомогенетичны (например, французский развился из народной латыни), некоторые таковыми не являются и что примеры «смешанных» языков отнюдь не ограничиваются нестандартизованными разновидностями (например, пиджинами и креольскими языками), а включают такие стандартные языки, как суахили, мальтийский и даже английский, с его по существу германской грамматикой, выводимой из древнеанглийского, и смешанной германо-романской лексикой.

РИС. 6.1 *Социолингвистическая типология 1*

АТТРИБУТЫ				ТИПЫ ЯЗЫКОВ	ПРИМЕРЫ
1	2	3	4		
+	+	+	±	Стандартный	Литературный английский
+	—	+	+	Классический	Латинский
—	+	+	+	Местный	Разговорный арабский
—	+	+	—	Креольский	Крио
—	—	—	—	Пиджин	Неомеланезийский
+	—	—	±	Искусственный	Эсперанто
—	—	+	±	Маргинальный	«Домашние языки»

Примечание: + обладание атрибутом
 — отсутствие атрибута
 ± или +, или —

6.2.2 Модель 2: Стюарт, 1968

Первая модель порождала ряд проблем, например, она не позволяла отличать «местный язык» (vernacular) от «диалекта» и тем самым помещала большинство «племенных» языков Азии, Африки и Америки на том же социолингвистическом уровне, что и географические и социальные диалекты стандартных языков мира, например,

гонди классифицировался вместе с «кокни» или новогреческой демотикой; в этой модели подчеркивался признак гомогенетичности, который неизбежно сводится к степени ее проявления. Все это привело к тому, что была предложена пересмотренная модель, в которой атрибут гомогенетичности был заменен новым атрибутом «автономность» [Stewart, 1968].

1. *Стандартизация*: см. выше.

2. *Жизненность*: см. выше.

3. *Историчность*: см. выше.

4. *Автономность*: воспринимается ли язык его носителями как отличный от других языков или вариантов. Очевидно, что, когда имеются существенные структурные различия между двумя языковыми образованиями, например, между французским и английским, нет никакого сомнения в автономности этих двух систем (проблемы, связанные с «переключением кодов», вызывают, однако, некоторые сомнения в абсолютной истинности этого утверждения; см. 5.1.2). Но в том случае, если налицо существенные структурные сходства, как например, между литературным английским и его региональными и социальными диалектами или же между английским языком метрополии и его пиджинизированными и креолизированными вариантами, могут возникнуть споры между теми, кто признает, и теми, кто отрицает автономность «низшего» варианта (см. 6.3.3 и 5.3 о «диглоссии»).

РИС. 6.2 Социолингвистическая типология 2

АТРИБУТЫ				ТИП ЯЗЫКА	ПРИМЕР
1	2	3	4		
+	+	+	+	Стандартный	Литературный английский
+	—	+	+	Классический	Латинский
—	+	+	+	Местный	Разговорный араб- ский
—	+	+	—	Диалектный	Кокни
—	+	±	—	Креольский	Крио
—	—	—	—	Пиджин	Неомеланезийский
+	—	—	+	Искусственный	Эсперанто

6.2.3 Модель 3: Хаймс, 1971

Хотя модель 2 явилась очевидным прогрессом по сравнению с моделью 1, при ее использовании также возникли некоторые трудности. Субъективный характер категории «автономность», предполагаемая возможность частичной стандартизации (т. е. наличие кодификации, но непризнанность ее носителями языка) и частичной историчности,— все это стирало четкие границы между выделяемыми типами. Кроме того, понятие «маргинального языка», ныне не принимаемое в расчет, казалось прежде полезным в качестве общего термина, охватывающего несколько нелитературных, но реально системных вариантов языка в диапазоне от «языка для общения с детьми» (baby-talk), «языка для общения с иностранцем» (foreigner-talk) до некоторых разновидностей L2 типа «Х-ированный язык Y» и «интер-языки» лица, изучающего второй язык. Поэтому предлагается (на основе Fishman, 1971 и Hymes, 1971) ввести три новых атрибута — редукция, смешение и фактические нормы, а также пересмотреть определение атрибута «историчность».

1. *Стандартизация*: см. выше.

2. *Жизненность*: см. выше.

3. *Историчность*: озабочен ли языковой коллектив тем, чтобы найти для своего языка «...«респектабельных» предков в далеком прошлом», что приводит к попыткам «...создавать и культивировать мифы и родословные, касающиеся происхождения и развития их литературных разновидностей» [Fishman, 1971, 230].

4. *Автономность*: см. выше.

5. *Редукция*: использует ли данный тип языка меньший набор структурных отношений и единиц в своем синтаксисе и фонологии и меньшую по объему лексику, чем некоторые родственные разновидности того же языка.

6. *Смешение*: состоит ли язык в основном из единиц и структур, не выводимых из иного источника, лежащего вне его. Таким образом, это в некотором смысле модифицированный вариант понятия «гомогенетичности», которое было впервые введено в модели 1. Если в высшей степени маловероятно, что существуют вполне «чистые» языки, все же кажется полезным принимать во внимание тот факт, что некоторые языки в разное время своей эволюции более или менее охотно «заимствовали» из других.

7. *Фактические нормы* (нормы de facto): имеет ли

язык нормы употребления, хотя бы и некодифицированные, но принимаемые языковым коллективом. Простой проверкой того, существуют ли нормы такого типа, была бы попытка обнаружить, имеются ли лица, которые, по мнению коллектива, «говорят хорошо», т. е. лица, чья компетенция может быть использована как контрольный стандарт и которые тем самым могут выступать в качестве учителей языка.

РИС. 6.3 Социолингвистическая типология 3

АТТРИБУТЫ							ТИП ЯЗЫКА	ПРИМЕР
1	2	3	4	5	6	7		
+	+	+	+	—	±	+	Стандарт- ный	Литературный англ- ийский
+	—	+	+	—		+	Классичес- кий	Язык библии коро- ля Якова I
—	+	—	+	—	—	+	Местный	“Black English” (язык негров США)
—	+	—	—	—	—	+	Диалектный	Кокни
—	+	—	—	+	+	+	Креольский	Крио
—	—	—	—	+	+	+	Пиджин	Неомеланезийский
+	—	—	+	+	—	+	Искусствен- ный	“Basic English Y”
—	—	—	±	—	+	?	«X-ирован- ный Y»	«Индийский английс- кий»
—	—	—	—	+	+	—	Интер-язык	«Английский язык лица А»
—	—	—	—	+	±	—	«Язык для иностранцев	«Упрощенный англ- ийский лица В»

Примечание: + наличие атрибута
 — отсутствие атрибута
 ± или +, или—
 ? сведения недостаточны

6.2.4 Резюме

Мы рассматривали типологии, иллюстрирующие различия не во внутренней форме и структуре кодов, а в их социолингвистических атрибутах, которые оказывают воздей-

ствие на социальное отношение к ним и на те социальные функции, которые каждый из них может исполнять. Вновь следует подчеркнуть, что приведенная рубрикация неизбежно оказывается произвольной (ибо отношение в любом случае крайне трудно измерить) и что каждый индивид или группа часто приписывает коду те свойства, наличие которых у него отрицается другими. Однако несмотря на это, мы попытаемся ниже продемонстрировать представленные ранее десять языковых типов на примере распространенных по всему миру разновидностей «английского языка».

6.3 ДИАПАЗОН РАЗНОВИДНОСТЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

По-видимому, английский язык дает примеры всех десяти разновидностей, представленных на рис. 6.3. Поэтому представляется полезным подробнее остановиться на этих десяти типах и привести примеры на них из английского языка в различных районах мира. Но прежде необходимо еще раз подчеркнуть, что все эти рубрики (как и любое шкалирование) произвольны, что в настоящее время статус некоторых разновидностей английского языка вызывает серьезные споры и что этот факт в значительной мере обусловлен разногласиями в вопросе о наличии или отсутствии вышеупомянутых атрибутов. Нужно также признать, что не только формальные характеристики, но и функциональный статус языка или его разновидности могут весьма быстро изменяться при наличии социальной мотивации изменений. Такие планируемые изменения являются центральным вопросом важнейшей темы макросоциолингвистики — языкового планирования (см. 7.3).

6.3.1 *Литературный английский язык*

Литературный английский можно определить (см. рис. 6.3) как стандартизованную разновидность английского языка, которая 1) имеет коллектив ее исконных носителей, заинтересованных в том, чтобы их язык имел респектабельную историю, 2) обладает автономностью, 3) нередуцирована, 4) является результатом некоторого смещения и, естественно, 5) имеет нормы *de facto*, поскольку имеет и нормы *de jure* как стандартизованный язык.

Нормы употребления литературного английского языка (кодифицированность грамматических, лексических и в несколько меньшей степени фонологических правил), свойственные господствующим социально-экономическим группам в крупных общностях, говорящих на этом языке как на родном в Северной Америке, Великобритании, Центральной и Южной Африке и Австралии, характеризуются (как мы видели выше в главе 2) значительной общностью грамматики, лексики и даже риторики, наряду с высокой степенью терпимости по отношению к фонологической вариативности.

6.3.2 *Классический английский*

Поскольку имеются более древние разновидности английского языка, которые в функциональном плане отличаются от современного литературного только отсутствием жизненности, но обладают высоким статусом (ибо на них написаны «великие произведения» английской литературы и ведется публичное богослужение в официальной и свободной церквях), постольку представляется возможным допустить, что действительно существует тип (или типы) английского языка, который можно с полным основанием назвать «классическим». Последствия этого для преподавания английского языка за рубежом, где произведения «классических» авторов часто являются единственно приемлемым образцом для учащихся, имеют важное значение в качестве факторов, способствующих появлению «иксированных» вариантов английского языка среди обособленных речевых общностей, характеризующихся наличием L1 и L2.

6.3.3 *Местный английский*

Термин «местный» представляется наиболее неудовлетворительным ввиду множественности его определений (ср. также совершенно отличное использование этого термина у Лабова, см. 8.1.1.7). Самое распространенное определение предложено ЮНЕСКО: «...родной язык группы, которая находится под социальным или политическим господством другой группы, говорящей на ином языке...» [UNESCO, 1953, 46]; но это определение в основном юридическое, и наше определение, данное выше, отличает этот термин от «диалекта» только по наличию автономно-

сти у местного языка и ее отсутствию у диалекта. Возникает важный вопрос: «кто выдвигает требование автономности данной разновидности языка?»

6.3.4 Диалектный английский

Точно так же, как с понятием «местный» связан вопрос о том, какая из групп претендует на автономию, этот вопрос возникает и в связи с понятием «диалекта».

Было бы большим преимуществом, если бы сами диалектологи дали четкое определение этого термина, но даже последние работы показывают, что обычное определение диалектов как «...вариантных, но взаимопонятных форм одного языка, причем под *языком* подразумевается форма речи, в целом непонятная носителям других языков» [Wakelin, 1972, 1], все еще покоится на представлении о взаимопонятности и, к сожалению, не является достаточно точным для наших целей.

Не имеет также особого смысла перечислять «диалекты» английского языка, даже если бы это было выполнимо, поскольку предметом данной книги являются «диалекты» в самом широком смысле этого слова, или же, говоря проще и более ёмко — просто «лекты».

6.3.5 Креольский английский

Креольские языки имеют много общих черт с местными языками и диалектами, но отличаются от них по степени смешанности и редукции своих структур. По сравнению с языками, из которых они развились, креольские языки характеризуются массовыми «заимствованиями» (это относится к креольским на базе английского и некоторых языков Западной Африки) и «редукцией» в том смысле, что грамматика, фонология и лексика содержат меньшее число единиц и операций над ними, чем в любом из языков-доноров. Интересной чертой креолизованного английского (которая будет более детально рассмотрена в 6.4.2) является то, что, оказываясь в ситуации континуума по отношению к английскому языку метрополии, он быстро расширяет свою структуру и количество английских элементов в нем растет; движение в этом направлении должно закончиться переопределением (или требованием переопределения) этой разновидности скорее как диалекта, чем как креольского языка. Действительно, подобная эволюция влечет за собой отрицание автоном-

ности; но в дальнейшем, по обретении вариантом языка статуса диалекта, вновь становится актуальным требование автономности и статуса местного языка. Ситуация в бассейне Карибского моря дает впечатляющие примеры одновременного действия обоих процессов.

6.3.6 *Пиджин-инглиш*

Из рис. 6.3 видно, что фундаментальное различие между пиджинами и креолизированными языками состоит в отсутствии у первых признака жизненности: в отличие от креолизованного языка, у пиджина нет речевого коллектива, для которого он был бы языком L1, но у него, как и у креольских и других «естественных» разновидностей L2, имеются фактические нормы употребления. Хотя по происхождению пиджины представляют собой лингва франка типа L2, факт их использования социальными группами, особенно разнородными в языковом отношении обществами, где обычны экзогамные браки, может привести к росту детских L1-коллективов, для которых этот язык будет родным: пиджин становится креольским языком. Для пиджина также вполне возможен путь быстрого развития до статуса литературного языка при наличии достаточных социальных и политических условий, как это было в уже упоминавшемся случае с бахаса индонезия.

6.3.7 *Искусственный английский*

Искусственная разновидность языка, подобного пиджину, лишена и L1-коллектива, и историчности; как и в пиджине, в ней наблюдается значительная редукция, но, в отличие от пиджина, искусственный язык не только автономен, но обладает в высшей степени кодифицированными нормами употребления. Таково, во всяком случае, положение с Basic English [Ogden, 1934] с его радикально сжатым лексиконом — 850 единиц и с его тщательно кодифицированными учебниками и словарями. Бэйсик инглиш отличается от пиджина также в отношении смешения. В самом деле, больший удельный вес фразовых глаголов древнеанглийского происхождения за счет более длинных однокомпонентных глаголов романского происхождения делает бэйсик инглиш менее смешанным, чем литературный английский.

При его предполагаемом глобальном распространении бэйсик инглиш можно рассматривать как попытку нормализовать и кодифицировать создаваемые наудачу «языки для иностранцев», которые мы опишем ниже, и в этом отношении он резко контрастирует с искусственными «английскими языками», имеющими ограниченную функцию, как, например, условные языки диспетчеров воздушного транспорта и экипажей самолетов на международных трассах.

6.3.8 «Х-ированный» английский

Одной из интересных и малоизученных разновидностей языка является разновидность, возникающая в тех случаях, когда по той или иной причине исчезает стимул или возможность дальнейшего изучения языка у группы изучающих его. Возможен случай, когда ученики или учителя, или же и те и другие, решают, что достаточно эффективный для их коммуникативных целей код уже развился, и они готовы довольствоваться этим. Когда такое решение принимается еще в начале процесса обучения, возникает крайне редуцированная система — пиджин, но в тех случаях, когда окаменение наступает гораздо позже, результатом оказывается смешанная, но нередуцированная разновидность — «иксированный язык Y» [Hymes, 1971, 71]. Примером может служить индианизированный английский или, соответственно, англизированный хинди.

Х-ированный вариант языка может иметь или не иметь своих сторонников, заявляющих о его автономности; но если таковые имеются, то это утверждение неизбежно будет основываться на постулировании норм употребления *de facto*. Для поддержания его может быть сделана попытка создания норм *de jure*, т. е. кодификация норм употребления для данной разновидности языка на основе речевой практики некоторых социально-экономических или территориальных групп населения. Примером такой разновидности может служить «индийский английский» — «полный» вариант английского языка, содержащий элементы индийских языковых систем, см. [Bapsal, 1969]. В настоящее время по вопросу автономности вариантов английского языка ведутся широкие дебаты, вовлекающие как тех, кто замечает зарождающиеся «локальные английские языки» (которые «...преподают и санкционируются местным обычаем»), считая эти варианты со-

поставимыми с шотландским или австралийским английским и одинаково жизнестойкими в качестве «признанных и действенных форм мирового английского языка» [Peggen, 1965, 39], так и тех, кто отрицает самую возможность существования подобных разновидностей, называя даже предположение о таком явлении «вредоносной ересью» [Prator, 1968, 474].

Х-ированные разновидности английского, независимо от того, что утверждается об их автономности, являются, по-видимому, обычной чертой английского языка, равно как устойчивый и неустойчивый межъязыковой английский (см. ниже) типичен для ситуации, когда английский язык является иностранным (см. об этом разграничении 5.3).

6.3.9 *Межъязыковой английский*

Х-ированная разновидность языка находит свой коррелят в «интер-языке» скорее на микроуровне индивидуального употребления, нежели на макроуровне группового. Оба варианта не стандартизованы, у обоих отсутствуют признаки жизненности и историчности и присутствует признак смешанности, но «межъязыковой» английский, кроме того, отличается признаком редуцированности, подобно пиджинам и креольским, однако, в отличие от последних, у него отсутствуют даже фактические нормы употребления, и никто не будет утверждать наличие у него автономности. Естественно, у них есть некоторые нормы в том смысле, что они представляют собой деятельность, регулируемую некоторыми правилами, но эти нормы не являются общеизвестными и не осознаются даже самими носителями (см. 5.1.2.3 об анализе ошибок и [Corder, 1973]).

Синхронные описания языка не вскрывают одного решающего фактора: естественное состояние языка — это изменение, а не стабильность, и что касается понятия интер-языка, то принятие этого положения имеет решающее значение для различения относительно устойчивых и относительно неустойчивых разновидностей.

В отношении второго языка, например, в Индии, можно выделить две полярные разновидности «интер-языка»: устойчивую индивидуальную разновидность, оцениваемую на фоне зарождающихся норм «иксированного» английского языка данного ареала, и неустойчивые «ученические разновидности», представленные речью тех, кто

все еще продолжает усвоение этого языка как L2 и в чьей системе изменения — по-видимому, очень быстрые — по-прежнему имеют место (см. замечания об «анализе ошибок» в 5.1.2.3).

6.3.10 *Английский для иностранцев*

Имеются две намеренно идиосинкратические разновидности английского [Corder, 1971], используемые исконными его носителями и заслуживающие серьезного изучения со стороны социолингвистов: «английский для детей» и «английский для иностранцев» — в смысле «разговора с детьми и иностранцами» [Ferguson, 1971]. Эти разновидности совпадают по шести атрибутам из семи, приведенных выше; вполне возможно, что и седьмой атрибут — «смешанность» — также присущ им. Обе эти разновидности, а также ранее упомянутая категория «маргинального языка», создаваемого *ad hoc* в смешанных в языковом отношении судовых экипажах [Reinecke, 1959] или в среде европейцев в «развивающихся» странах при общении с местной прислугой, покоятся на предпосылке, что в «нормальном» языке имеются такие его фрагменты, которые «трудны» по существу и которые требуют редукции со стороны компетентного носителя языка. В типичном случае изменения сводятся к более медленному темпу речи, преувеличенной эмфатичности, повторению и т. д. Гипотетический пример «итальянского для иностранцев» приводится Холлом [Hall, 1964, 377] как пример пиджинизации: глаголы выступают в форме инфинитива, отсутствует согласование между существительными и прилагательными, между субъектом и предикатом и т. п. И хотя у нас мало оснований принять это предположение, сходство между основанными на европейских языках пиджинами и креольскими языками может частично объясняться молчаливым соглашением между носителями европейских языков относительно процедур, которым надо следовать при упрощении своих языков для целей кратковременной паллиативной коммуникации (см. об этом 6.4).

Еще одним любопытным аспектом этих языков-паллиативов является то, что они представляют собой по отношению к английскому его разновидности типа L2, используемые — по крайней мере, первоначально — только носителями L1 и формируемые на основе гипотез о характере изучения второго языка или, в случае «языка

для детей», гипотез о характере овладения родным языком. В любом случае такие разновидности языка заслуживают гораздо большего внимания, чем им до сих пор уделялось.

6.4 ПИДЖИНИЗАЦИЯ И КРЕОЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВ

Пиджины и креольские представляют собой замечательный пример способности социолингвистических процессов превращать имеющиеся языковые коды в удовлетворительное средство межгрупповой коммуникации и, в качестве таковых, являют собой «особый случай» того, что мы уже подробно рассматривали выше — явления «переключения кодов».

В терминах предложенной выше типологии пиджин и креольский язык идентичны, за исключением того, что креольский обладает жизненностью в отличие от пиджинов, т. е. у креольского есть коллектив носителей, для которого он — L1, тогда как у пиджина такого коллектива нет: все носители пиджина — носители L2. Лишь наличие фактических норм употребления отличает его от «ученического интер-языка». Один кардинальный признак — редукция — объединяет пиджин и креольский с другими «контактными вариантами», которые возникли в ответ на потребность коммуникации между группами, лишенными общего языка; этот признак отличает их от разновидностей, имеющих более высокий статус: диалекта, местного языка, классического и литературного. Поэтому бесполезно подробнее рассмотреть процесс пиджинизации и вызываемые им языковые изменения.

6.4.1 Пиджинизация

При наличии «контактной ситуации», в которой две группы, не имеющие общего языка, желают общаться, кажется неизбежным появление какого-то импровизированного средства общения. Как минимум, такой код мог бы опираться на невербальные паралингвистические каналы — жесты, телодвижения и т. п. (см. выше 3.2), вначале несовершенные и ограниченные, но потенциально способные развиваться в относительно сложную и гибкую систему, как, например, у индейцев Великих Равнин в Северной Америке [Beals, 1965, 616]. Самый вероятный случай — это сочетание жестов и «разыгрывания» потребностей с часто повторяемыми элементами родного языка носителя, в со-

ответствии с условностями — явными или неявными — соответствующего «языка для иностранцев» (см. выше 6.3.10). Именно в связи с этим моментом высказываются различные точки зрения для объяснения того, почему пиджины возникают только в некоторых, а не во всех контактных ситуациях. Были предложены три основные гипотезы: «язык для детей», полигенез и моногенез. Рассмотрим их ниже.

6.4.1.1 Гипотеза «языка для детей»

Теория «языка для детей» исходит из того, что нормы «языка для иностранцев» становятся нормами обучения, т. е. обычными проблемами изучения языка, осложненными введением его отклоняющейся модели, которую учитель излагает учащимся. Этим может объясняться появление недолговечных «маргинальных» языков, но не факт возникновения пиджинов только в *некоторых* контактных ситуациях. Необъяснимым остается также, почему пиджины (и креольские языки), рассеянные по удаленным друг от друга районам и развившиеся из разных европейских и неевропейских языков, имеют так много общего в структуре, причем не только в лексике, но и в синтаксисе и фонологии. По сути дела, данная теория предполагает, что пиджинизированная разновидность языка есть в основе своей «застывший» или «окаменелый» интер-язык (см. 6.3.9 об интер-языках), который был принят в качестве средства общения для группового, а не индивидуального использования.

6.4.1.2 Полигенез

Если теория происхождения пиджинов из «языка для иностранцев» покоится главным образом на понятии «редукции» одного языка, то теория полигенеза базируется на понятии «смещения» двух или более языков. Грубо говоря, пиджин рассматривается как результат «смещения» систем первых языков (L1) двух коллективов, вследствие чего складывается новая гибридная система, состоящая из элементов обеих систем, но не являющаяся ни той, ни другой: в зоологических терминах пиджин — это мул! Против этого варианта теории полигенеза свидетельствуют исторические и современные данные. Пиджин и креольский вовсе не являются языками для общения путешественника с туземцем или хозяина со слугой; на-

против, эти языки служат *par excellence* средством общения новогвинейца с новогвинейцем, жителя Западной Африки с другим жителем Западной Африки, т. е. являются подлинно *туземными lingua franca*.

Для объяснения этого факта было выдвинуто предположение, что пиджин возникает не из смешения двух родных языков (L1), а из смешения двух или более интер-языков, базирующихся на разных, взаимно непонятных первых языках. В этом случае основа пиджина усматривается не в европейском L1, упрощенном первыми учителями, а в «промежуточной компетенции» тех лиц, которые некоторое время пребывали в контакте, а после прекращения контакта были вынуждены опираться на «свое знание языка до определенного момента», положив его в основу системы, т. е. полностью использовать редуцированный вариант L1 *как если бы* он был «полным».

6.4.1.3 Моногенез

Пересмотренный вариант теории полигенеза помогает учесть одно из возражений, выдвинутых ранее, однако не может ответить на другое. Как происходит, что пиджины и креольские языки различного происхождения так похожи друг на друга? Видимо, здесь замешан какой-то общий элемент. Сходство между западноафриканскими и карибскими языками могло бы объясняться общим для них наличием африканцев, но что означает «африканец» в данном контексте? Этот термин предполагает определенно меньшую гомогенетичность языка, чем термин «европеец», — другая половина «смеси». Жители Западной Африки, имевшие контакт с европейскими купцами и работорговцами, проживали на огромной территории, простирающейся от побережья на 2000 миль в глубь континента; на этой территории насчитываются сотни языков, представляющих несколько «языковых семей» (Greenberg, 1966, 173; карта А дает представление о сложности ситуации). Но даже при ином положении осталось бы непонятным, каким образом черты, общие для пиджинов «африканского происхождения», проявляются в питкернском или в неомеланезийском, для которых невозможно предположить какое-либо непосредственное африканское влияние.

Для этой дилеммы найдено решение, представляющее по существу модернизацию гипотезы «языка для иностранцев»: фундаментальные сходства возводятся к обще-

му европейскому источнику. Либо европейцы располагают общей техникой редукции языка при общении с иностранцами — что, видимо, невероятно, — либо пиджины и креольские языки, основанные на европейских, восходят к одному общему европейскому пиджину, принципы которого были позже восприняты путешествующими европейцами в качестве субстрата для системы, формируемой на базе их собственных родных языков. Имеются исторические и лингвистические свидетельства, подтверждающие мнение о том, что именно пиджинизированный португальский играл роль первоначального европейского контактного языка в эпоху «великих географических открытий» XVI, XVII и XVIII веков и что остальные европейцы, следуя по стопам португальцев, выучили этот пиджин и обновили его лексику (см. Cave, 1973, где делается попытка построить «генеалогическое древо», иллюстрирующее сказанное).

6.4.2 Креолизация

Обычно считается, что креолизация предполагает предварительную пиджинизацию [Hall, 1962], т. е. языковая система, ни для кого не являющаяся родной и функционирующая как чисто вспомогательное средство, становится — иногда довольно быстро — первым языком (L1) для некоторых индивидов. Но, как выразился Де Камп, «начало и конец этого цикла окутаны тайной» [De Camp, 1971, 349], и поэтому до сих пор уделялось мало внимания процессу, в результате которого пиджины становятся креольскими языками, стабилизируются или умирают.

Важнейший фактор креолизации существующего пиджина заключается, по-видимому, в росте общин, состоящих из семей, члены которых гетерогенны в языковом отношении. Типичным результатом миграции и урбанизации являются семьи, в которых родители не имеют иного общего языка, кроме пиджина. И если они не приложат сознательных усилий обучить ребенка своим родным языкам и не будут избегать говорить на пиджине в его присутствии, то более чем вероятно, что пиджин станет для ребенка первым языком (L1). Наличие других детей со сходным языковым воспитанием приводит к использованию пиджина как в доме, так и вне его. Именно его распространение в тех сферах, которые язык призван обслуживать, и представляет собой процесс «экспансии»,

в конечном счете превращающий креольский в «полный», а не в «редуцированный» язык, каким является пиджин. И действительно, носителю креольского языка, для которого последний является родным и у которого нет иного орудия самовыражения, ничего не остается, как превратить его в такое же точное и гибкое средство общения, как любой другой язык. Отмечаются лингвистические признаки расширения его функционального диапазона: по крайней мере, пополняется лексика — то ли путем «заимствований» извне, например, крио *ɛmɔlanke* ‘ручная тележка’ из йоруба [Jones, 1971, 90], то ли с использованием внутренних средств, ср. слово крио *wantwant* ‘честолюбие’, приведенное Деккером [Decker, 1965]. Грамматика также, видимо, усложняется в связи с необходимостью более точного выражения временных и пространственных отношений; обычно это проявляется в увеличении числа модальных глаголов, с одной стороны, и предлогов — с другой.

Как нам представляется, креольский язык может достигать нескольких стадий в своем развитии, каждая из которых может быть проиллюстрирована многими примерами.

1. Фактическая стабильность по отношению к другим языкам в коллективе, отражающаяся в малой степени языкового изменения или даже в полном его отсутствии, а также в незначительном расширении и сужении сфер использования. Четким примером этого является креольский на Гаити, где возникла своего рода диглоссия (см. 5.3) между «низким», «подчиненным» креольским и «высоким», «господствующим» литературным французским.

2. Наличие изменений, которые имеют или могут иметь своим результатом:

i) вытеснение креольского господствующим литературным языком. Это произошло в Нидерландской Вест-Индии с языком *Negerhollands* и происходит сейчас на островах у побережья штата Джорджия;

ii) превращение креольского в литературный язык. В настоящее время таково положение с *Bahasa* в Индонезии, а африкаанс, мальтийский и, как это утверждается, большинство романских языков после падения Римской империи могли иметь подобную историю;

iii) слияние креольского с господствующим языком. «Посткреольский континуум» [De Camp, 1971] в странах Карибского бассейна, входящих в состав Британского

Содружества Наций, представляет собой яркий пример этого, ср. ямайкский креольский и литературный английский язык.

6.4.3 Лингвистические характеристики пиджинов и креольских языков

Удивительной чертой пиджинов и креольских языков — чертой, присущей не только тем из них, у которых общие предки, — является та степень, до которой их языковые структуры редуцированы («упрощены») по сравнению с их «языками-родителями», именно в сторону аналитической, а не синтетической системы. Термин «упрощены» мы берем в кавычки по вполне понятным причинам: редукция приводит не к упрощению языка как коммуникативной системы, а, напротив, делает его более сложным, по крайней мере в случае креольских языков, поскольку редуцированная грамматика, фонология и лексика вынуждены нести такую же семантическую нагрузку, что и у «полных» языков, и поэтому каждая единица должна содержать большую «долю» значения.

Предположительно одним из сопутствующих эффектов смещения к чисто аналитической или изолирующей системе — ускорения языкового движения (*drift* Сэпира), свойственного, по-видимому, всем языкам во все времена, является возрастание роли грамматического тона; например, в крио (Сьерра-Леоне) различаются только с помощью тона 'большие глаза' и 'жадность', ср. соответственно *bíg yáí* (высокий тон — низкий тон) в противопоставлении *bíg yáí* (низкий — высокий); в ямайкском креольском модальное *saɪp* образует отрицательную форму главным образом тоновым противопоставлением: *im kuàp guo* 'он может идти' и *im kuáap guo* 'он не может идти'.

Другим результатом развития в сторону изолирующих структур является утрата морфологических элементов, различающих число и падеж в именах, местоимениях и прилагательных, видо-временные отношения в глаголе, с заменой их элементами, которые в «языках-родителях» обычно бывают независимыми лексическими единицами. Например, многие основанные на английском языке пиджины и креольские имеют элемент *dem* (исторически *them*) в качестве показателя множ. числа существительных — *di buk* 'книга' и *di buk dem* 'книги' — и даже в име-

нах собственных: Jan 'Джон' и Jan dem 'Джон и его друзья'.

Подводя итог, можно сказать, что пиджины и креольские языки кажутся упрощенными в сравнении с языками, от которых они произведены. Наблюдаются «значительные грамматические различия между структурами В и Н», а в лексике «В-единицы содержат фонемы, не обнаруживаемые в «чистых» Н-единицах»; имеются также «многочисленные пары единиц — одна В, другая — Н, — относящихся к весьма распространенным понятиям, которые часто используются в обоих стилях (В и Н), причем диапазон значения двух единиц примерно одинаков». Все эти цитаты из Ч. Фергюсона [Ferguson, 1959] относятся к ситуации диглоссии, в которой многие пиджины и креольские языки функционируют в качестве Н (см. выше 5.3).

6.4.4. Резюме

Пиджины и креольские языки могут рассматриваться как особый случай аккомодации, имеющей место в ситуациях, когда носители разных кодов вступают в контакт друг с другом, и как ускорение постоянно присущей языку тенденции к более широкому использованию аналитических структур, т. е. выражению отношений с помощью целых слов, а не аффиксов. С точки зрения социолингвистической типологии, креольские и пиджины находятся по обеим сторонам линии L1 — L2, обладая фактически нормами как разновидность L1, но будучи структурно редуцированными, подобно большинству разновидностей L2. Историческая лингвистика также может обнаружить в процессах пиджинизации и креолизации ключ к загадочно быстрым изменениям в языках, имевшим место в прошлом [Southworth, 1971]; это было бы еще одним примером того, как интересы социолингвистики приводят к стиранию дихотомии «синхрония — диахрония».

6.5 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы подошли к тому моменту, когда можно дать довольно точные определения по крайней мере десяти различных типов кодов как в терминах их языковых структур, так и в плане отношения к ним со стороны речевых коллективов. Семь параметров — стандартизация, жизненность, историчность, автономия, редукция, смешение

и фактические нормы употребления — представляются адекватными для спецификации признаков десяти типов, располагающихся в диапазоне от литературного языка до «языка для иностранцев» и включающих такие переходные типы, как пиджины, креольские, искусственные языки и т. д. Как станет ясно из следующей главы, при отсутствии обязательной корреляции между формальными структурными характеристиками языка и его социолингвистическим типом имеются явные указания на то, что социолингвистический тип оказывает мощное влияние на социальную функцию (и, несомненно, наоборот), а тем самым и на решающий макросоциолингвистический вопрос языкового планирования — выбор кода, осуществляемый не на индивидуальном или групповом уровне, а на уровне национальном и интернациональном.

Языковое планирование: языковые общности и политика

В этой главе мы намерены продолжить описание языкового употребления, обращая особое внимание на макроконтексты национальных и супранациональных коммуникативных потребностей, а также на избираемую правительством политику, которая определяет выбор того или иного языка. Мы рассмотрим контексты, цели, политику и типы языков, которые доступны правящей элите, в частности, развивающихся наций, поскольку именно в таких обществах наиболее выпукло вырисовывается ряд интересных лингвистических и социальных проблем и предпринимаются самые разнообразные попытки их разрешения. Закончим мы данную главу изложением понятия национальных социолингвистических профилей, которые в символической форме фиксируют языковые ситуации различных наций и, таким образом, дают возможность сопоставлять состояния, разделенные во времени и пространстве, представляя также доступные обобщению особенности языкового выбора и социальных функций на макроуровне социолингвистического описания.

7.1 ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКА В МНОГОЯЗЫЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Основной предпосылкой социолингвистики является то, что индивиды рассматриваются как члены социальных групп, в которых они исполняют социальные роли в различных областях, используя соответствующие виды поведения, некоторые из которых и являются языком. Фундаментальной темой исследования для социолингвиста становится, таким образом, обнаружение и разграничение групп и соотнесение составляющих их ролей с типичными языковыми выборами. К данной задаче, однако,

можно подходить с двух противоположных точек зрения: 1) анализируя использование языка отдельными индивидами или малыми группами в рамках интеракции, т. е. строя интрагрупповое описание (микроописание); или же, напротив, 2) изучая типичный языковой выбор групп как цельных совокупностей в их межгрупповой интеракции в контексте всего общества.

Когда языковой выбор включает в себя переключение кодов между языками, можно избрать два различных — микро- и макроподхода. Первый ставит в центр внимания двуязычного индивида, провоцируя вопрос о том, каким образом билингв может оперировать более чем одним языком, переключаясь с кода на код в рамках своего кодового репертуара (см. об этом 4.2.2). Второй подход, ориентированный на группу, связан с обнаружением того, как язык используется для поддержания и для создания социальной дистанции или кооперирования, как некая элита устанавливает контроль над политической машиной государства или уступает его иной элите. Коротко говоря, данная глава, как и глава 5, посвящена двуязычию, но в его макро-, а не микроаспекте. С этой точки зрения следует ожидать, что проблемы употребления языка в столь широком контексте будут коррелировать не с поведенческими, а с социальными науками — с теориями экономистов, историков, педагогов и политологов, и социолингвисту придется доказать им, так же как и психологам, что сфера его интересов и знаний имеет самое непосредственное отношение к той области, где представители социальных наук являются признанными экспертами.

Мы начнем с рассмотрения социальных контекстов, в которых осуществляется языковое планирование, но сначала надо выяснить один терминологический вопрос, возникающий в связи с двусмысленностью термина «двуязычие» («билингвизм»); этот термин должен получить однозначное толкование, чтобы было ясным дальнейшее обсуждение.

«Билингвизм» относится к использованию более чем одного языка как индивидом, так и группой или нацией, т. е. этот термин совмещает в себе микро- и макроаспекты многоязычия. Привлекательным выглядит предложенное Клоссом [Kloss, 1968] остроумное решение, которым мы здесь и воспользуемся.

Микроуровень: индивидуальные явления могут обозначаться при помощи соответствующих терминов с ла-

тинской основой, например, билингвальные/мультилингвальные индивиды, билингвы, билингвизм и т. д.

Макроуровень: групповые явления, напротив, можно передавать с помощью эквивалентной терминологии на греческой основе, например, моноглоссные, диглоссные, полиглоссные группы, нации, государства, федерации и т. д.

Пример. Бельгиец в Брюсселе в течение одного дня может использовать два различных языка — нидерландский и французский — и может быть назван поэтому *билингвом*. Его языковое поведение, по-видимому, будет тесно связано с осью «власть — солидарность»: французский функционирует как язык власти в публичных, официальных ситуациях, в общении с иностранцами, а нидерландский — дома, в неформальных ситуациях, с друзьями; поэтому общество, в котором он живет, является *полиглоссным* в том смысле, что в общем употреблении имеется более одного языка (оставляем в стороне социальную функцию) в пределах одного государства (см. выше 5.3 об отличном понятии *диглоссии*).

Далее мы рассмотрим использование языка в полиглоссных государствах, некоторые из которых являются также диглоссными; во всех имеется к тому же большое число двуязычных индивидов.

7.1.1 Языковая гомогенетичность и гетерогенетичность

Хотя в абсолютном смысле не существует лингвистически однородной социальной группы или нации, поскольку все индивиды оперируют наборами кодов, в некоторых отношениях отличных от используемых другими индивидами, с практической точки зрения удобно считать, что некоторые различия между кодами в представлении самих говорящих настолько велики, что называть эти коды «разными языками» вполне оправдано. Именно с этой позиции «здравого смысла» мы намереваемся подойти к проблеме языковой гетерогенетичности. Поэтому нами признается решающая роль в выборе языка — на уровне государства, а не индивида — трех ключевых факторов: общее число «разных языков» в государстве, процент носителей каждого из L1 по отношению к общему количеству населения и географическая и социально-экономическая ситуация каждого из этих языков.

7.1.1.1 *Общее число языков*

Мы немедленно сталкиваемся с серьезной проблемой, как только пытаемся подсчитать число «языков», ибо, как уже неоднократно было показано выше, различие между «языком», «диалектом» и «стилем» является скорее различием в степени, чем в качестве, и более основано на отношении к ним индивидов и групп, чем на каких-либо объективных критериях. Поэтому оценки даже для одного и того же ареала в одно и то же время могут варьировать весьма значительно; например, С. Вурм [Wurm, 1968, 345], комментируя языковую раздробленность в горных районах Новой Гвинеи, указывает, что «число встречаемых там разных языков может быть оценено как 48 или 26, в зависимости от того, какие лингвистические критерии были использованы для различения языков и диалектов». Многое зависит от того, достигнуто ли согласие по вопросу об автономности (см. выше 6.2.2). Такое согласие было одним из важных факторов, которые, например, привели к широкому признанию суахили в качестве *lingua franca* в Восточной Африке: танзанийцы и кенийцы согласились с тем, что многие локальные языки исторически близко родственны суахили, настолько близко, что некоторые считают их не более чем его диалектами. Напротив, наличие четкой границы между индоарийскими языками Северной Индии и дравидийскими языками Южной Индии может рассматриваться как одна из многих причин языковых споров на этом субконтиненте.

7.1.1.2 *Процент носителей L1 от общего числа населения*

Выбор национального языка (этот термин будет определен и рассмотрен ниже) может показаться с первого взгляда очень простым в том случае, когда имеется язык, на котором говорит большинство населения данного государства. Однако выбор такого языка, естественно, поставит его носителей (для которых он L1) в привилегированное положение, поскольку их родной язык будет языком правительства, власти и управления. Меньшинство в таком случае будет чувствовать себя ущемленным и вполне может заявить, что обретение независимости означало для них всего лишь перемену империалистических хозяев. Соответственно, вполне возможны попытки

меньшинства выйти из федерации и создать свое собственное независимое государство, в котором их родной язык стал бы национальным. Известны неудачные попытки такого рода на примере Биафры и удачные — при создании государства Бангладеш. Короче говоря, выбор языка большинства может — по крайней мере вначале — служить делу политического единства, но за счет единства культурного, и, возможно, поэтому иногда отдается предпочтение языку меньшинства.

Крайний случай, когда националистическое самознание привело к выбору местного языка с крохотным коллективом носителей его как L1, — национализм за счет «эффективности» — это Ирландская Республика, где ирландский (гаэльский) язык, чей коллектив исконных носителей не превышает 3% всего населения, был избран в качестве национального языка. Язык меньшинства может быть выбран и по другим соображениям, например, ввиду превосходства его как *lingua franca*, что наблюдается с урду в Пакистане, несмотря на тот факт, что он был L1 только для 7% населения страны и что родина его находится вне пределов государства, в Индии, в частности, в штате Уттар-Прадеш [Das Gupta, 1970, 124].

Индонезия также сделала подобный выбор: яванскому языку, на котором говорит 40% населения, был предпочтен бахаса индонесиа, основанный на пиджинизированной разновидности малайского языка и, следовательно, не имеющий, по определению, коллектива носителей его как L1. Данный выбор был особенно интересен с точки зрения социолингвистики, поскольку он отражает решение принять пиджин и приспособить его к использованию в качестве национального языка, т. е. превратить его в стандартный язык. Израиль принял подобное и, быть может, еще более поразительное решение, выбрав классический язык, неизбежно лишенный исконного речевого коллектива, за счет идиш, имевшего в 1961 году до 75% носителей его как L1 или L2.

7.1.1.3 Демографические факторы

Демографическое распределение языка, его размещение по социально-экономическим и географическим группам определенно должно оказывать значительное влияние на его выбор или отказ от него в качестве языка, имеющего в какой-то степени «официальный» статус. При прочих равных условиях, широко распространенный язык, L1

или предпочитаемый L2 авторитетной социальной или региональной группы будет иметь хорошие шансы быть принятым в качестве национального, особенно если он уже используется как *lingua franca* в данном государстве.

Однако реальное положение дел никогда не бывает столь простым. До сих пор мы не обращали внимания на вопрос, кто же имеет решающий голос в деле языкового планирования в развивающихся нациях (а циники заявят, что и в других также). Ответ будет гласить: *элита*.

Понятие элиты и ее отношение к социальному классу уже давно дебатруется в социологии, см. [Bottomore, 1962, 188—196], так что все, что нам здесь требуется, это принять операциональное определение, которое будет соответствовать нашим целям. Под элитой нами понимается группа «профессионалов» среди *milieux dirigeants* (правлящих кругов): «...крупные бизнесмены; ...ведущие интеллектуалы; ...политические лидеры; ...высшие государственные чиновники; ...высший командный состав армии; ...религиозные и светские руководители церкви; и ...деятели профсоюзных, фермерских и прочих влиятельных кругов» ([Lerner and Gordon, 1969, 77]: дефиниционный список французской элиты, выбранной для их исследования). Такая группа не обязательно выводится из какого-либо конкретного социального класса, и действительно, в демократическом обществе доступ к членству в элите свободен для тех, чьи достижения по части образования сочтены отвечающими требованиями. В общем, там, где есть равенство в возможностях получения образования, наблюдается широкая социальная мобильность, которая будет отражаться в растущей сложности отношений между социальными и социально-экономическими классами и между классом, статусом и элитой. Страны «третьего мира» переживают период быстрых изменений, выражающихся в повышенной мобильности, модернизации и урбанизации, которые, несомненно, окажут сильнейшее влияние и предъявят новые требования к языку, поскольку эволюция от относительно статичного общества к динамичному, заметная в росте массовой культуры, массового потребления и массовой политики (это понятие введено Лернером и Горденом, цит. соч., 17 и сл.), может быть осуществлена лишь в том случае, если гарантированы средства внутренней и внешней коммуникации. Ниже мы подробнее рассмотрим последствия этого для языкового планирования.

7.2 ЦЕЛИ

Решения по поводу языковой политики должны быть приняты в любом случае, независимо от того, принимают ли правящая элита все возрастающие требования народа об участии в управлении или же старается их подавить. Элита, стремящаяся удержать власть или расширить ее путем большей демократизации, обязательно потерпит неудачу, если у нее нет языковых средств для проведения своей политики. Государство должно 1) управляться эффективно и 2) давать своим гражданам ощущение «единомыслия», которое будет способствовать национальному единству; счастлива та нация, в которой один язык выполняет обе эти функции. Таковы две взаимосвязанные цели, которые мы и рассмотрим ниже.

7.2.1 Национализм и «странизм»

Было высказано предположение [Fishman, 1971], что страны, в особенности, но не исключительно «развивающиеся страны» «третьего мира», сталкиваются с необходимостью удовлетворения двух потенциально противоречивых потребностей — национализма и «странизма» (nationism), т. е. соответственно, социально-культурной и политической интеграции.

Национализм: «новая» нация начинает поиски своего собственного «этнического лица», когда она пытается преодолеть локальные, племенные, религиозные и прочие виды общинной лояльности, которая приходит в столкновение с лояльностью по отношению к государству. Практически говоря, для Индии необходимо, чтобы ее народы чувствовали себя сначала индийцами, а уже потом пенджабцами, тамилами, бенгальцами и т. д. Или же, если взять более близкий нам пример, Европейское экономическое сообщество должно стремиться, чтобы нации, составляющие его, чувствовали себя в первую очередь «европейцами», а уже потом британцами, французами или датчанами, см. [Bell, 1975]. Итак, национализм является макроаспектом того, что мы уже ранее рассматривали в контексте взаимодействия индивидов и малых групп, т. е. солидарности. На этом макроуровне национальная солидарность, как правило, выражается такими внешними атрибутами, как национальный флаг, гимн и, возможно, национальный язык; к этому вопросу мы вскоре вернемся.

«Странизм»: одновременно с потребностью достичь

подлинного единства народа правительство нового государства должно добиться оперативной эффективности: центральные и местные органы управления должны функционировать без чрезмерных проволочек и расточительства, граждане должны быть обеспечены услугами систем образования и здравоохранения, торговля и средства сообщения должны развиваться как внутри страны, так и с ее соседями, т. е. здесь выступает скорее власть, чем солидарность, и скорее интеграция на политическом, чем на социально-культурном уровне. Внешние атрибуты «странизма» можно видеть в государственной почте, телеграфе и телефоне, транспорте, народном образовании, финансах, юстиции и т. п. В обеспечении функционирования таких сложных систем и, следовательно, в достижении политической интеграции решающую роль играет национальный язык, служащий средством коммуникации между правительством и народом, а также между правительством и различными учреждениями вне данного государства.

А. Л. Кребер, говоря о различиях между нацией и национальностью, отметил, что «...в национальностях и этнических единствах язык всегда является фактором, и часто фундаментальным» [Kroeber, 1963, 36]. Мы увидим в дальнейшем, как это верно подмечено и как в действительности трудно достичь равновесия между выбором языка для целей национализма и «странизма». Однако прежде чем анализировать альтернативные политики в языковом планировании, возможные для «новых» наций, рассмотрим тот контекст, в пределах которого имеет место это планирование, т. е. языковой состав отдельных государств.

7.2.2 Национальные и официальные языки

В предыдущем изложении мы использовали термины «национальный» и «официальный» язык в довольно расплывчатом смысле, который теперь надо уточнить каким-либо определением. Это весьма нелегкая задача, ибо многие авторы, пишущие о языковом планировании, и большинство тех, кто непосредственно им занимается, склонны употреблять эти термины как фактические синонимы. Можно последовать за Фишманом [Fishman, 1971, 32] и сохранить термин «национальный язык» для кода (или кодов), выбранного для достижения цели национализма, в противоположность «официальному язы-

ку», который несет функцию «странизма». Конечно, в обеих частях Америки, частично в Азии и Африке, в большей части Европы национальный и официальный языки совпадают, например, английский в Великобритании, США, Австралазии, но в странах «третьего мира» гораздо более обычен выбор различных языков для этих двух ролей, примером чего служит весьма широкая гамма альтернативных политик; некоторые из них мы и рассмотрим ниже.

7.2.3 Эндо- и экзогlossия

Выше (7.1.1) мы рассматривали вопрос о степени языковой гетерогенетичности, обнаруживаемой у различных наций. Однако сама по себе гетерогенетичность вполне может быть менее важным фактором, чем источник языка (языков), выбранного государством в качестве национального или официального. Более плодотворным может оказаться такой подход, когда страны, в которых национальный, официальный или национально-официальный языки являются туземными, противопоставляются тем странам, где эти языки таковыми не являются. Очевидно, что «туземный» и «импортированный» не являются полностью взаимоисключающими (all-or-none) категориями, и поэтому их следует рассматривать как крайние точки уже знакомого нам «континуума». Используя антропологическую терминологию (*эндогамия* — *экзогамия*: [Beals and Hoijer, 1965, 480]), Г. Клосс предложил удачную пару терминов — *эндогlossный* и *экзогlossный*, чтобы отличать выбор туземного («внутреннего») от выбора нетуземного («внешнего») языка для выполнения какой-то определенной формальной функции. Принимая во внимание тот факт, что государство не обязательно должно быть целиком эндо- или экзогlossным по своему языковому составу и что цели и политики могут изменяться и действительно изменяются, мы должны быть готовы к обнаружению «смешанной» ситуации и признать наше описание синхронным в том классическом смысле этого слова, о котором говорилось выше (1.3.1), несмотря на то, что объектом описания является развивающаяся динамическая система, реагирующая на внешние стимулы и отчасти их порождающая. Нами выделяются три типа государства и приводятся примеры на каждый тип, в котором английский язык выполняет какую-либо ключевую функцию.

7.2.3.1 Эндогlossные государства

Наиболее «чистую» форму эндогlossии можно обнаружить в тех государствах, где национально-официальным языком (НОЯ) является родной язык подавляющего большинства населения и где единственные языковые проблемы — это проблемы, связанные с правами местных меньшинств и иммигрантов, а также тех, кто говорит на нестандартной разновидности НОЯ. Хороший пример в этом отношении представляет собой Великобритания: английский язык является НОЯ, но имеются местные языковые меньшинства, в частности, валлийцы и говорящие по-гаэльски шотландцы, иммигранты, выходцы из Восточной Европы, мигрирующие рабочие из Южной Европы, Азии и Карибского бассейна, а также издавна существующие социальные и региональные диалекты.

Другой тип эндогlossии наблюдается в тех государствах, где НОЯ — это L1 некоторого числа граждан, но не обязательно большинства, который принят на основании всеобщего согласия (например, английский в Либерии и Сьерра-Леоне) или же на основании согласия элиты, т. е. навязан, как в Родезии.

7.2.3.2 Экзогlossные государства

Типичным для бывших колоний Великобритании и Франции в Африке является выбор экзогlossного решения языковых проблем. Эти государства часто крайне разнородны с языковой точки зрения; имеется большое число нестандартных местных языков, обычно тесно связанных с особыми социальными, а часто и племенными группами, и, хотя некоторые племенные языки могут получить более широкое распространение в качестве *lingua franca* в определенном регионе или же во всем государстве, очень немногие из них приемлемы для целей современного управления. В такой ситуации обычным решением является сохранение языка бывших колонизаторов в качестве единственного НОЯ, но предоставление регионального официального статуса (РОЯ) одному или нескольким местным языкам; это наблюдается, например, в Гане, Нигерии, Уганде и т. д.

В отдельных случаях государство выбирает в качестве НОЯ два внешних языка: французский и английский в Камеруне или английский и африкаанс в Южной Африке. Однако такие решения редки и вытекают либо

из федерации двух бывших колоний (как в Камеруне), либо являются результатом существования двух значительных коллективов со своими L1, вместе составляющих меньшинство по отношению ко всему населению, но образующих элиту в том смысле, в каком мы употребили этот термин выше.

7.2.3.3 Смешанные государства

Между двумя полюсами эндо- и экзоглоссии находятся государства, которые частично эндоглоссны, частично экзоглоссны и в которых национальная и официальная функции разделены между местным и неместным языками. Чаще всего такая ситуация характерна для азиатских стран Британского Содружества Наций, в такой же мере как экзоглоссия типична для африканских стран, входящих в это Содружество. Особенно четкий пример — это Индия, которая наглядно иллюстрирует экстраординарные проблемы, проистекающие из такого решения: хинди в качестве НОЯ, английский — вспомогательный ОЯ и четырнадцать местных языков РОЯ в конкретных штатах Индийского Союза. Нам придется подробнее рассмотреть основания для такого решения и его воздействие на индийское общество (см. 7.4.2), но прежде мы сделаем обзор возможных типов решений в языковом планировании и соотнесем их с обсуждавшимися нами факторами.

7.3 ТИПЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Было предложено различать три основных типа языковой политики, обозначаемых соответственно А, В и С [Fishman, 1971]. Все они так или иначе связаны с понятием «Великой традиции» (Great Tradition) и его отношением к двум неразделимым целям национализма и странизма. Поэтому, прежде чем рассматривать три типа политики, представляется целесообразным остановиться на понятии «Великая традиция» и его влиянии на решения национальных правительств в области планирования.

По Фишману [Fishman, 1971], «Великая традиция» может быть определена в терминах предполагаемого существования набора культурных признаков — права, правительства, религии, истории, который является общим для всей нации и способствует интеграции граждан государства в сплоченную массу. Такая «Великая тра-

дичия» почти наверняка имеет в качестве одного из своих проявлений и основного средства своего выражения язык (а зачастую также литературу — возможно, чисто устную), который вследствие этого может рекомендоваться в качестве подходящего выбора для НЯ или ОЯ. По существу, мы уже касались этого при рассмотрении понятия историчности: забота языковых коллективов о том, чтобы найти для своих языков «респектабельную» родословную и создавать и культивировать мифы и генеалогии по поводу происхождения и развития их литературных разновидностей (слова Фишмана, уже цитировавшиеся в 6.2.3), — главная определяющая характеристика литературных и классических языков, которая выделяет их из всех других разновидностей, как они определены в социолингвистической типологии, предложенной выше (см. рис. 6.3).

7.3.1 *Тип А*

В том случае, если элита приходит к выводу об отсутствии «Великой традиции», на которую можно опереться с целью объединения нации, языковая политика скорее всего будет направлена на создание экzogлоссного государства путем принятия в качестве НОЯ языка бывших правителей. Такая ориентация подразумевает признание более ценным достижение оперативной эффективности, т. е. «странизма», чем этнической аутентичности, т. е. национализма.

В ситуации вновь созданных многонациональных или многоплеменных государств в ареалах, отличающихся большим языковым разнообразием, где лишь немногие из языков были стандартизованы или даже получили письменность, политика типа А представляется единственно возможной. Но такое решение влечет за собой важные последствия. Элита должна к этому времени обладать хорошим знанием избранного языка и может в то же время быть неспособной — в чрезвычайных случаях — к непосредственному общению с основной массой населения, которая при повышенном желании соучастия обязательно попытается овладеть НОЯ — идеальная ситуация для развития пиджинизированных вариантов НОЯ при условии, что элита не желает или не способна предоставить широкие возможности обучения языку в больших масштабах; примеры такого рода дают Камерун и Папуа-Новая Гвинея. Политика в области обра-

зования неизбежно будет подчеркивать важность НОЯ в ущерб местным языкам, несмотря на то, что именно они являются L1 фактически для всего населения. Компетенция в НОЯ станет *sine qua non* для достижения хорошо оплачиваемых должностей и, в конечном счете, для перехода в ряды самой элиты.

7.3.2 *Tun B*

Политика, противоположная типу А, избирается в том случае, если элита, а в некоторых случаях все население, приходит к выводу, что действительно имеется «Великая традиция» вместе с соответствующим языком. Подобное соглашение предполагает значительное социально-культурное и зачастую политическое единство, а следовательно, языковая политика может, путем принятия языка «Великой традиции» в качестве НОЯ, одновременно ориентироваться на обе цели — национализм и «странизм». В этом случае может возникнуть эндогlossное государство, имеющее значительные надежды на успех, поскольку НОЯ, будучи туземным и приемлемым для большинства населения, будет служить как целям национализма, еще теснее объединяя уже объединенное в культурном отношении общество, так и целям «странизма», продолжая функционировать в качестве уже признанного *lingua franca*.

«Чистые» примеры такой политики встречаются в Израиле, Сомали, Эфиопии и Таиланде, тогда как Индонезия, Филиппины и Танзания, по-видимому, переходят от политики типа А к политике типа В, отказываясь от старого «колониального» языка — голландского, испанского, английского — в пользу местных НОЯ — соответственно, бахаса индонесиа, тагальского и суахили.

7.3.3 *Tun C*

Если политика типа А возникает из убеждения в отсутствии подходящей «Великой традиции», а тип В — из убеждения в наличии таковой, то политика типа С является результатом признания того, что имеются несколько соперничающих «Великих традиций», каждая со своей социальной, религиозной или географической основой и языковой традицией.

Основной проблемой в такого рода ситуациях оказывается сбалансирование потребностей общего национа-

лизма с национализмом региональным или групповым, а также эффективности общенациональной системы с существующими местными политическими системами. Ненужно появятся соперничающие элиты, отстаивающие противоположные интересы, и, если они недовольны существующим положением, они могут предпринять шаги к отделению своего региона от федерации, чтобы образовать свое собственное национальное государство.

Там, где сепаратизм подкрепляется географической отдаленностью и отсутствием непосредственного соприкосновения между составляющими государство регионами, может случиться, что национальное единство сохранить не удастся, как это и произошло с Пакистаном в 1971 году.

Языковая политика в ситуации, когда имеется, так сказать, слишком много «Великих традиций», должна в силу необходимости раздваиваться, как это ни затруднительно, между взаимосвязанными целями национализма и «странизма». Региональным, религиозным, этническим или социальным подгруппам в государстве должна быть предоставлена определенная степень автономии, однако не за счет национального единства. Должно быть сформировано некое центральное правительство, обладающее действенными средствами национальной коммуникации, однако не в ущерб региональным администрациям и языкам. Чаще всего такая дилемма решается путем сохранения языка бывших правителей в качестве НОЯ наряду с одним или более местными языками, а крупные локальные языки выбираются в качестве РОЯ, имеющих «официальный» статус в своих собственных регионах.

Поэтому политика типа С представляет собой, по существу, «временное» принятие политики типа А, смягченное объявленным намерением перейти к политике типа В, как только это окажется практически возможным. Требования, которые такая политика предъявляет к гражданам государства, огромны, так как она предполагает со стороны всех образованных людей владение по крайней мере двумя, а вероятнее всего, тремя языками. Более того, если человеку не посчастливилось быть носителем одного из НОЯ или РОЯ как его первого языка, ему приходится изучать четыре.

7.3.4 Резюме

Языковое планирование имеет непосредственное отношение к различным видам политики, направленной на достижение важнейших социальных целей в лингвистически разнородных нациях. Можно считать, что языковая гетерогенность тесно связана с целями национализма и «странизма» и является ключевым фактором при выборе местных или неместных языков для выполнения официальных функций внутри государства. Существенное различие между ролью английского языка, например, в Африке и его ролью в Азии нетрудно возвести к наличию во втором случае и отсутствию в первом приемлемой «Великой традиции», проявляющейся в некотором признанном местном языке, который может быть привлечен для консолидации государства как на социально-культурном, так и на политическом уровне.

7.4 ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В ТРЕХ НЕСХОЖИХ АРЕАЛАХ

Используя развернутое иллюстрирование проблем и политик, связанных с выбором языка в лингвистически разнородных обществах, мы рассмотрим ниже различное отношение к английскому языку в трех географических ареалах: Западной Африке, Индии и Европе, или, точнее, в англоязычной Западной Африке, на Индийском субконтиненте и в ЕЭС, «Европе девятки».

7.4.1 *Западная Африка*

Хотя шесть стран, образующих англоязычную Западную Африку — Камерун, Гамбия, Гана, Либерия, Нигерия и Сьерра-Леоне, отличаются друг от друга во многих важных отношениях, т. е. по площади, населению, историческим предпосылкам, тем не менее между ними наблюдаются существенные сходства, допускающие общее рассмотрение языковых проблем данного ареала в целом и отличающие его от прочих зон Африки, от Индийского субконтинента и от Европы.

7.4.1.1 *Предпосылки*

Общим для всех шести стран является высокая степень языковой гетерогенности: обычно несколько туземных (местных) языков, часто даже не имеющих своей

письменности, используются относительно самостоятельными племенными или региональными группами, общение между которыми возможно лишь с помощью *lingua franca*. Типичным является также то, что ни один из языковых коллективов не составляет большинства в общем населении, хотя отдельные языки часто господствуют в определенных районах; так, примерно девятимиллионное население Ганы использует около 42 местных языков, но четыре языка коммуникативно господствуют в четырех крупнейших населенных пунктах: га в Аккре, акан в Ку-маси, эве в Хо и дагбане в Тамале. Более того, языковые ареалы часто пересекают существующие государственные границы: акан распространен в Гане и Береге Слоновой Кости, эве — в Гане, Того и Бенине (бывшей Дагомее); все это является наследием «схватки за Африку» в XIX в., в ходе которой племенные группы расчленились новыми колониальными территориями.

В более широком плане можно заметить, что эти западноафриканские страны обладают еще одной общей характеристикой, имеющей весьма важные последствия для языкового планирования: у каждой из них есть по крайней мере одна общая граница с франкоязычным государством, причем Гамбия целиком окружена Сенегалом, а Федеративная Республика Камерун состоит из двух бывших колоний — Британского Камеруна и Французского Камеруна.

7.4.1.2 Языковая политика

В любом случае, вследствие языковой гетерогенности и отсутствия приемлемой для всех «Великой традиции», каждое из этих шести западноафриканских государств выбрало экzogлоссную языковую политику. Самое обычное решение состояло в сохранении английского языка в качестве единственного НОЯ и выборе главных местных языков в качестве РОЯ для отдельных районов; например, в Нигерии английский стал федеральным языком, а ибо, йоруба и хауса — РОЯ в соответственно Восточном, Западном и Северном регионах страны.

Ввиду особенностей своего колониального прошлого, Камерун стоит особняком как единственное государство с двумя НОЯ — английским и французским. Оба они служат орудиями «странизма», однако без энергичных усилий в сторону «гармонизации», т. е. создания двуязыч-

ной элиты, они могут действовать против целей национализма.

До сих пор под термином «английский язык» мы имели в виду стандартный английский, однако фактором, делающим англоязычную Западную Африку особенно привлекательной для социолингвиста, является существование в каждой из шести стран пиджинов или креолизированных разновидностей этого языка, которые, хотя и крайне важны для общения между многими группами, редко поощряются элитой. Таковы WAPE (западноафриканский пиджин-инглиш) в Камеруне и Нигерии, круанглийский в Либерии и Гане и крио в Сьерра-Леоне, причем все они, за исключением последнего, ограничены социальными группами, занятыми неквалифицированным трудом. Помимо того интереса, который представляют для лингвиста пиджины и креольские языки как таковые, их наличие серьезно влияет на усвоение языка, поскольку многие мигрирующие рабочие в Западной Африке впервые сталкиваются с «английским языком» именно в таких редуцированных разновидностях. Это обстоятельство не может не влиять на дальнейшее изучение литературной разновидности или на ее локальное использование даже местной элитой.

Западная Африка являет собой пример типичной экзоглоссии, так как она признала фактом отсутствие местной «Великой традиции», с которой ассоциировался бы язык, способный служить орудием национализма и «странизма». По этой причине правящие элиты западноафриканских государств во всех случаях предпочли политику типа А, избрав бывшие колониальные языки — английский или французский, а в Камеруне оба — в качестве НОЯ. Такой язык должен одновременно использоваться и в делопроизводстве, в высших учебных заведениях, управлении коммерцией и внешней торговлей и выступать в качестве нейтрального языка, который именно благодаря столь незначительному числу носителей его как L1 является одинаковым препятствием для всех, а тем самым — что на первый взгляд кажется логическим курьезом — одинаково приемлемым для всех выражением национализма.

Положение английского языка в Западной Африке было кратко охарактеризовано следующим образом: «...консолидируясь в качестве языка общественной жизни, а не универсального языка для всех целей.., (причем) громадное большинство населения ... в личной жизни

практически использует родной язык, а английский — в основном для деловых и официальных целей» [Banjo, 1972, 4]. Иными словами, наличествует диглоссия плюс билингвизм (в том смысле, как эти термины были использованы выше, 5.3.1): сферы, в которых обычно прибегают к английскому языку, по своей «формальности», выражению «власти» и «деловой» сущности противопоставляются «неформальным», интегрирующим, «солидарностным» сферам, где используется родной язык (L1), т. е. грубо говоря, сферам домашнего и дружеского круга — первичных групп, в терминах социальной психологии.

Итак, языковая политика в англоязычной Западной Африке — решительно экзогlossная: в обозримом будущем не предвидится превращения какого-либо из местных языков в общепризнанный НЯ или ОЯ; эта ситуация в корне отличается от наблюдаемой в странах Азии, входящих в Британское Содружество Наций (см. ниже).

7.4.1.3 Политика в области народного образования

Языковая политика неизбежно оказывает влияние на политику в области образования, поскольку именно в школах правительства новых стран должны попытаться завоевать сердца и умы идущего на смену поколения. Успех подобного предприятия равным образом зависит как от обучения грамоте на родном (L1) языке и на РОЯ, чтобы представляющие ценность локальные культуры не были утеряны при переходе от преимущественно сельского и статичного общества к более урбанизованному и динамичному, так и от эффективного овладения НОЯ — в данном случае, английским языком.

Почти неизбежным результатом необходимости удовлетворить всем трем целям является движение в сторону политики трех языков в системе образования (что наблюдается также в Индии и — потенциально — в Европе). Для школьников самой обычной учебной нагрузкой, помимо прочих предметов, становятся три языка: родной, РОЯ и НОЯ.

Поэтому требования, предъявляемые и к ученику, и к учителю, огромны. Это особенно заметно в условиях всеобщего бесплатного начального образования, которое в большинстве случаев было введено законом в начале 50-х годов, и при широком распространении всех секторов формального образования в следующем десятилетии, что

ярко выявило неудовлетворительность учебников, школьных зданий и многих преподавателей, так как лишь не многие государства могут справиться с возросшим контингентом учащихся и с связанной с этим потребностью в большом числе лучше подготовленных учителей [Burns, 1965].

7.4.2 Индия

В данном подразделе мы берем в качестве примера Индию, сознавая при этом, что *mutatis mutandis* многие проблемы и предложения по их решению, представленные в индийской языковой политике, находят свои параллели не только на этом субконтиненте (Бангладеш, Пакистан, Шри Ланка), но и по всей Юго-Восточной Азии — в Бирме, Камбодже, Индонезии, Лаосе, Малайзии, на Филиппинах, в Сингапуре, Таиланде и Вьетнаме, где независимость и модернизация осуществлялись посредством смешанной политики, соединяющей разные цели, а также посредством экзоглоссии [Fishman, 1971, 51].

7.4.2.1 Предпосылки

На первый взгляд Индия по своему языковому разнообразию напоминает западноафриканские государства: здесь бытует несколько сотен языков, некоторые из них — бесписьменные племенные, другие сосредоточены в определенных ареалах и крупных городах. Однако это сходство скорее мнимое, чем действительное, поскольку в Индии нет никакого эквивалента WAPE, кру-английского или крио, но зато имеется около двух десятков древних литературных языков, каждый из которых обладает длительной литературной традицией и является орудием локальной «Великой традиции». Можно, в известном смысле, говорить об объединяющем факторе индуизма, но отнюдь не все индийцы являются индуистами: имеются многочисленные меньшинства мусульман, буддистов, сикхов и христиан. Религия не создает также нейтрализующих уз между индоарийским Севером и дравидийским Югом, где проходит основная, но не единственная линия потенциального раскола в Индийском Союзе.

Столкнувшись с необходимостью преодоления локального национализма в пользу более широкого общеиндийского национализма, правительство Индии решило конституционно возвести хинди в статус НОЯ, т. е. федерального языка, предоставив более чем дюжине местных языков статус РОЯ на уровне штатов. Однако такая политика привела к усилению уже существовавшего североиндийского национализма и вызвала ответную реакцию в Южной Индии, а кроме того, в своем чистом виде лишала страну внешних средств коммуникации. В конечном счете в Индии было решено принять хинди в качестве НОЯ, но сохранить язык бывших колонизаторов — английский — в качестве «вспомогательного» НОЯ, пока все штаты Союза не согласятся добровольно принять хинди как единственный НОЯ. К этому моменту английский начнет утрачивать (или уже утратит) оставшиеся функции средства внутренней коммуникации и останется исключительно внешней *lingua franca*.

Нынешняя ситуация, однако, далека от этой идеальной картины, и вот почему. Многие говорящие на английском языке не желают, чтобы их владение этим языком утратило свою ценность и чтобы тем самым их элитарная позиция была ослаблена. Носители же дравидийских языков заявляют, что английский язык, по крайней мере, всех ставит в одинаково невыгодное положение, в то время как хинди, будучи, согласно переписи 1971 года, родным языком для более чем 30% населения и исторически родственным основным северным языкам, ставит северян в несправедливо выгодное положение по сравнению с южанами [Das Gupta, 1970, 46].

Таким образом, Индия, поставленная перед фактом плохо скрываемой борьбы за власть между элитами, говорящими по-английски, на хинди и на дравидийских языках и в большей или меньшей степени втянутыми в местные региональные, этнические или религиозные распри, должна была прибегнуть к крайне неудобному компромиссному типу политики, промежуточному между типами А и В, т. е. к политике типа С, когда принимается временная смешанная эндо-экзогlossная ситуация и одновременно делаются попытки перейти при первой возможности к политике типа В — полному устранению бывшего колониального языка из внутренней коммуникации.

7.4.2.3 Политика в области образования

Первоначально индийская политика в области образования признавала необходимость изучения всеми учениками НОЯ, вспомогательного НОЯ и РОЯ, т. е. хинди, английского и ОЯ штата, в котором ребенок проживал. Но при этом возникали две серьезные проблемы. В штатах, где РОЯ оказывается одновременно НОЯ, например, в Уттар Прадеш, где он является языком подавляющего большинства, дети должны изучать только два языка. Тем же детям, чей L1 не являлся РОЯ, но которые, согласно конституции, имели право на начальное образование на родном языке, пришлось бы, если их L1 не был хинди или английский, изучать четыре языка. Еще хуже было бы положение говорящего на бесписьменном племенном языке, например, парджи или гонди, для которого нельзя было бы даже найти учителей и учебников.

В результате была разработана новая «формула трех языков»: все учащиеся средней школы обязаны теперь изучать:

- 1) РОЯ или родной язык там, где они не совпадают;
- 2) хинди или — там, где он был L1, — любой другой индийский язык;
- 3) английский или любой другой современный европейский язык.

Эта формула, очевидно, призвана заставить северян изучать какой-нибудь южноиндийский язык, что должно способствовать преодолению сепаратизма и усилению общиндийского национализма. Однако многие жители Северной Индии предпочли, естественно, выбрать какой-либо «легкий», родственный индоевропейский язык, нежели с трудом овладевать существенно отличной структурой дравидийских языков. Кроме того, трудно найти учителей, особенно по языкам меньшинств, и они низко оплачиваются, так что эта новая формула, хотя бы и исполненная благих намерений, по-прежнему дискриминирует группы языковых меньшинств. Трудно сказать, как можно улучшить существующее положение, но, по крайней мере, в Индии с самого начала существует пост-комиссара по языковым меньшинствам, ответственного перед самим президентом; он изучает нужды языковых меньшинств и пытается с помощью отчетов, представляемых раз в два года, защищать их права.

7.4.3. Европа

Было бы неверным считать, что языковое планирование представляет собой проблему, уникальную или специфическую только для «развивающихся» стран. По своей сути, ЕЭС, т. е. «Европа девятки», является в такой же мере новой политической единицей, созданной путем объединения уже существующих групп, что и Гана, Нигерия, Пакистан или Индия, и поэтому оно, подобно этим государствам, может столкнуться с проблемами языковой политики, см. [Bell, 1975].

7.4.3.1 Предпосылки

В сравнении с Индией, ЕЭС имеет примерно в половину меньшую площадь и более чем в половину меньшее население, демонстрируя при этом сложную картину языковой гетерогенности, как в отношении отдельных наций — государств со своими собственными, часто древними, литературными языками, так и в отношении исконных и мигрирующих меньшинств. Вдобавок к этой уже достаточно сложной ситуации, ЕЭС, вслед за США и Океанией, обладает наивысшим в мире процентом городского населения [OON, 1969, table 10, p. 15], а также крайне разветвленной меж- и внутригосударственной системой коммуникации и транспорта, которая обуславливает — и до некоторой степени регулирует — потребность государств-членов в международном средстве общения в виде *lingua franca* или многоязычия.

7.4.3.2 Языковая политика

Если принять во внимание, что из четырех языков ЕЭС (немецкий, английский, французский, итальянский) каждый обслуживает чуть более 20% всего населения Сообщества, становится ясным, что ни один из них не может быть выбран в качестве ОЯ. Каждая из стран-участниц имеет свой собственный НОЯ, и хотя в одном случае — в Люксембурге — шире всего распространена в качестве L1 местная разновидность немецкого языка, а ведущим ОЯ является французский, можно считать, что практически все входящие в ЕЭС государства эндогlossны и проводят политику типа В.

В настоящее время в учреждениях ЕЭС признаются семь ОЯ: датский, нидерландский, английский, француз-

ский, немецкий, ирландский и итальянский, но если бы датчане, голландцы, ирландцы и люксембуржцы проявили добрую волю, стало бы возможным свести число ОЯ к четырем: английскому, французскому, немецкому и итальянскому, сохранив, конечно, нынешние национальные языки в качестве РОЯ и оставив за их носителями право публиковать обязательные для них законы на их собственных L1. Что, по-видимому, наиболее необходимо для ЕЭС в настоящий момент, так это скорее всего язык для достижения «странизма», т. е. официальный *lingua franca* или несколько языков в этой функции, нежели долгосрочная ориентация на более широкий европейский национализм.

Даже если ЕЭС примет формулу четырех ОЯ и семи РОЯ, языковые меньшинства все же останутся, и их права по-прежнему будут нуждаться в определении и охране. В другой работе мы уже заявляли [Bell, 1975], что ЕЭС, подобно Индии, поступило бы правильно, назначив специального комиссара по делам языковых меньшинств, и что оно могло бы многому научиться на достижениях индийского опыта.

7.4.3.3 Политика в области образования

Трудно отвергать индийское решение проблемы, т. е. «формулу трех языков», если мы хотим разумно разрешить для ЕЭС языковой вопрос в народном образовании. Согласно такой формуле все учащиеся средней школы будут изучать три языка: 1) РОЯ, т. е. нынешний НОЯ — датский в Дании и английский в Соединенном Королевстве, или же L1, где он отличен от НОЯ, например, валлийский в Уэльсе или немецкий в Северной Италии; 2) один из ОЯ Сообщества, однако не свой НОЯ, если он входит в число ОЯ; например, английские дети, изучавшие свой язык согласно п. 1, будут обязаны изучать французский, немецкий или итальянский; 3) любой другой современный европейский язык; это может быть какой-нибудь другой ОЯ, но некоторые правительства могут также поощрять изучение какого-либо малого местного языка, например, ирландского в Ирландской Республике.

Такая политика, естественно, будет осложняться всяческими трудностями, о которых мы уже говорили выше: отсутствие преподавателей и учебных материалов, большая учебная нагрузка у тех учащихся, чей L1 не яв-

ляется НОЯ, опасность уменьшения заинтересованности в культурах малых этнических или языковых общностей. Здесь мы не предлагаем никакого решения; цель данного раздела состоит в том, чтобы уяснить себе стоящие перед нами задачи языкового планирования и понять, что и у других были подобные трудности, в ответ на которые им удалось творчески подойти к разработке своей политики, из которой мы можем многое с пользой позаимствовать.

7.4.4 Резюме

В данном разделе мы кратко ознакомились с типами языковой политики в трех ареалах, на первый взгляд резко отличающихся друг от друга — в Западной Африке, Индии и в ЕЭС, но при ближайшем рассмотрении обнаруживающих много общего. Все они лингвистически гетерогенны и сталкиваются с общей двуединой проблемой национализма и «странизма». Западная Африка выделяется тем, что она вынуждена прибегнуть к неместным языкам бывших колонизаторов для использования их в функции НОЯ, а местные языки используются лишь на региональном уровне. Индия выбрала для НОЯ один из местных языков, но в настоящее время вынуждена сохранять английский в качестве вспомогательного языка. ЕЭС в своих поисках оперативной эффективности не сможет, по-видимому, справиться со стоящими перед ним проблемами, если не будет использовать по крайней мере четырех языков для межгосударственных сношений и всех семи языков, являющихся НОЯ отдельных государств, в сфере законодательства и в качестве РОЯ.

Для всех трех ареалов общей является одна и та же проблема языковых меньшинств, местных и мигрирующих; по-видимому, ее важность и масштабы будут расти по мере развития урбанизации в «третьем мире» и миграции рабочей силы в Европу. В связи с этим все три ареала, по-видимому, будут придерживаться в основном схожей «формулы трех языков» в области образования, т. е. изучения ОЯ, РОЯ и какого-то другого языка.

В связи с этим необходимо уяснить себе, что при всем различии этих трех ареалов начинает вырисовываться некая общая картина проблем языкового планирования и что наш анализ этих вопросов излишне затруднен отсутствием системы символов, которая подчеркивала

бы общее в этих государствах и сглаживала неизбежные различия. В следующем разделе мы попытаемся представить такую систему.

7.5 НАЦИОНАЛЬНЫЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОФИЛИ

В этой главе читателю должно было стать ясным, что обсуждение форм и функций языков в полигlossных обществах будет крайне многословным, если не использовать какую-нибудь систему символов, с помощью которой можно представить имеющуюся информацию и сделать возможным сравнение различных стран. К счастью, по этому поводу уже был выдвинут ряд предложений [Stewart, 1962; Ferguson, 1966; Kloss, 1968], которые мы и собираемся, с некоторыми модификациями, применить в этом разделе.

Можно предложить четыре ведущих параметра с соответствующими символами: языковой *тип* (обрисованный в разделе 6.2), *статус* (также упомянутый в 6.2), *процент* носителей данного языка как L1 по отношению ко всему населению (обсуждалось выше в 7.1.1.2) и *функции* (этого мы касались в 7.2). Эти параметры более подробно рассматриваются и иллюстрируются в дальнейшем изложении.

7.5.1 Тип языка

Можно полагать, что семь из десяти социалингвистических типов (от стандартного по искусственный включительно), показанных на рис. 6. 3, важны для изучения языкового употребления на национальном уровне; их можно записывать по начальным буквам; S — для стандартного и т. д., однако C сохраним для классического, а K будет означать креольский.

7.5.2 Статус языка

Было предложено выделять шесть ступеней правительственной установки по отношению к языку [Kloss, op. cit.], начиная с признания его в качестве единственного НОЯ вплоть до полного запрещения властями его использования. Эти ступени можно записать следующими символами:

SO: единственный официальный язык, например, французский во Франции;

JO — совместный официальный язык, равноправный по меньшей мере с еще одним языком, например, английский и французский в Камеруне; французский, немецкий, итальянский, рето-романский в Швейцарии.

RO: региональный официальный язык — ОЯ штата или региона в федеральном государстве, например, махатхи в Махараштре, ибо в Восточной Нигерии.

PL: поощряемый язык, не имеющий официального статуса, но используемый государственными учреждениями, например, пиджин в Камеруне; несмотря на то, что он не является «официальным», там этот язык представляет собой важное средство коммуникации между правительством и народом, особенно при личных встречах и в радиопередачах, касающихся общественного развития, здравоохранения, сельского хозяйства и т. п.

TL: терпимый язык — не поощряемый и не запрещаемый властями, т. е. его существование признается, но игнорируется, например, языки иммигрантов в Великобритании.

DL: сдерживаемый (discouraged) язык — до некоторой степени запрещенный властями; в лучшем случае лишаемый автономии (в том смысле этого термина, как он используется в 6.2.3), в худшем случае активно подавляемый, вплоть до того, что говорящие на нем могут опасаться пользоваться им в публичных местах из страха перед репрессиями, например, запрещение шотландского гаэльского после восстания 1745 г. и нормандско-французского диалекта во время немецкой оккупации Нормандских островов в годы последней мировой войны.

7.5.3 Процент носителей языка как L1

Можно было бы, конечно, записывать действительный процент носителей того или иного языка как L1, но, следуя предложению Клосса, мы разделим шкалу 0%—100% на шесть условных рангов от наивысшего процента до самого низкого:

1. 100%—90%, например, английский в Австралии, Великобритании и США.
2. 89%—70%, например, английский в Канаде.
3. 69%—40%, например, нидерландский и французский в Бельгии.
4. 39%—20%, например, французский в Канаде, амхарский в Эфиопии.

5. 19%—3%, например, африкаанс в Южной Африке.

6. менее 3%, например, ирландский в Ирландской Республике.

7.5.4 *Функции языка*

Можно полагать, что в полигlossных государствах три основные функции языка связаны с потребностями широкой коммуникации, образования и религии; однако первые две категории нуждаются в некоторой детализации:

WE: язык широкой коммуникации (внешней) — государство может использовать язык для контактов с другими странами, ср. функцию английского языка как «окна в мир», отмеченную Неру применительно к ситуации в Индии.

WI: язык широкой коммуникации (внутренней) — скорее внутренний, нежели межгосударственный *lingua franca*, например, хинди в Индии или урду в Пакистане.

MO: язык, широко преподаваемый в сфере формального образования, но никогда не используемый на какой-либо стадии обучения как средство, т. е. как язык учебного процесса, например, латинский в Соединенном Королевстве.

M1: язык преподавания в начальной школе (на первом этапе получения образования); например, в африканских странах, принадлежащих к Британскому Содружеству Наций, английский обычно вводится на каком-то этапе начальной школы в качестве языка учебного процесса, хотя конкретное время его введения колеблется от государства к государству: в западных районах Сьерра-Леоне — с самого начала формального обучения, в Гане и Кении — немного позже.

M2: язык преподавания в средней школе, после того как он изучался в качестве предмета в начальной школе; например, в ряде стран Восточной Африки английский преподается в качестве предмета на уровне начальной школы, но затем занимает место родного (L1) как язык учебного процесса на уровне среднего образования.

M3: язык преподавания в высшей школе, после того как он изучался ранее как предмет. В Танзании, например, эти три этапа получения образования отличаются использованием трех различных языков преподавания: L1 на уровне начальной школы, а суахили как предмет; в средней школе — суахили в качестве языка учебного процесса, английский как предмет; наконец, на уровне

высшего образования преподавание ведется на английском языке.

М4: язык преподавания на уровне «аспирантуры» после окончания высшей школы, используемый также для публикации научных исследований и учебных пособий. Например, английский язык, ввиду его функции средства международного общения, обычно играет основную роль в качестве М4 в тех странах, чей НОЯ очень мало распространен за их пределами; яркий пример в этом отношении представляют скандинавские языки. Многие государства Азии в настоящее время переходят или уже перешли на местные языки в качестве языков преподавания на всех этапах системы образования, но все еще зависят от одного из главных «мировых языков», обычно английского, в сфере высшей нетрадиционной интеллектуальной деятельности. Например, хинди хорошо справляется с такой тематикой, как теологическое и философское умозрение, но по крайней мере в настоящее время он не имеет подходящей терминологии и стилистических средств для естественных, физических и общественных наук; об этом мы уже упоминали в разделе о переключении кодов (5.5).

Р: язык публичного богослужения — в эндогlossном государстве язык религии будет обязательно либо НОЯ, либо его классический вариант, либо язык первоначально неместной «Великой традиции»; ср. в настоящее время английский язык службы в католической церкви (современный литературный английский), в англиканской церкви (в сущности своего рода «классический» английский, базирующийся на языке традиционного англиканского молитвенника и Библии короля Якова I) и латынь, ранее использовавшуюся в католической службе, до постановления Ватикана о переходе на «местные» языки. В некоторых экзогlossных государствах (например, в Папуа-Новой Гвинее и Камеруне) это постановление имело тот — вероятно, непредусмотренный — результат, что местные пиджины или креольские разновидности, а не литературные варианты английского стали использоваться для диалогической мессы, катехизисов, молитвенников и т. п. [Noser, 1965].

7.5.5 Резюме

Теперь мы можем составить «профильные» формулы, которые в сжатом виде суммируют социолингвистические

характеристики отдельных государств и позволяют делать обобщения и осуществлять сравнение этих государств.

Чтобы продемонстрировать, как работают эти формулы, сравним одно из азиатских и одно из западноафриканских государств и прокомментируем наблюдаемые между ними различия:

Шри Ланка (Цейлон): Английский S PL 6 We M2
 Пали C PL 6 R
 Сингальский S JO 2 Wi M1 M2
 Тамильский S JO 4 Wi M1 M2 R

Эти формулы могут быть интерпретированы следующим образом:

Английский: стандартный язык; поощряемый; как на L1 на нем говорит менее 3% населения; используется как средство широкой внешней коммуникации; язык преподавания в средней школе (и выше).

Пали: классический язык, широко используется буддистами для религиозных целей, но, по определению, не имеет коллектива исконных носителей его как L1.

Сингальский: стандартный язык; соофициальный; родной язык для 70—89% всего населения; функционирует в качестве внутреннего *lingua franca* и является языком преподавания в начальной и средней школе.

Тамильский: то же, что и сингальский, но с меньшим языковым коллективом — от 20% до 39%; выполняет религиозную функцию.

<i>Гана:</i> Акан	V	RO	3	Wi	M1	
Дагари	V	PL	6	Wi		
Английский	S	SO	6	We	Wi	M2
Эве-фон	V	RO	6	Wi	M1	
Га	V	RO	5	Wi	M1	
Моши-Дагбане	V	RO	6	Wi	M1	
Нзема	V	RO	6	Wi	M1	

Эти два «профиля» довольно ясно передают существенные различия в ситуации и в политике обоих государств и служат примером более общего контраста между «типично» азиатской и «типично» западноафриканской страной, входящей в Британское Содружество Наций (см. об этом выше): относительно более однородная ситуация в Азии, где прибегают к политике эндоглоссии, при которой английский язык сохраняется для целей подготовки специалистов высшей квалификации и как внеш-

ний *lingua franca*, что резко контрастирует с гораздо более гетерогенной ситуацией в Африке, где проводится политика экзоглоссии и где несколько туземных языков обладают статусом региональных официальных языков, подчиненных одному федеральному языку — английскому.

7.6 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной главе мы рассмотрели проблемы, связанные с выбором языка в лингвистически гетерогенных странах, т. е. с главным вопросом макросоциолингвистики, точкой пересечения интересов социолингвиста и социолога, особенно того социолога, который причастен к планированию реформ в развивающихся обществах. В нашей книге мы постоянно подчеркивали необходимость для лингвиста быть объективным в своих описаниях, избегать высказывания оценочных суждений, описывать, а не предписывать нормы языка. Но из данной главы должно было стать ясным, что такое отношение к фактам, хотя оно и является заведомо подобающим исследователю-лингвисту, вряд ли может служить основным принципом для лингвиста-прикладника, призванного помогать в планировании и осуществлении социальных реформ, необходимой составной частью которых должно быть языковое планирование. Короче говоря, по самой своей природе языковое планирование представляет собой оценочную науку, стремящуюся обнаружить и обосновать языковые формы, наиболее подходящие для определенных социальных функций.

Если мы примем аристотелевское определение языка как инструмента (см. об этом 3.1), то из этого следует, что язык «...можно оценивать, изменять, исправлять, регулировать и улучшать; при желании можно создавать новые языки» [Tauli, 1968, 9] и что нам придется тщательно пересмотреть запрет XX века, наложенный на оценочные суждения в лингвистике, и задаться вопросом, не предлагает ли лингвисту-прикладнику старая лингвистическая традиция XIX и предшествующих веков более подходящую ориентацию в языковых фактах и в употреблении языка.

Важно, однако, чтобы не казалось, что социолингвист, планирующий языковое развитие, требует для себя слишком многого. Верно, что он способен оценивать конкурирующие языковые формы как в чисто лингвисти-

ческом, так и в более широком социолингвистическом аспекте (см. [Tauli, op. cit.], с. 29—44 и особ. с. 151—170), однако он не может гарантировать, что его оценки или основанные на них предложения будут приняты элитой, чьей задачей является их реализация, или народными массами, в чем узусе лежит окончательная проверка их приемлемости. Специалисты по языковому планированию оказываются в положении, очень похожем на положение ученых, занимающихся организацией труда, которые «...крайне редко имеют возможность сами принимать решения. Их привлекают, чтобы они добывали и систематизировали существенные факты, анализировали их и предлагали рекомендации. Тот, кто принимает решение — администратор или политический деятель, — учитывает результаты их работы наряду с прочей информацией, которую он считает важной. Эта последняя обычно включает гораздо больше, чем только количественные данные» [Jones, 1972, 56].

Планирование изменений, естественно, представляет собой исключительно сложную операцию, в которой язык должен играть решающую роль как одна из замысловатых подсистем в общей культурной системе данного общества. Поэтому социолингвист, вместе с представителями других социальных наук, может определять и оценивать формы и функции языка в обществе, что будет частью того более широкообъемлющего описания, на которое в конечном счете будут опираться имеющие решающий голос инстанции при разработке своей политики. Мы ранее уже высказывали опасение, что прочие социальные науки сочтут нас паразитами, но теперь кажется ясным, что изменения, столь характерные для нашего столетия, могут быть планируемы и контролируемы только путем объединения усилий сотрудничающих ученых различных дисциплин. Поэтому социолингвист — как лингвист — может внести совершенно особый вклад, который, при его желании учиться на опыте других общественных наук, нетрудно будет включить в определенный вид широкой междисциплинарной модели, предложенной выше. Действительно, такая модель содержала бы описания всей используемой обществом семиотической системы, частью которой был бы и язык. Тем самым осуществилась бы выраженная Соссюром надежда, что в конце концов должна возникнуть *семиология*, которая изучала бы знаки в контексте общества как единого целого.

Общий обзор и будущие перспективы

В этой заключительной главе мы намерены вновь сформулировать некоторые из аксиом социолингвистики и поставить вопрос об адекватности теорий, на которых базируется социолингвистическое исследование, а также обсудить две большие проблемы, которых мы касались ранее лишь мимоходом — анализ дискурса и коммуникативная компетенция, и в заключение указать, как социолингвистические усилия в этих направлениях могут быть соотнесены с другими областями гуманитарных наук и практически использованы теми, кто работает в сфере прикладных наук социального строительства вообще и языкового планирования в частности.

8.1 НЕКОТОРЫЕ АКСИОМЫ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

В начале книги, в рамках обсуждения проблемы вариации в языке, мы предложили две ключевые аксиомы дескриптивной лингвистики, лежащие, по-видимому, в основе большинства исследований, которые велись в этой области на протяжении нынешнего столетия (см. 1.3.1). Теперь мы предложим ряд аксиом, представляющихся столь же общепризнанными среди социолингвистов. Многие из них обсуждались в предыдущих главах, но не были пока четко сформулированы.

8.1.1 Социолингвистические аксиомы Лабова

В статье, посвященной принципам лингвистической методики, У. Лабов [Labov, 1972] предложил шесть принципов или аксиом, на которых должно базироваться социолингвистическое объяснение.

1. *Кумулятивный принцип*: чем больше нам известно о языке, тем больше мы можем узнать о нем. Это имеет по крайней мере два следствия, представляющих определенную важность для будущего. Во-первых, «новые» знания о языке должны привести лингвистов к таким областям исследования, которые для них чужды, но в которых уже работают представители других наук; например, когда лингвисты исследуют социальную основу языкового поведения, они неизбежно вступают в контакт с социальными науками; этот момент, связанный с третьей аксиомой, мы постоянно подчеркивали на протяжении книги. Во-вторых, попытка интеграции новых знаний будет иметь последствия для ортодоксальных лингвистов; ясный пример этого мы увидим ниже (8.2) при обсуждении анализа дискурса.

2. *Принцип единообразия*: языковые процессы, происходящие вокруг нас, являются теми же самыми, что и процессы, действовавшие в прошлом и создававшие исторические данные языка; иными словами, социолингвистика отрицает разграничение между синхроническим и диахроническим планом, что является одним из центральных положений дескриптивной лингвистики нашего столетия (см. об этом разграничении 1.3.1). В нашем обзоре техники импликационного шкалирования (2.4.3) и применения таких методов к внешне хаотичным данным, выделенным в креольских континуумных ситуациях (см. 5.4), мы показали, как сливается диахроническое и синхроническое при попытке построить динамическую модель языка в его употреблении и постоянном изменении. На это обратил внимание Дж. Тернер [Turner, 1966], проводя аналогию между великим сдвигом гласных, столь резко отличающим среднеанглийскую фонологию от ранненовоанглийской, и фонологическими системами британского (оксфордского) и австралийского английского: «среднеанглийский, произносимый с австралийским акцентом, есть елизаветинский английский» [Turner, op. cit., 107], т. е. нечто весьма подобное позднесредневековому звуковому изменению повторялось в австралийском английском на протяжении последних 100 лет. Это замечание не должно, конечно, пониматься слишком буквально, но *mutatis mutandis* сходство между двумя процессами существенным образом подтверждает данный принцип Лабова. Очевидным последствием этого для лингвистики является то, что историческая и современная лингвистика могут теперь подойти ближе друг к дру-

гу и искусственный барьер между ними может быть сло-
ман и окончательно отброшен к взаимной выгоде обеих
сторон.

3. *Принцип конвергенции*: ценность новых данных
для подтверждения и интерпретации прежних данных
прямо пропорциональна различиям в методах их собира-
ния. Эта аксиома вытекает из первой и еще раз демон-
стрирует потребность лингвистики в перекрестной про-
верке ее методов и получаемых посредством них данных
с методами других наук, для которых лингвистические
данные образуют необходимую часть в их собственном
поиске структуры и объяснения. В значительной мере
именно по этой причине мы не испытывали никакой не-
ловкости, опираясь в этой книге на допущения и методы
других, «неродственных» дисциплин в попытке объяснить
языковое употребление.

4. *Принцип подчиненного сдвига*: когда носителей
подчиненного диалекта прямо спрашивают об их языке,
их ответы будут смещаться нерегулярным образом либо
к господствующему диалекту, либо от него. Такое пове-
дение уже отмечалось выше при комментировании сте-
реотипизации и гиперкоррекции (4.1.1), и оно образует
одну из характеристик оценочного языкового поведения,
представляющего значительный интерес для полевого
исследователя, пытающегося собрать свидетельства об
установках речевого коллектива по отношению к языку,
к различным его разновидностям, к «приемлемому — не-
приемлемому» употреблению и т. п. Ценность данного
принципа состоит также в том, что он помогает объяс-
нить те факты узуса, которые иначе классифицировались
бы как чисто случайные и непредсказуемые, например,
когда индивиды или группы ориентируются на сознатель-
ные языковые нормы некоторой референтной группы, к
которой они сами не принадлежат, но к которой стремят-
ся (см. 4.3.1 о типах групп и отношений).

5. *Принцип стилового сдвига*: не существует «одно-
стилевых» говорящих. Этот принцип решительно отрица-
ет традиционный взгляд на язык как на монолитную
структуру, утверждая, что язык, даже у отдельного инди-
вида, по природе своей представляет пучок взаимосвязан-
ных кодов, отличающихся друг от друга по формально-
му составу и по социальной функции. Данный принцип
не нуждается здесь в пространных пояснениях или при-
мерах, поскольку он внутренне присущ всей этой книге
в целом и занимает центральное место, в частности, при

обсуждении проблем, которым посвящены главы 4 и 5.

6. *Принцип внимания*: стили могут быть упорядочены по единственному параметру, измеряемому количеством внимания, уделяемого речи. Попросту говоря, чем более осознанным является употребление данного языка, тем более он «формален». Это хорошо иллюстрируется различием между письменным и устным языком: первый, не развертываясь в «реальном времени», может, как это часто бывает, исправляться и «шлифоваться», так что окончательный вариант нередко имеет весьма слабое отношение к первоначальному наброску. Реальная речь, напротив, развертывается и передается в «реальном времени» вместе с обмолвками и поправками, типичными для нормального устного языка. В речи, в отличие от письма, невозможно устранить то, что было сказано раньше: первоначальный «набросок», так сказать, является также окончательным продуктом, отсюда и взгляд ортодоксальных лингвистов на языкоупотребление как на «испорченное» и тот интересный факт, что слушающие не способны заметить «дефекты» во многом из того, что они слышат. У. Лабов [Labov, 1966] доказывает, что это явление может быть легко объяснено путем постулирования небольшого числа простых «корректировочных правил», посредством которых слушающий переформулирует полученные им *высказывания в предложения*, задуманные отправителем. В операциональном плане принцип внимания имеет исключительно важное значение для социолингвиста при полевой работе, поскольку без количественного определения степени уделяемого речи внимания он не сможет отграничить один стиль от другого, разве что посредством сомнительной, замыкающейся в порочный круг процедуры. Этот порочный круг обычно образуется следующим образом: употребляются некоторые языковые формы, определяемые как «формальный», «неформальный» или иной «стиль», путем подбора материала, в котором встречаются такие элементы, и затем эти данные объявляются примером конкретного стиля, каковым он, конечно, является, но в весьма тривиальном смысле. Формальность и ей подобное — это наименование, применяемое собственно к *контексту*, в котором употребляется язык. Это не лингвистическое, а социологическое понятие, частичный маркер, появление которого представляет собой особый вид языкового поведения. В действительности, более правильным было бы утверждать, что не существует такой вещи, как, например,

«официальный» язык, поскольку то, что в прошлом ошибочно описывалось таким образом, является не более чем одним внешним признаком социологического или культурного феномена. Следовательно, одной из главных проблем, стоящих перед социолингвистом в связи со сбором данных, является отыскание языка, коррелирующего с другими формами поведения, которые сами по себе служат маркерами «официальности» и т. п.; например, в западном мире официальность часто бывает отмечена определенными предписанными формами одежды, движений и т. п., которые находятся в отношении взаимной встречаемости с такими легко замечаемыми формами речи, как, видимо, более медленная манера произнесения, избегание редуцированных форм — n't, 'll, 'n (для and 'и'), предпочтение более сложных структур предложения, а также форм обращения с маркированным статусом и т. д. (см. 4.2 о понятии правил «совместной встречаемости»).

7. *Принцип разговорно-непринужденной речи:* стилем, оказывающимся наиболее регулярным по своей структуре и по своему отношению к эволюции языка, является непринужденная (разговорная) речь (vernacular), в которой контролю за речью уделяется минимум внимания (следует заметить, что использование данного термина [vernacular] Лабовым резко отличается от нашего функционального определения его в 6.3.3). Этот принцип часто шокирует тех, кто придерживается мнения, будто «наиболее чистой» формой языка является его письменная форма или, если лингвист настаивает на описании устной речи, официальная речь «наиболее образованных». Но этот принцип прямо следует из предыдущей аксиомы. Формой речи, наименее испытывающей влияние, должна неизбежно быть та, которая создается, когда говорящий в наименьшей мере контролирует свою речь. Она должна быть наиболее естественной, поскольку наименее затронута внешними влияниями. Полевое исследование Лабова в Нью-Йорке [Labov, 1966] наилучшим образом демонстрирует значимость этого принципа. Пытаясь добиться от информантов предельно раскованной речи, он вскоре обнаружил, что такие факты появляются лишь в тех случаях, когда говорящий сосредоточивает внимание на какой-то задаче, отличной от самого производства речи, например, когда его просят описать какое-либо эмоционально насыщенное событие, в котором он участвовал. Лабов установил также, что такая речь ока-

зывается удивительно единообразной по форме не только для отдельного говорящего, но и для социальной группы, к которой он принадлежит.

8. *Принцип официальности*: любое систематическое наблюдение обнаруживает некоторый формальный контекст, в котором говорящий уделяет своей речи повышенное внимание. Это прямо ведет к проблеме, к которой мы еще вернемся ниже, — к парадоксу наблюдателя: чтобы добыть наиболее важные для лингвистической теории данные, мы должны вести наблюдение над тем, как люди говорят, когда за ними не наблюдают. Мы хотим собрать факты «спонтанной речи». Чтобы сделать это, нам необходимо наблюдать за ее употреблением говорящими. Если присутствует наблюдатель, информант не прибегнет к непринужденной речи. Как же в таком случае полевой исследователь может собрать то, что не встречается, пока он там находится для сбора этого? Рассмотрим практические и этические проблемы, вытекающие из этого парадокса.

8.1.2 *Некоторые практические и этические проблемы социолингвистики*

В той мере, в какой социолингвистика является социальной наукой, зависящей от наблюдения за поведением людей для получения данных, она разделяет с социальными науками ряд практических и этических проблем, которые вряд ли возникнут, если лингвистические данные добываются исследователем посредством самоанализа. Мы перечислим некоторые из этих проблем и предложим пути их решения.

Интервью, направленное на сбор данных, содержит в себе три главных источника ошибок, которые, не будучи компенсированы, способны понизить или даже целиком свести на нет ценность полученных сведений; такими источниками, из которых могут быть сделаны убедительные выводы, являются информант, полевой исследователь и техника выборки (см. [Samarin, 1967, 140—150] о специфически лингвистической методике полевой работы и [Webb et al., 1966, 12—34] о более общем рассмотрении проблем, обычных для социальных наук в целом).

8.1.2.1 *Ошибки со стороны информанта*

По крайней мере четыре вида поведения информанта могут привести к ошибкам: сознание того, что он является

ся испытуемым; отбор ролей; само интервью как стимул изменения; уклончивые ответы.

Степень осознания информантом того, что он в некотором смысле «испытывается», явно связана с приведенными выше принципами 4 — 8 Лабова. Социолингвистическое интервью между полевым исследователем и информантом является, в конечном счете, редким и необычным для большинства людей видом речевой деятельности. Как отмечает У. Самарин [Samarin, op. cit., 145], «единственное интервью, которое люди действительно терпят, есть то, которое они сами начинают или которое они считают потенциально выгодным для себя». Социолингвистическое интервью вряд ли можно охарактеризовать таким образом, поскольку единственным участником, кому оно определено выгодно, является полевой исследователь. Степень вовлеченности и заинтересованности неизбежно должна быть гораздо меньшей у информанта, чем у исследователя, который уверен, что только он один ясно понимает цели этого интервью. И что еще хуже, информант, вероятнее всего, будет приравнивать это интервью к другим, которые он имел с полицией, с банковским управляющим или со своим боссом — ситуации, в которых он должен был найти «правильный ответ» на каждый вопрос; можно быть почти уверенным, что он перенесет эту модель поведения на свои взаимоотношения с исследователем. Он может даже испытывать определенное чувство обиды за то, что с ним обращаются, как с «подопытным кроликом», на котором проводится «эксперимент».

Оценка, которую дают друг другу два участника интервью в начале занятий, определяет ту роль, которую намерен исполнять информант и в меньшей, хотя, вероятно, столь же важной мере — исследователь. Информант будет выбирать — несомненно бессознательно — то поведение, которое изобразит его как определенного рода личность, каковой, по его ощущению, он должен быть. Он будет, следовательно, отбирать роль или набор ролей, которые он считает соответствующими моменту, что неизбежно повлияет на языковые факты, производимые им. При этом действуют несколько факторов: подход, избранный по отношению к нему исследователем; хорошее знакомство информанта с интервью и экспериментами и т. д. — и все это коррелирует с личностными характеристиками, возрастом, полом, социальным происхождением и степенью образованности информанта. Многое будет

зависеть от вводного резюме, даваемого исследователем. Нетрудно предсказать различия, порождаемые двумя подходами следующего типа:

(1) «Вы были тщательно отобраны как часть научно обоснованной выборки... Для успеха данного проекта крайне важно, чтобы вы полагались на свой ценный и уникальный опыт при ответах на наши вопросы...» в противоположность (2) «Вы — часть случайной выборки из всего населения страны...»

Первый подход должен заставить информанта почувствовать себя «экспертом», которого искали и к которому исследователь испытывает надлежащее уважение, вследствие чего он может приложить все усилия к сотрудничеству с ученым. Второй подход, напротив, обесценивает индивидуальность информанта, сводя его к простой статистической величине и заставляя его почувствовать, что его ответы не являются по своему существу важными, так что бездумные или случайные ответы будут в такой же мере статистически несущественными, как и он сам был вынужден себя осознавать. Конечно, ни один исследователь не формулирует в действительности свое вводное резюме ни в той заискивающей манере, как (1), ни так грубо, как (2), но всегда имеется опасность, что может создаться впечатление, которое повредит делу.

Само интервью может строиться таким образом, что испортит его результаты. В конечном счете, оно представляет собой «познавательную ситуацию», в которой предыдущие ответы взаимодействуют, создавая последующие ответы, которые могут противоречить друг другу. Какое-нибудь «не знаю», сказанное на раннем этапе, может привести в движение ход мысли, который повлияет на последующий ответ; аналогичным образом, информанты часто чувствуют, что они непоследовательны в своих ответах, высказывают свою неуверенность и выглядят глупо в глазах исследователя.

Некоторые формы интервью, особенно парадигматический лингвистический опрос, могут привести к уклончивым ответам, проистекающим из кажущейся иррациональности и несущественности требуемых ответов. У. Самарин [Samarin, 1967, 140] приводит примеры информантов, произносящих тарабарщину либо от скуки, либо по невнимательности!

8.1.2.2 Ошибки со стороны полевого исследователя

Исследователь, как и информант, тоже человек, и поэтому может оказаться источником ошибок. Особенно значительными представляются следующие два типа: (1) воздействие ведущего интервью, приводящее к ошибкам в ответах информанта; (2) изменение в поведении самого интервьюирующего.

Характер ситуации интервью с его непосредственным личным контактом налагает требования на реакции в отношении информанта, «портящего» данные, которые исследователь пытается собрать. Ему необходимо иметь и развивать чувствительность к своему информанту, а в особенности он должен избегать проявления негативных реакций описанного выше типа. Нетрудно, например, усомниться в ценности диалектных данных, собранных университетским профессором, который начал интервьюирование пожилого сельскохозяйственного рабочего со слов: «Ну что же, я хочу, чтобы вы говорили со мной точно так же, как вы бы говорили со своими друзьями, мой дорогой!»

Точно так же, как интервью является познавательной ситуацией для информанта, оно является таковой и для исследователя, и даже в большей степени, поскольку он, в отличие от информанта, имеет определенный опыт, а также, возможно, уже проанализировал данные предшествующих опросов, что может создавать экспектации относительно того, что он рассчитывает найти в интервью. Он может тенденциозно исказить данные, подводя информанта к ответам, которые он ожидает услышать. Действительно, это отнюдь не пустой вопрос, остается ли исследователь после серии интервью тем же лицом, каким он был в начале.

8.1.2.3 Ошибки в технике выборки

Социолингвистика, подобно социальной антропологии и другим базирующимся на эксперименте социальным наукам, все еще находится в стадии развития, когда необходим сбор данных, прежде чем могут быть сделаны значительные обобщения. Следовательно, в своей методике она должна воспринять и освоить многое из того, что присуще технике полевой работы в антропологии, социологии и т. д. Мы видели выше (1.5), насколько коррелирована первая полевая работа, когда мы пытались проде-

монстрировать ковариацию между языковой и социальной структурой и, опираясь преимущественно на корреляцию языковых форм с демографическими характеристиками, выделить и описать региональные и социально-классовые диалекты. Тот факт, что за последнее десятилетие акцент сместился вначале на стилистическое варьирование, а затем на более динамичное понимание социолингвистики как дисциплины, ищущей определяемые правилами закономерности языкового употребления, по-прежнему оставляет исследователя в положении нуждающегося в данных, из которых он мог бы вывести свои правила или на фоне которых проверить свои гипотезы. Поэтому весьма существенный опыт, накопленный в области социальных наук, продолжает иметь важные последствия для полевого исследователя-социолингвиста: по всей вероятности, ошибки возникают вследствие неправильной выборки, что одинаково применимо как к социолингвистическому, так и к любому этнографическому исследованию. В наши намерения не входит детальное рассмотрение проблем выборки, поскольку имеется ряд кратких введений в эту тематику (ср. [Moser and Kalton, 1971; Wakeford, 1968; Stacey, 1969]); укажем лишь три момента, представляющих определенную важность для социолингвиста как полевого исследователя: (1) ограниченность выборки населения, (2) нестабильность населения во времени и (3) в пространстве.

Невозможно, конечно, в большинстве обследований опросить для сбора данных все население, которое интересуется исследователя, да в этом на самом деле и нет необходимости. Степень надежности частичной выборки давно известна представителям социальных наук, и известна, следовательно, степень ошибки, которая должна ожидаться (ср. [Galtung, 1967]). Имеется, однако, опасность чрезмерной и недостаточной представительности испытуемых, особенно если принимается методика интервью «от дома к дому»: те, кто чаще всего открывают на стук, явно будут представлены сверх необходимости — это дети, старики и женщины. Даже опросы общественного мнения неспособны обычно охватить около 15% всего населения: 10%, вероятно, отказываются отвечать и еще 5% постоянно недоступны по разным причинам.

Кроме того, состав населения со временем изменяется, что оказывается важным фактором, если данные собираются в течение длительного периода и если делается по-

пытка соотнести информацию из более ранних исследований с информацией, собранной позже.

Даже если ошибки, восходящие к ограниченности доступа, принимаются во внимание, население варьирует также в пространстве, т. е. обследование на уровне страны рискует исказить свои результаты вследствие региональных различий между выборками, в остальных отношениях вполне согласованными.

Однако, хотя таких источников ошибок и нельзя избежать, их искажающее воздействие может быть значительно смягчено, если оно статистически квантифицировано компетентным специалистом; в этом факте мы видим еще один довод в пользу создания междисциплинарных коллективов для ведения социолингвистических полевых исследований, а также предостережение нам против попыток быть одновременно лингвистами, социологами, математиками, полевыми исследователями и психоаналитиками.

8.1.2.4 *Этические проблемы*

Пока лингвистическое исследование ограничивалось описанием закрытой системы кода (см. 2.3.1 о языке как закрытой системе) посредством понятий и методов естественных наук, никаких этических проблем, по-видимому, не возникало. Объектом анализа были либо данные, полученные от одного индивида, отдававшего себе отчет в целях исследователя, использующего его как информанта, либо исследователь был сам для себя информантом в том смысле, что данные, с которыми он работал, были получены путем самонаблюдения. Но с того момента, как язык начинает рассматриваться как открытая система, а целью исследования становится обнаружение правил употребления языка, особенно когда оно представляет собой разговорно-непринужденную речь (см. 8.1.1.7—8), сбор данных выдвигает, помимо уже обсуждавшихся проблем, также серьезную этическую проблему. Организм, за которым мы хотим наблюдать и чье поведение мы хотим исследовать, — это человек, такой же, как мы сами, одинаково достойный уважения и внимания (см. обзор этого вопроса в [Barnes, 1963; Healey, 1964]).

Можно, с одной стороны, доказывать, что такая крайность, как неограниченное вторжение в личную жизнь посредством скрытых записывающих устройств и прибегание к обману в широком масштабе, оправдана «во

имя науки». С другой стороны, исследователь, напротив, может чувствовать себя не в праве принять идею «наблюдений за частным поведением, даже технически осуществимых; без явного разрешения и полной информированности соответствующего лица» ([Shils, 1964], цит. в [Webb, op. cit., VI]). Такой исследователь мог бы даже возразить против искусственного создания взаимопонимания посредством неискренней теплоты и заинтересованности, скрывающей подлинные намерения полевого исследователя. В виде другой крайности может выдвигаться такое возражение, что даже включенное наблюдение (*participant observation*) без предварительного раскрытия целей исследования является «морально отвратительной махинацией» [Shils, *ibid.*].

Следовательно, этические проблемы, возникающие в социолингвистике в связи с технической возможностью получения крайне необходимых скрытых регистраций естественной речи, все еще ждут своего решения. Мы нуждаемся «...в точном определении разнообразных интересов, которым потенциально угрожает социально-научное исследование: личная жизнь индивида, его свобода от махинаций, защита атмосферы доверия, от которой зависит общество, и, что отнюдь не последнее по важности, хорошая репутация социальных наук» [Webb, op. cit., VII].

8.1.3 Проблема теоретической адекватности

Если принять определение теории как «множества гипотез, структурированных отношением импликации, или выводимости» [Galtung, op. cit., 451], то нетрудно заметить, что адекватность теории зависит от того, насколько хорошо она способна определять эти конструкты, или гипотезы. Было предложено два типа определений [Torgerson, 1957, 4]: (1) в терминах других конструктов — *конститутивное* определение, или (2) в терминах непосредственно наблюдаемых данных — *эпистемическое*, или *операциональное* определение.

Удовлетворительная теория будет с необходимостью содержать конструкты обоих видов, обеспечивая тем самым как внутреннюю непротиворечивость, так и внешнюю обоснованность. Высокоразвитые науки — естественные науки в общем — обычно развивают теории именно этого типа, в котором конструкты соотнесены с данными и установлены правила соответствия, связываю-

щие два типа конструкторов в целостную и эмпирически обоснованную модель. Именно это предполагалось в предшествующем обсуждении систем, правил и моделей в лингвистике, и было высказано предположение, что ортодоксальное понимание целей лингвистики, проявляющееся в теориях и моделях современных трансформационно-генеративных описаний языкового кода, может оцениваться под углом зрения, одинаково применимым и к естественным наукам (см., в частности, 1.1 и 2.3).

8.1.3.1 Адекватность лингвистической теории

Н. Хомский — вначале в 1964 г., а затем более детально в 1965 г. — предложил различать три типа или степени адекватности, которыми должна обладать удовлетворительная лингвистическая теория: обсервационная (адекватность наблюдения), дескриптивная (адекватность описания) и экспланаторная (адекватность объяснения) — см. [Chomsky, 1965, 24—27, 30—37]. Обратимся к каждому из указанных типов и рассмотрим, насколько такие критерии применимы и релевантны по отношению к социолингвистическим теориям.

Адекватность наблюдения — наиболее слабая форма адекватности, требуемая от теории (и опущенная в книге Хомского 1965 г.); она достигается в тех случаях, когда теория обеспечивает анализ, минимально согласованный с наблюдаемыми исходными данными, т. е. теория должна, по крайней мере, содержать конструкторы, определяемые в эпистемическом, или операциональном плане. Мы увидим ниже, что даже эта адекватность труднее достижима, чем может показаться с первого взгляда, когда методика науки зависит от исходных данных, собираемых «в реальной действительности», но что этой адекватности гораздо легче удовлетворить, если сами данные существенно идеализируются и добываются посредством самонаблюдения, а не полевых методов.

Адекватность описания — более высокая форма адекватности, предполагающая, что теория «создает для каждого естественного языка описательно адекватную грамматику» [Chomsky, op. cit., 24], причем такая грамматика рассматривается как описательно адекватная «в той мере, в какой она правильно описывает внутреннюю компетенцию идеализированного носителя языка» [ibid.]. Такая грамматика должна стремиться как к внутренней непротиворечивости, так и к внешней обоснованности,

упомянутой выше, и должна, сочетая конститутивные и эпистемические конструкторы посредством правил соответствия, отвечать исходным критериям удовлетворительной теории (см. 8.1.3).

Адекватность объяснения — высшая форма адекватности, достигаемая в тех случаях, когда теория удачно «выбирает дескриптивно адекватную грамматику на основе исходных языковых данных» [ibid.]. Теория, удовлетворяющая этому уровню адекватности, должна фактически служить средством принципиального выбора между конкурирующими грамматиками, с тем чтобы отобрать «наилучшую» из имеющихся. Экспланаторно адекватная теория, следовательно, будет сталкиваться с задачей оценки по разнообразным критериям того, насколько хорошо выражается внутренняя и внешняя непротиворечивость различных грамматик, т. е. она будет, по существу, теорией теорий.

В настоящее время несколько лингвистических теорий претендуют на адекватность наблюдения и описания, и существуют острые разногласия относительно того, насколько одна из них может считаться лучшей, чем прочие, с ней соперничающие; иными словами, ни одна теория не достигла пока экспланаторной адекватности, и именно это, таким образом, является главной задачей, над которой работают лингвисты-теоретики.

8.1.3.2 *Адекватность социолингвистической теории*

В социальных и «поведенческих» науках, включающих в себя частично социолингвистику и почти полностью социологию языка, проблема оценки адекватности теорий, как можно заметить, является гораздо серьезнее, чем в более зрелых науках. Преимущественно те же самые общие критерии должны применяться и в этом случае, т. е. общие контуры удовлетворительной теории (см. 8.1.3) остаются прежними, и характерные конструкторы и соответствия между ними будут одинаково иметь силу независимо от того, стремится ли данная теория объяснить открытую или закрытую систему; однако эмпирическая ориентация, типичная для социальных наук, делает опору на такие теории особенно проблематичной. Это не означает, что в данных науках отсутствуют наблюдаемые факты и конструкторы. Напротив, в них нет недостатка. Чего недостает, так это четких соответствий между внутренне определяемыми конститутивными конструкторами и

их эпистемическими эквивалентами, выводимыми из внешних эмпирических данных. Эту проблему легче сформулировать, чем решить: соотношенность двух указанных типов конструкторов может *предполагаться*, но редко может быть *доказана*.

Яркое проявление этого можно увидеть в тех трудностях, с которыми мы столкнулись ранее при обсуждении отношения между языковой формой и социальной функцией (см. 3.4.1), а наиболее очевидное свидетельство тому — 13 или более факторов, перечисленных Хаймсом [Hymes, 1972] в его таксономии ситуативных компонентов, играющих определенную роль в личной коммуникации (3.3.2.1). В принципе, изменение любого из этих компонентов может привести к изменению в социальном значении интеракции, но, как мы убедились выше, нам пока не известно, так ли это действительно, являются ли некоторые факторы более сильными, чем остальные, или же определенное воздействие на языковую форму речевого акта окажет изменение любого ситуативного элемента.

Говоря проще, ни одна социалингвистическая теория не достигла даже низшего из указанных Хомским уровня адекватности — адекватности наблюдения. Причина этого кроется, видимо, в характере исходных данных, с которыми социалингвист предпочитает работать (этот вопрос мы рассмотрим подробнее в следующем разделе). Естественно также, что ни одна социалингвистическая теория не достигает ни описательной, ни объяснительной адекватности.

8.1.4 Исходные данные социалингвистики

Мы вновь касаемся вопроса, который был поставлен в начале книги (1.3.1.3) и который лежал в основе многих рассуждений, содержащихся в ней: проблемы данных, с которыми работает лингвист. В лингвистике на протяжении этого столетия стало аксиомой (см. 1.3.1), что данные реальной речи — *parole*, *performance* — не поддаются анализу, так как они слишком изменчивы, поистине «довольно ущербны по качеству» [Chomsky, *op. cit.*, 31], состоя из «неполных высказываний и всевозможных отклоняющихся от нормы выражений» [Chomsky, *op. cit.*, 201, прим. 14]. Лингвистика, следовательно, избрала для описания более идеализированную форму данных — *langue*, *competence* — и достигла в пределах этой огра-

ниченной области заметных успехов. Социолингвист, однако, ищет более широкое определение своих фактических данных, такое, которое позволит ему, по крайней мере, соотнести языковую форму с социальной функцией, а в лучшем случае — создать теорию ситуативно обусловленного употребления языка, объединяющую лингвистические объяснения с объяснениями других социальных наук и формирующую основанную на широком фундаменте семиотическую теорию, в которой будут описываться и объясняться умения человека как носителя и создателя символических систем.

Что же в таком случае представляют собой для социолингвиста «исходные данные»? Это определенно ни идеализированные данные компетенции, ни «ущербные» данные реальной речи (исполнения), а некоторого рода факты, гораздо более близкие по форме к данным, обнаруживаемым этнографом: «...социально осмысленное поведение в пределах данного общества». Имеются, однако, проблемы, связанные с таким определением данных социолингвистического исследования: до какой степени эти данные идеализируются уже самим процессом их сбора, в какой мере они могут использоваться как основа для убедительного обобщения и каково отношение между этими данными и теорией. Ниже обсуждается каждый из этих вопросов.

8.1.4.1 Проблема идеализации

С самого начала следует признать, что совершенно невозможно собирать «сырые» данные. Процесс сбора, будь то наблюдение, регистрация, самонаблюдение или любой другой способ, представляет собой процедуру, идеализирующую исходные факты наблюдаемого явления. Например, даже чрезвычайно подробная фонетическая транскрипция высказывания, включающая его интонационные характеристики, паралингвистические элементы и уточнение контекста, в котором оно встречается, неизбежно упустит какие-то признаки и будет отражать предвзятое мнение исследователя, которое придает определенную «окраску» тому, что он «обнаружил» в ходе наблюдения. Корпус материала, следовательно, будет состоять из частично проанализированных данных. Он будет репрезентацией явления, но не будет, разумеется, самим явлением. Эта проблема характерна отнюдь не для одной лингвистики, но известна любой науке, пытающейся опи-

сывать недискретные явления в терминах дискретных единиц анализа. Что касается лингвистики, то вопрос состоит не в том, могут ли необработанные данные быть собраны без привнесения идеализации, а в том, какова степень идеализации, представляющей собой необходимой для адекватного объяснения явления, которое интересует лингвиста. Мы видели, что ортодоксальные лингвисты избрали весьма идеализированную форму данных, в отличие от социолингвиста, полагающего, что можно и должно принимать более низкую степень идеализации.

Это допущение требует от социолингвиста отрицания «ущербности» реальной речи. Напротив, он должен показать, что речь в большинстве своем по существу грамматична и что ортодоксальный лингвист избегает данных, которые можно было бы с легкостью включить в существующие модели компетенции. У. Лабов [Labov, 1966] продемонстрировал, что неграмматичность повседневной речи есть «миф, лишенный всякого основания в реальных фактах» [Labov, 1971, 165], что «подавляющее большинство высказываний — около 75% — является по любым критериям правильно образованными предложениями» и что правила эллипсиса и универсальные правила коррекции могут учесть запинания и речевые «фальстарты», так что «доля подлинно неграмматичных и неправильно образованных предложений не достигает и двух процентов» [ibid.]. А если это так, то отсюда следует, что самонаблюдение является не только не единственным доступным исследователю методом, но даже не самым пригодным. Лабов объясняет свое расхождение во взглядах на грамматичность повседневной речи с Хомским тем, что многие данные, из которых ортодоксальный лингвист выводит свои положения, были собраны на конференциях, т. е. в тот момент, когда говорящий был *наиболее* озабочен своей речью, стремясь выразить посредством нее сложные понятия и аргументы. Такие данные, по определению (см. 8.1.1.6 — 7), не являются разговорно-непринужденной речью, а именно она, согласно требованиям Лабова, должна быть в центре внимания исследователя-социолингвиста.

Невозможно абсолютно избежать идеализации. Данные, которые мы собираем и стремимся объяснить, поступают в наше сознание из «реальной действительности» через фильтры нашего разума и познавательных процессов, посредством которых мы привыкли членить «действительность». Это наиболее отчетливо проявляет-

ся в фонологии, где давно признается несходство между непрерывными акустическими явлениями речи и дискретными единицами ее восприятия. С. Шейн [Schane, 1973, 4] задает вопрос, касающийся слушающего речь, но представляющий особый интерес: «Если речевой сигнал непрерывен, почему он будет слышаться как прерывистый?», и отвечает: «Вероятно потому, что только таким способом разум может организовать язык. Мы знаем, что люди действительно воспринимают непрерывные явления так, как если бы они были дискретными... В языке перцептивное, субъективное, дискретное преобладает над физическим, объективным, непрерывным» [ibid.]. Абстракция и идеализация неизбежны, но социолингвист предпочитает настаивать на том, чтобы идеализация была по возможности небольшой, ибо чем более идеализированы данные и чем более абстрактно описание, тем более далеким от действительности становится объяснение, призванное ее моделировать. Это, однако, выдвигает вопрос об отношении данных к теории, которым мы займемся ниже (8.1.4.3).

8.1.4.2 Проблема генерализации

Выше мы утверждали, что социолингвист занимается объяснением языкового поведения в его социальном контексте вначале посредством наблюдения и регистрации реального поведения. Мы отметили также, что социолингвист предпочитает работать с данными, не слишком идеализированными и близкими, насколько это возможно, к «действительности», регистрацией которой они являются. Здесь немедленно возникает статистическая проблема: насколько велика должна быть необходимая выборка информантов и в какой мере их поведение должно быть изучено, прежде чем могут быть сделаны обобщающие утверждения? Этот вопрос частично обсуждался выше (8.1.2.3), когда данная проблема была выдвинута, но никакого решения не было предложено. Традиционное опасение лингвистов состояло в том, что потребуется проанализировать большое количество данных, прежде чем могут быть выделены какие-либо нормы [Hockett, 1958, 444], и что без громадного числа данных все, чего можно достичь,— это описания отдельных идиолектов (см. об этом 1.3.1.3). К счастью, полевая работа показала, в соответствии с принципом разговорно-непринужденной речи Лабова (8.1.1.7), что очень небольшое число

информантов обеспечивает в течение относительно короткого интервью адекватные данные, в которых встречаются чрезвычайно регулярные модели употребления, строго коррелирующие с социально-экономическими и стилистическими переменными. Например, в исследовании, проведенном в Детройте [Shuy et al., 1967], всего 25 избранных информантов из общей выборки в 700 человек оказалось достаточно, чтобы подкрепить гипотезу исследователей, касающуюся отношений между языковыми и социальными переменными, т. е. основные социолингвистические нормы населения города были обнаружены путем отбора из случайной выборки в 0,035% от общего числа населения крошечной группы индивидов, которые сами представляли не более чем 0,00125% от двух или более миллионов жителей этого города.

Не следует, однако, думать, что в случае Детройта мы имеем отдельный случайный пример вывода общих правил из анализа небольшой выборки. Исследование Лабовым Нью-Йорка [Labov, 1967], Траджиллом — Нориджа [Trudgill, 1974], исследование многоязычия в Африке [Whiteley, ed., 1971] — все они подкрепляют мнение о том, что случайная выборка с последующим тщательным отбором в ней очень небольшого числа информантов выявит данные, которые будут типичны для норм данного речевого коллектива в целом. Было доказано, что это имеет место не только в тех случаях, когда социальная стратификация коррелирует с лингвистическим структурированием выбора между разновидностями «одного и того же» языка, но даже тогда, когда выбор носит межъязыковой характер, т. е. в случае кодового переключения между «разными» языками (см. 4.4 и 5.5).

8.1.4.3 Проблема отношения данных к теории

Мы упоминали ранее (2.4.2) о различии между индуктивными методами структурной лингвистики и дедуктивным подходом трансформационно-генеративной лингвистики. Теперь необходимо остановиться на этом подробнее, поскольку указанное различие весьма существенно в связи с обсуждением соотношения данных и теории в лингвистике.

Ф. Бэкон (1561—1626 гг.) суммировал имеющиеся методы научного исследования в замечательной аналогии. Он видел три подхода: подход паука, плетущего предмет из собственного нутра; подход муравья, просто собираю-

щего, и подход пчелы, собирающей и упорядочивающей. Хотя в действительности, как указывает Рассел [Russel, 1946, 566], это несправедливо по отношению к муравью, различие между «паучьеподобным» дедуктивным методом и индукцией пчелы иллюстрирует несхожие методы трансформационной и дотрансформационной лингвистики. Мы же особенно заинтересованы здесь рассмотрением того, какой подход наиболее пригоден для социалингвистического исследования.

Кардинальное различие между двумя этими подходами может возводиться к двум противоположным взглядам на природу человеческого знания. Для представителей трансформационной лингвистики знание обнаруживается посредством интуиции и самонаблюдения: теория постулируется на основе развитой интуиции и выверяется путем выведения логических следствий из теории и их экспериментальной проверки. Следовательно, теория предшествует данным и до некоторой степени предопределяет, что должно быть принято в качестве веских данных. Результатом этого в лингвистике было, как мы уже не раз отмечали выше, ограничение области исследования этой дисциплины теми данными, которые порождаются грамматикой, и никакими другими. Еще одним важным последствием применения гипотетико-дедуктивного метода исследования является то, что исследователь должен уже обладать объектом описания, т. е. данная процедура в ее крайней форме не может действовать, если лингвист не является коренным носителем исследуемого языка.

Как это согласуется с нашими концепциями целей социалингвистики? В известном смысле коренной носитель языка может мыслиться как обладающий не только языковой компетенцией, доступной описанию с помощью гипотетико-дедуктивного метода, но также коммуникативной компетенцией (см. ниже 8.3 подробное обсуждение этого понятия), которая должна быть в принципе одинаково доступной описанию в рамках того же интроспективного подхода. Однако намного больший ассортимент параметров, привлекаемых для обнаружения регулируемой правилами системы реального употребления языка, делает метод самонаблюдения в настоящее время непригодным, хотя через длительное время когнитивная социология языка будет нуждаться в такой методике, если она должна достичь цели обнаружения универсальных черт, связывающих чрезвычайно абстрактным обра-

зом не только базисные характеристики внешне различных языковых структур, но и столь же универсальные признаки употребления человеком языка.

В настоящее же время, как представляется, социолингвистика твердо придерживается обратного, ориентированного на данные подхода, который ведет от данных к теории посредством индуктивного цикла (термин У. Кука [Cook, 1969, 3 сл.]), основанного на допущении, что к знанию приходят от свидетельств, собранных посредством разума: наблюдаются факты, постигается структура, на основе этого формулируются гипотезы, формирующие первоначальные контуры теории, которая затем подтверждается или отрицается сравнением с наблюдаемыми данными. Следовательно, индукция представляет обратное, в сравнении с дедукцией, отношение между теорией и данными: вначале данные, затем теория, т. е. от фактов к теории и затем к новым фактам, по циклическому принципу.

Индукция, таким образом, имеет то преимущество, что держится относительно близко к своим данным и настаивает на постоянном «возобновлении связи в опыте», за что ратовал Фёрс в своей лингвистической теории в 30-е годы [Firth, 1957, 22]. С другой стороны, этот подход в его крайней форме обладает определенной слабостью, создавая всего лишь перечни явлений — таксономии, которые сами по себе не являются правилами. Очевидно, следующим шагом должна быть попытка обнаружить доступные генерализации отношения между единицами в пределах таксономий, которые затем послужат основанием для создания более абстрактных и в конечном счете универсалистских правил. В настоящее время, следовательно, социолингвистика имеет в качестве своей главной цели обнаружение — вначале для конкретных речевых коллективов, а в итоге для универсального понятия «речевая общность» — системы, содержащей «набор коллективных норм, действующих принципов, стратегий и ценностей, которые направляют порождение и понимание речи — коллективные базисные правила говорения» [Bauman and Sherzer, 1974, 7].

8.1.5 Резюме

В этом разделе мы рассмотрели несколько тем, затронутых или предполагавшихся в предыдущих главах. Главной среди них был вопрос об отношении теории к дан-

ным в социалингвистическом исследовании и о соответствующем способе их соотнесения. Мы видели, что в обозримом будущем социалингвистика останется верной эмпирическому, ориентированному на данные подходу, который обеспечивает объяснение явлений посредством индукции, а не дедукции, типичной для «ортодоксальной» лингвистики.

Такой метод имеет свои сильные и слабые стороны и, в частности, предполагает вопросы практического и этического характера, возникающие в ходе полевой работы, с необходимостью сопутствующей эмпирическому подходу к объяснению явлений языка при его употреблении. К счастью, социальные науки имеют существенный опыт в этой области, на который социалингвист может опереться, и — что еще более удачно — реальные исследования показали возможность использования весьма небольших выборок данных, способных служить достаточно солидным основанием для формулировки правил, обладающих высокой степенью обобщенности даже для крупных речевых коллективов.

8.2 ДИСКУРС: СИТУАТИВНО ОБУСЛОВЛЕННОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ЯЗЫКА

При обсуждении допущений и аксиом современной дескриптивной лингвистики мы отмечали (1.3.1.3), что для огромного большинства лингвистов предложение составляло высший предел исследования и что социалингвистическое описание должно пойти дальше и попытаться обнаружить языковые структуры, в которых предложения — или лучше сказать «высказывания» — сами образуют составные части.

В описании дискурса — языкового уровня, лежащего выше уровня предложения, — различаются три подхода [Widdowson, 1971]: анализ *кода*, *текста* и *дискурса*. Ниже мы поочередно рассмотрим каждый из них.

8.2.1 Анализ кода

Кодовый анализ, именуемый А. Хиллом *микролингвистикой* [Hill, 1958], был традиционным подходом к описанию языка на протяжении этого столетия. Структуралистские методы влекли за собой обращение к языковым отрезкам, превосходящим предложения, — к «текстам», устным или письменным, но аналитическая процедура

сосредоточивалась на предложении как на самой крупной единице и стремилась продемонстрировать, (1) как отдельные предложения строятся из «непосредственно составляющих», т. е. единиц меньшего объема, и (2) как предложения, содержащие различные лексические элементы, могут рассматриваться в качестве репрезентантов одной и той же «структурной схемы» (pattern). Трансформационно-генеративная лингвистика также стремилась продемонстрировать по существу те же виды отношений, хотя и радикально отличными методами. Оба подхода ограничивались установлением процессов и отношений внутри предложения — субъекта к предикату, именной составляющей к глагольной составляющей и т. д., — и ни один из них не касался внешних по отношению к предложению связей, сцепляющих одно предложение с другим в пределах связного текста.

8.2.2 Анализ текста

Еще до того, как Хилл предложил различать *микро-* и *макролингвистику*, ряд представителей дескриптивной лингвистики, недовольных препятствиями, воздвигаемыми предложением как предельной единицей описания, обратились к тому, что они называли «анализом дискурса», но что мы назовем — по причинам, которые станут ясными ниже, — «анализом текста». Главным среди них был З. Хэррис, который в двух пионерских работах [Harris, 1952a, 1952b] попытался показать синтаксический и семантический механизмы, посредством которых предложения соединяются в связный текст. Нет нужды подробно описывать здесь методику Хэрриса, хотя вполне можно было бы сказать, что во многом она представляет собой попытку применения испытанных методов фонологии — понятий фонемы со свободными и обусловленными аллофоническими вариантами — к связанным текстовым данным. Основной вклад Хэрриса состоял в том, что он (1) вновь подтвердил необходимость включения семантических соображений в процедуру, обычно воспринимавшуюся как синтаксический анализ (этот вопрос по-прежнему горячо дебатруется даже сейчас), и (2) заложил основу для дальнейшей работы над стилистической вариацией, что привело к появлению полезного понятия «регистра» (см. комментарии по этому вопросу в 1.4.3.1).

Исследования регистра [Halliday et al., 1964; Gregory, 1967; Crystal and Davy, 1969] (см. 3.3.1.2 и 3.3.1.3) имели

общую предпосылку: языковые формы должны считаться первичными, а «ситуативные факторы», с которыми они находятся в отношении совместной встречаемости, вторичными, т. е. данная методика требовала, чтобы форма соотносилась с функцией, но чтобы функция рассматривалась как зависимая переменная. Такой подход, будучи, по терминологии Хилла, явно макролингвистическим, не был социолингвистическим, так как основной акцент делался на тексте и на отношениях между элементами текста, и лишь во вторую очередь обращалось внимание на функции этого текста при использовании его как части человеческой коммуникации.

В еще большей мере узколингвистическим было исследование Р. Хейсэна [Hasan, 1968], сосредоточенное на связанности предложений и иллюстрируемое анализом таких черт, как прономинализация, анафорическая и экзофорическая референция и т. п.

Все эти подходы удобно назвать «анализом текста» ввиду концентрации внимания на корреляции между языковыми формами как показателя текстуальной связности. Вследствие того, что они отличаются строго формальной ориентацией, их можно считать противоположными более функциональным и социолингвистическим методам анализа дискурса, к рассмотрению которого мы переходим.

8.2.3 Анализ дискурса

Кроме анализа текста, мы находим ряд подходов, названных анализом дискурса [Widdowson, *op. cit.*], которого мы уже касались по крайней мере при обсуждении таксономии Хаймса (см. 3.3.2.1).

В анализе дискурса можно заметить две противоположные линии исследования: исследования стилистов с их попытками установить структуру *повествования* ([Chatman, 1969; Todorov, 1966; Barthes, 1966], а также под несколько иным углом зрения [Levi-Strauss, 1972]) постулирующие повествовательные единицы типа эпизодов, событий и т. п., и социально ориентированные исследования лингвистов и лингвистически ориентированные труды представителей социальных наук (например, этнометодологии, о которой мы будем говорить ниже, см. 8.4.3).

Здесь мы ограничимся кратким обзором одного фрагмента современных исследований, имеющего последст-

вия не только для описательной социолингвистики, но и для применения социолингвистической информации в прикладной лингвистике (к чему мы вновь вернемся в 8.4.5): анализа дискурса в аудиторной ситуации [Sinclair and Coulthard, 1975].

Опираясь на теоретические положения Хэллидея [Halliday, 1961] — любопытно, что он считает себя представителем неофёрсовского направления, — Дж. Синклер и Р. Коултард разработали систему анализа для описания языка, используемого преподавателями и учащимися, которая зависит от понятия *ранга*: иерархию единиц, располагающихся от наибольшей — *урок* — через последовательно уменьшающиеся единицы — *транзакция*, *обмен*, *поступок* — к наименьшей единице — *акт*. Каждая единица проявляется благодаря встречаемости в ней хотя бы одной единицы более низкого ранга, и предполагается, что аудиторная интеракция или, по крайней мере, ее языковые компоненты, образует упорядоченную последовательность транзакций, обычно с отчетливыми границами в начале и в конце, составленных из обменов, которые сами состоят из поступков, в свою очередь состоящих из актов. Авторы нашли некоторую корреляцию, как можно надеяться, между неязыковой организационной иерархией — курс, период, тема — и их собственными уровнями в пределах дискурсной шкалы, а также между ней и шкалой синтаксических рангов: *предложение*, *часть предложения*, *словосочетание*, *слово*, *морфема*. Эта корреляция, конечно, отнюдь не безупречна, но, например, темы обычно соотносятся с транзакциями, поступки — с предложениями, а акты — с фрагментами предложений (*clauses*).

Много еще предстоит сделать, и многие теоретические проблемы, в большинстве своем имеющие важные практические последствия, все еще остаются нерешенными; так, очевидно, верно, что язык взрослых многофункционален, т. е. неоднозначен, но столь же верно, что в конкретной ситуации имеется, по-видимому, «предпочтительное прочтение» для любого высказывания. Представим себе водителя, интерпретирующего высказывание полицейского: «Не пройдете ли вы со мной в полицейский участок?» с точки зрения его синтаксической структуры, т. е. как вопрос, требующий ответа «да/нет», а не с точки зрения его функции, т. е. как приказ! И тем не менее описанная система, какой бы несовершенной она пока ни была, вселяет значительную надежду в связи с ана-

лизом дискурса и в настоящее время распространяется на другие сферы интеракции, например, заседания комиссии [Bell, 1975) телевизионные интервью [Pearce forthcoming] и т. д.

8.2.4 Резюме

Недавние исследования языковых структур, превышающих размеры предложения, стали сдвигать лингвистику в область макролингвистики и в направлении к традиционным подходам к языку, принятым в риторике. Некоторые лингвисты продолжают работать над обнаружением механизмов, посредством которых лексическая связность манифестируется в тексте использованием механизма сцепления предложений. Такое исследование было названо *анализом текста* и представлено, в частности, нелитературной стилистикой — часто под неформальным наименованием *регистра*. Кроме того, расширяются исследования *дискурса*, в которых акцентируется риторическая связность отрезка дискурса, способствующая спаянности его как языковой интеракции. Такие исследования не просто указывают, как одна форма связывается с другой, но ставят в центр внимания функции и языковые средства, имеющиеся в распоряжении носителя языка, когда он пытается принять участие в коммуникации. Еще один подход к описанию более длинных языковых отрезков можно найти в трудах специалистов по литературной стилистике и антропологов, которые стремятся обнаружить структуру в повествовании и мифе, предлагая иерархии единиц повествования.

Следовательно, исследование дискурса (в самом общем смысле этого термина) может рассматриваться как связующее звено между несколькими дисциплинами и подходами, объединенными подобными, если реально не общими, стремлениями, что служит еще одним счастливым предзнаменованием для тех, кто желает видеть лингвистику вновь признанной в качестве социальной и человековедческой науки.

8.3 КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

На протяжении всей книги мы ссылались, прямо (1.3.1.1, 1.5.1.2, 3.2.1) или косвенно (1.4.2, 3.1, 4.3.2), на понятие *коммуникативной компетенции* — знания, которым обладает носитель языка и которое касается не только фор-

мального кода, но и социальных последствий языковых выборов, доступных ему в процессе использования языка в течение его жизни, когда он выступает в качестве участника речевых событий, образующих столь важный конституент человеческого общества. Поэтому мы обратимся в этом разделе к рассмотрению трех ключевых тем: отношение между языковой и коммуникативной компетенцией, функции коммуникативной компетенции как некоторого рода смешивающего устройства, соотносящего наличные языковые формы с социальными функциями, и отношение между «идеальным» и «реальным» в теории коммуникативной компетенции, иллюстрируемой мнениями двух ученых — Д. Хаймса и Ю. Хабермаса.

8.3.1 *Языковая и коммуникативная компетенция*

Понятие языковой компетенции, предложенное Хомским и принятое большинством ортодоксальных лингвистов, не нуждается здесь в пространном обсуждении, но зато сопоставление его с понятием коммуникативной компетенции явно уместно.

Языковая компетенция понимается как врожденное знание, присущее идеальному говорящему-слушающему и позволяющее ему создавать и распознавать грамматически правильные предложения на его языке. Это понятие, в соответствии с представлением о языке как о закрытой системе (см. 2.3.1 о различии между открытыми и закрытыми системами), касается знания кода, что предполагается способностью идеального говорящего-слушающего судить о грамматичности или неграмматичности предложений вне контекста. С семиотической точки зрения [Morris, 1946], компетенция относится к знанию синтаксиса, и именно в этих четко очерченных пределах был достигнут значительный прогресс в лингвистике за два последних десятилетия. Однако выше (1.5.1.2), при обсуждении сильного требования социолингвистики, выдвинутого Сёрлем, мы отмечали, что имеются серьезные основания для расширения этих пределов путем включения социальных аспектов использования языка, и именно к усилиям в этом направлении мы теперь обратимся.

Коммуникативная компетенция, строящаяся на понятии языковой компетенции, может рассматриваться как врожденное знание, позволяющее носителю языка создавать и понимать высказывания — вводить в оборот зна-

ки коммуникативных актов — в контексте. Такое знание, очевидно, касается уровня дискурса, в котором язык действует как открытая система в постоянном взаимодействии со своим окружением, а потому оно представляет собой пример прагматического знания, частью которого являются синтаксические и семантические знания. Уточнение коммуникативной компетенции может считаться попыткой определения не только того, каким образом носитель языка оказывается способным судить о грамматической правильности, но и его способности распознавать то, что приемлемо в качестве речевого акта в некоторой социальной ситуации.

Такое понимание компетенции предполагает коррелированность языковых и социальных навыков и знаний и требует от социолингвиста построения удовлетворительной модели, которая бы точно определяла «правила говорения», позволяя описать и объяснить ситуативно обусловленное употребление языка. Мы вернемся к этому вопросу ниже (8.3.2), но прежде всего хотелось бы рассмотреть, что понимается под «знанием» языка.

Сёрль [Searle, 1969, 14 сл.] в своем кратком обсуждении отношения между врожденным знанием и доступом к этому знанию, имеющимся у его обладателя, отличает знание «как» от знания «что». Это различие имеет определенную важность, поскольку главная проблема в передаче знания состоит в его формулировании посредством некоторой легко доступной и общепринятой кодификации. Идеальный говорящий-слушающий вполне может обладать молчаливым знанием структуры и потенциальных возможностей своего языка, но извлечь это знание и сделать доступным другим — это ключевая методологическая, а по существу, и философская проблема. Следует проводить различие между характеристикой разговора, с одной стороны, и его объяснением, с другой, и уяснить себе, что способность вообще вести разговор предполагает и делает возможным его описание и объяснение. Начав с таких допущений, Сёрль следующим образом излагает свои намерения: «Я хочу предложить определенные характеристики и объяснения моего использования элементов... языка. Гипотеза, из которой я исхожу, состоит в том, что в основе моего использования языковых элементов лежат определенные правила. Поэтому я предложу лингвистические характеристики, а затем объясню факты, встречающиеся в этих характеристиках, посредством формулирования базисных правил» [ibid.].

Это, по существу, та программа, которой должен придерживаться также исследователь коммуникативной компетенции: генерализация, основанная на индуктивных или на дедуктивных методах и приводящая к формулировке правил, объясняющих это генерализованное поведение.

8.3.2 *Природа коммуникативной компетенции*

В значительной части этой книги (особенно в главах 3—5) делается попытка описать и объяснить сложное явление человеческой коммуникации посредством языка. В процессе этого мы коснулись многих элементов, которые следует включать в модель коммуникативной компетенции,— широкий диапазон коммуникативных каналов и содержания, наличный у носителя языка, и его способность на основе этого содержания и своих намерений выбирать из своего репертуара языковых и социальных навыков подходящее средство передачи значений. Точно определить коммуникативную компетенцию — это ни больше ни меньше как объяснить путем постулирования базисной системы правил, каким образом говорящий может так оперировать всеми этими элементами, чтобы быть способным порождать речевые акты, соответствующие речевым событиям, в которые он вовлечен, т. е. необходимо предложить правила говорения, на основе которых человек участвует в социальной жизни как активный член человеческого коллектива. Задача эта огромна, и пока что могут быть сделаны лишь наброски ее решения. У нас имеются богатые свидетельства того, что нормальные люди даже в раннем возрасте исполняют большое число ролей, функционирующих в пределах наборов ролевых отношений с другими исполнителями, и что этим интеракциям приписываются соответствующие формы поведения, некоторые из них — языковые. Все говорящие, следовательно, владеют обширными репертуарами кодов, на которые они опираются. Более того, «реально-временной» характер устной коммуникации делает неизбежными и частыми быстрый пересмотр и реальное кодовое переключение на основе обратной связи, причем не просто в пределах одного языка в форме смены «стиля», но, как мы видели (5.5), между языками в тех случаях, когда в речевом коллективе имеется значительное число билингов. Так что мы сталкиваемся с проблемой выяснения не только того, как коммуникативная компетен-

ция действует в качестве устройства для соотнесения языковых выборов с социальными функциями, но и того, как такие корреляции переоцениваются в процессе речевых событий говорящим, свободно владеющим языком.

Д. Хаймс [Hymes, 1971] указывает исходный пункт. Выше (3.3.2) мы воспользовались его акронимом SPEAKING как удобной мнемонической формулой компонентов коммуникативной ситуации. Мы можем теперь обратиться к его следующему предположению, связанному с проблемой оценки высказываний как основы конструкционного скелета для модели коммуникативной компетенции.

Отвергая предложенное Хомским резкое разграничение компетенции и исполнения, при котором оценка на грамматическую правильность делалась относительно компетенции, а на приемлемость — относительно исполнения (языкоупотребления), Хаймс полагает, что адекватная теория употребления языка должна принимать в расчет четыре различных вида оценки, из которых только один является грамматическим в понимании Хомского. Оценки языка, соотносимого с социальной ситуацией, зависят от следующих моментов.

1) Является ли нечто, и до какой степени, *формально* возможным. В лингвистических терминах «формально возможное» означает, безусловно, «грамматичное», но это различие в равной мере применимо и к уровню культуры, так что можно ставить вопрос, является ли некоторый акт формально возможным в рамках норм конкретной культуры.

2) Является ли нечто, и до какой степени, *осуществимым*. Это представляет собой один аспект языка, содержащийся в понятии «приемлемого» [Chomsky, 1965, 10—15] и относимый к изучению исполнения. Абсолютно или до некоторой степени невозможные высказывания иллюстрируются такими признаками, как конструкции с гнездованием, самовставлением, многочленным ветвлением, в которых вступают в действие психологические факторы, связанные с ограниченностью памяти, восприятием и т. п., превращая такие предложения в «причудливые и дикийвинные» и недоступные «мгновенному пониманию без анализа с помощью карандаша и бумаги» [ibid.].

3) Является ли нечто, и до какой степени, *допустимым*. Этот аспект опять-таки был затронут Хомским и относился, например, к «интонационным и стилистическим факторам», т. е. такие факторы, хотя и включаемые

в «исполнение», явно предполагают «правила говорения» и суждения о допустимости, что должно относиться к взаимосвязям между сценами, участниками, каналами и языковыми формами.

4) Является ли нечто, и до какой степени, *практикуемым*. В трансформационно-генеративной теории этот аспект последовательно игнорировался, так как частота встречаемости не представляет интереса для грамматиста, занятого в первую очередь вопросом возможности в формальном смысле этого термина (см. выше).

Ниже мы будем учитывать и этот элемент оценки на приемлемость вслед за тремя прочими, поскольку их формулировка предполагает, что степень реализации чего-либо является, во всяком случае, частью его возможности, осуществимости и допустимости.

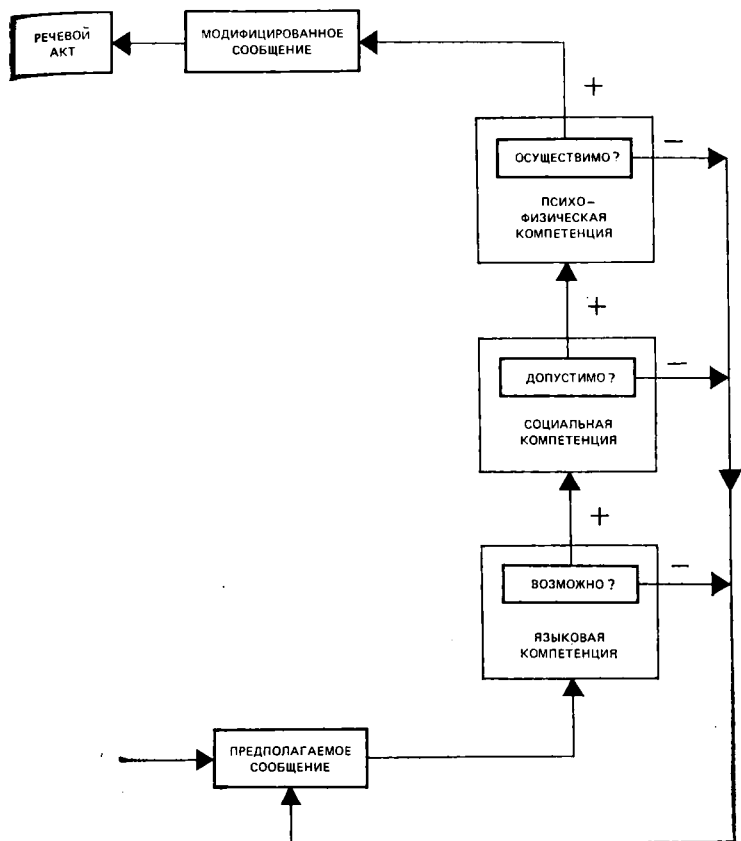
В общем смысле коммуникативная компетенция может мыслиться как охватывающая все связанные с говорением и пониманием способности носителя языка использовать последний в коммуникативных ситуациях. Насколько идеализированными должны считаться этот говорящий или эти ситуации, мы обсудим ниже (8.3.3) после размышлений о природе коммуникативной компетенции.

Хаймс предполагает далее, что понятие коммуникативной компетенции зависит от признания двух аспектов, прежде четко разграничиваемых: интуитивное знание и способность использования. Суть в том, что одно дело — *знать*, а совершенно иное — *делать*. Это, однако, не переоценка разграничения компетенции — исполнения, а включение в понятие коммуникативной компетенции части того, что прежде именовалось «исполнением», поскольку исполнение в понимании Хомского представляло собой не только способность употребления, но и реальное употребление, т. е. исполнением были одновременно некоторые из «грамматически несущественных условий... в применении... знания языка» при его реальном употреблении [Chomsky, op. cit., 3] и «реальное использование языка в конкретных ситуациях» [Chomsky, op. cit., 4] — отчасти довод в пользу существования определенных данных и сами эти данные.

Это имеет важные последствия для лингвистической теории в целом. Наибольший интерес представляет необходимость признания того, что попытка объяснения свойства «созидательности», столь типичного для человеческо-

го языка — «средства для выражения неограниченного числа мыслей и для реагирования соответствующим образом на неограниченное количество новых ситуаций» [Chomsky, op. cit., 6], предполагает социально-культурную ориентацию на данные. В то время как ортодоксальная лингвистическая теория начинала с формальных свойств кода и двигалась от них к социальной функции, новая социолингвистическая ориентация, или точнее, ориентация социологии языка должна начинать с функции и двигаться в обратном направлении к форме. Вместо понимания языка как кода, коррелирующего некоторым образом с социальной жизнью (подход с позиций закрытых систем), теория языка, которая не является, по выражению Соссюра, “hors de sa réalité sociale” — оторванной от его социальной реальности, должна найти обоснование в социально-культурной системе, в которой он функционирует и частью которой является. Эта теория, следовательно, должна трактовать свои данные как отражающие структурированность коммуникативных актов и целей. Такая теория поконит на трех исходных допущениях: (1) что каждое социальное отношение влечет за собой отбор или создание коммуникативных средств, считающихся подходящими в глазах участников, и в то же время оно существенным образом состоит из этих операций; (2) что систематизация этих средств предполагает структуру, которую невозможно обнаружить путем анализа одних только средств; (3) что средства, наличные в любом отношении, обуславливают как его характер, так и его результат. Если мы принимаем этот взгляд на лингвистическую теорию, мы неизбежно принимаем «сильное требование» для социолингвистики, выдвинутое Сёрлем, т. е. что целью лингвистики является — и это не оспаривается наиболее ортодоксальными лингвистами — изучение *langue*, или компетенции, но что адекватное изучение *langue* состоит в изучении *речевых актов* (см. 1.5.1.2).

Как же в таком случае следует определять природу коммуникативной компетенции и правила, делающие ее действенной? Мы предположили ранее (3.2.1), что коммуникативная компетенция может пониматься как некоторого рода «миксер», выполняющий функцию балансировки имеющихся языковых форм, выбираемых с опорой на языковую компетенцию говорящего на фоне имеющихся социальных функций, которые помещаются в некоей социальной компетенции. Теперь мы вернемся к этому предположению и расширим введенные ранее поня-

тия, видоизменив часть схемы на рис. 3.4 и представив нашу модель в виде новой схемы (рис. 8.1).

Эта модель предполагает, что сообщение должно трижды подвергаться обработке в плане его возможности, допустимости и осуществимости, что эта обработка соотносится с тремя взаимосвязанными компетенциями и что может оказаться необходимым задавать каждый вопрос для каждого сообщения более одного раза. Сообщение должно быть возможным с точки зрения не только его формы, но и его содержания и целесообразности. Подобным же образом, его допустимость зависит от воздей-

ствующих на него социальных факторов, а его осуществимость — от формальных пределов, в которых говорящий может строить сообщение. Мы рассматриваем коммуникативную компетенцию носителя языка как способность взвешивать набор факторов относительно друг друга с тем, чтобы порождать сообщение, удовлетворяющее трем указанным критериям и тем самым могущее функционировать в качестве приемлемого речевого акта. Следует признать, однако, что эта модель в том виде, как она представлена, остается по-прежнему весьма огрубленной. В ходе будущего исследования коммуникативной компетенции необходимо приписать параметры хаймсовского SPEAKING соответствующей компетенции без взаимоналожения, обозначить связи между каждым из них и по возможности показать, имеется ли какое-либо иерархическое отношение между ними, т. е. являются ли некоторые параметры более важными, чем остальные.

Введя понятие психо-физической компетенции, мы фактически решили проблему коммуникативного исполнения как отдельного уровня описания, но теперь перед нами стоит связанная с ней проблема уровня абстракции описания. Мы наметили контуры коммуникативной компетенции с точки зрения «носителей», «ситуаций» и т. п., не оговорив того, представляем ли мы себе эти элементы идеализированными и до какой степени. В полемике относительно коммуникативной компетенции отчетливо выделяются две точки зрения по этому вопросу; одна из них в наиболее типичной форме выражена Д. Хаймсом, другая — Ю. Хабермасом. Ниже мы рассмотрим оба этих подхода.

8.3.3. Два понимания коммуникативной компетенции

В своей формулировке того, с чем в первую очередь имеет дело лингвистическая теория, Хомский [Chomsky, 1965, 3] выдвигает на передний план три аспекта варьирования и заявляет, до какой степени идеализированными он их считает: говорящий-слушающий, речевой коллектив и ситуация реального употребления языка. В его понимании два первых элемента идеализированы, в отличие от употребления, трактуемого не более как результат компетенции. Могло бы показаться, что социолингвисту, пытающемуся определить задачи социолингвистической теории, следует всего-навсего заменить термины Хомско-

го «идеальный» и «однородный» термином «реальный»*. Это, однако, не так, поскольку описание на столь узкой основе привело бы к характеристике коммуникативной компетенции индивидов (социолингвистический эквивалент *идиолекта*), а не групп и коллективов. Некоторая идеализация необходима для того, чтобы было сделано надежное обобщение.

Хаймс занимает позицию, соответствующую его антропологической подготовке: он стремится «...показать, каким образом системно возможное, осуществимое и допустимое оказываются сочлененными для порождения и интерпретации реального культурного поведения» [Hymes, 1971 а, 23], т. е. «изучение языка в контексте антропологии» [Hymes, 1964, XXIII]. Его подход, следовательно, состоит в обращении к реальному говорящему-слушающему в реальном речевом коллективе, чье использование языка он наблюдает в реальном ситуативно обусловленном употреблении. Эти данные в конечном итоге будут систематизированы в модели говорения, а ее правила составят теорию коммуникативной компетенции.

Ю. Хабермас [Habermas, 1970] придерживается более социологического понимания этого вопроса, доказывая, что «...для того, чтобы участвовать в нормальном дискурсе, говорящий должен иметь в своем распоряжении, помимо языковой компетенции, базисные характеристики речи и символической интеракции (ролевого поведения), которые можно назвать коммуникативной компетенцией. Таким образом, коммуникативная компетенция означает совершенное владение приемами идеальной речевой ситуации» [op. cit., 138]. Он в особенности предлагает использовать данный термин в том смысле, в каком Хомский использует понятие языковой компетенции, т. е. коммуникативная компетенция связана с системой правил, порождающих идеальную речевую ситуацию. Он не согласен с пониманием Хаймса, которое он считает ограниченным и преимущественно корреляционным: «языковые коды, соединяющие язык и универсальную прагматику с реальными ролевыми системами» [op. cit., 147, прим. 19].

Как ни контрастны эти два подхода к концепции коммуникативной компетенции, оба они могут рассматри-

* Согласно Хомскому, исследованию подлежит *идеальный* говорящий-слушающий, существующий в совершенно *однородном* речевом коллективе. (Прим. пер.)

ваться как попытки расширить в функциональном направлении «систему правил, которыми мы владеем и [которые] делают возможным понимание нами новых предложений и порождение нового предложения *в соответствующем случае*» (Хомский, *выделено нами*) посредством смещения центра внимания с предложения на контекст его употребления. В конечном счете и Хаймс, и Хабермас преследуют одну и ту же цель; различие между их нынешними установками есть прежде всего различие в степени абстракции, а при отсутствии оценочных процедур (упомянутых в 8.1.3.1) нет никакого способа в настоящее время сделать принципиальный выбор между ними.

8.3.4. Резюме

Смещение акцента с бесконтекстной формы на контекстуализованную функцию предполагает переход от понимания природы языка как закрытой системы к трактовке его как открытой системы, а тем самым расширение того, что подлежит описанию и объяснению, и методов, необходимых для такого описания и объяснения. Утверждается, что лингвистическая теория должна иметь дело не просто с «грубыми фактами» кода, но и с «институциональными фактами» его употребления (термин Сёрля [Searle, *op. cit.*, 50]); чтобы достичь этой цели, лингвистика должна ориентироваться на теорию, объясняющую коммуникативную компетенцию посредством выведения «правил говорения», на которых решающим образом базируется человеческая интеракция. Такие правила должны учитывать степень, до которой речевые акты являются формально, практически и социально возможными и допустимыми в качестве элементов человеческой коммуникации. Мы предположили, что плодотворным подходом может быть рассмотрение коммуникативной компетенции как некоторого рода «миксера», который взвешивает языковые, психо-физические и социальные факторы относительно друг друга и посредством их балансировки добивается таких речевых актов, которые являются приемлемыми на всех трех уровнях.

8.4 ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СОЦИОЛИНГВИСТИКОЙ И ДРУГИМИ ДИСЦИПЛИНАМИ

В этом заключительном разделе мы вновь рассмотрим несколько подробнее некоторые отношения между социолингвистикой и другими дисциплинами, как теоретиче-

скими, так и прикладными, — отношения, на которые мы косвенно ссылались ранее.

Вначале мы сосредоточим внимание на отношениях, которые существуют (или могут быть вызваны к жизни междисциплинарными исследованиями в будущем) между социолингвистикой и науками, которые можно неформально обозначить как «человековедческие». Затем мы рассмотрим, как результаты социолингвистических исследований могут быть использованы в прикладных аспектах этих наук с целью «способствовать решению общественных проблем» [Fishman, 1970, 103].

Прежде чем начать такой обзор, необходимо отметить один важный момент. Для социальных наук характерно отсутствие четких границ между ними. Они представляют собой «континуум с выступающими пиками» [Kjolseth, 1974], причем эти пики получают обозначение, а крайние точки одной дисциплины незаметно растворяются в другой. Можно заметить одну ось, вдоль которой этот континуум располагается: от наиболее конкретного и индивидуального к наиболее общему и, в конечном счете, универсальному в предмете, т. е. от нейрологии через психологию, социальную психологию, микросоциологию и макросоциологию к антропологии. С каждой из них лингвистика имеет реальные или потенциальные связи и пересечения, которые мы ниже рассмотрим.

8.4.1. Социолингвистика и лингвистика

На протяжении всей этой книги мы касались отношений между социолингвистикой, социологией языка и ортодоксальной дескриптивной и теоретической лингвистикой. Нам остается здесь сделать своего рода обобщение, которое, кроме того, укажет путь вперед для социолингвистики и родственных дисциплин.

Мы отмечали выше (1.3.1), что лингвистика в начале этого века отказалась от традиционной исторической ориентации, преобладавшей в XIX в. и ранее, и одновременно исключила из области своих интересов социальные корреляты и мотивации языкового употребления и изменения, предприняв попытку описать язык как логическую и закрытую систему. В течение этого столетия, однако, неудовлетворенность такой асоциальной лингвистикой неуклонно возрастала и привела к появлению социально ориентированной лингвистики — социолингвистики, если принимать слабое требование к ее устремлениям, и со-

циологии языка, если предпочитается сильное требование (см. 1.5.1), цели, методы и проблемы которой составили предмет этой книги. Можно выделить, в частности, две теоретические цели [Shuy and Fasold, 1972, 2]: создание более солидной эмпирической базы для лингвистической теории и утверждение того, что социальные факторы, участвующие в реальном употреблении языка, являются правомерной темой лингвистического исследования. Обе эти цели предполагают интерес к проблемам, прежде игнорируемым или, в лучшем случае, трактуемым поверхностно ортодоксальной лингвистикой: вариации, искусственный барьер предложения и проблема языкового изменения.

Факт вариации и проблемы, создаваемые им при описании и объяснении языка, были главной темой этой книги (особенно главы 2) и поэтому не нуждаются в дальнейшем обсуждении. Можно, однако, отметить один важный момент. Многие лингвисты, склонные считать себя не социолингвистами, а грамматистами, все в большей степени признают, что вариации — это далеко не периферийное по своей важности явление, доступное описанию на вторичном уровне анализа под рубрикой «употребления», и что «...мы должны прямо взглянуть в лицо... тому факту, что вариация занимает центральное место» [Ross, 1973, 129], а из этого следует, что лингвисты должны принимать в расчет не только вопросы «грамматической правильности» относительно засвидетельствованных языковых данных, но также более сложные и социально обусловленные аспекты «приемлемости» узуса. Как следует приходиться к таким оценкам и как их систематизировать в исчерпывающем лингвистическом описании — это вопросы первостепенной теоретической и практической важности, с которыми теперь столкнулась эта дисциплина и в решении которых социолингвистика, понимаемая узко или широко, должна взять на себя инициативу.

Барьер предложения, так долго составлявшего верхний предел исследования, ныне обнаруживает признаки ослабления по мере того, как социально-интеракционный аспект языка получает новую формулировку. Эта формулировка исходит прежде всего от тех, кто исследует дискурс (см. 8.3) и кто эксплицитно или имплицитно отвергает положение Хомского о монологической модели языка, в которой идеальный говорящий-слушающий исключен из интеракции в качестве участника диалога, попеременно сменяющего регулируемые правилами роли го-

ворящего и слушающего [Habermas, op. cit., 131]. А коль скоро предложение принято как наибольшая единица, которую лингвист может описывать, мы вновь выдвинем древнюю дихотомию между грамматикой и риторикой (см. 1.4.2) и вновь начнем предлагать практическую помощь преподавателю языка, будь то L1 или L2 (этот вопрос мы еще затронем ниже).

Языковое изменение также может теперь предстать в новом свете, особенно при применении метода импликационного шкалирования к внешне хаотичным данным (см. 2.4.3 и 5.4); действительно, некоторые исследователи (в особенности Ч. Дж. Бейли [Bailey, 1969]) утверждают теперь, что нет фактически никакого реального различия между синхронической и диахронической лингвистикой и что волны языкового изменения, проходившего через речевые коллективы в прошлом, в значительной мере сравнимы с изменениями, протекающими в настоящее время. Мы уже обращали на это внимание читателя при обсуждении принципа единообразия Лабова (8.1.1), который, по нашему мнению, может рассматриваться как одна из аксиом социолингвистики.

Три этих последствия, вытекающие из попытки создать более связанный с эмпирикой фундамент для лингвистической теории, имеют интересный дополнительный эффект, стирая разграничение между лингвистикой, с одной стороны, и прежде раздельными, но связанными областями диалектологии, риторики и исторической лингвистики, с другой, и вселяют надежду на то, что вскоре может быть достигнуто сближение, ведущее к их взаимному обогащению (см. замечания в 1.4.1 и 1.4.2).

Попытка включить социальные факторы в механизм языкового изменения связана также с тремя ключевыми проблемами: проблемой средств, имеющихся для соотнесения языковых и прежде именуемых «внеязыковыми» явлений; проблемой соотнесения языковой формы с социальной функцией и вопросом о том, до какой степени оценочные установки носителей языка считаются важными факторами в их языковом поведении.

Первоначально социолингвистика была откровенно корреляционной, поскольку она стремилась охватить языковые факты и выработать статистически значимые корреляции между ними и социальными фактами (см. определение Брайта [Bright, 1966] в 1.5), но, как вскоре было указано Лабовым [Labov, 1971, 463], «нет предела числу

корреляций между языковыми и социальными факторами, которые могли бы описываться»; поэтому социолингвистика должна была развиваться из обычной дескриптивной науки, использующей корреляционные методы в оперировании со своими данными, в междисциплинарную науку, занимающуюся «теоретическими проблемами лингвистики, антропологии и социологии... [и] способную, по-видимому, внести значительный вклад в наше понимание языка [и] ...социального поведения» [ibid.].

Попытка соотнесения формы с функцией уже обсуждалась довольно подробно в нашем очерке функциональных моделей языка (главы 3 и 4), но остаются еще два момента, которые необходимо подчеркнуть. Корреляция формы и функции отнюдь не проста отчасти потому, что редко встретится предложение, которому нельзя было бы придать фактически любого значения изменением интонации, жеста, всем остальным его контекстом, включая общие для говорящих и слушающих суппозиции; а отчасти ввиду того факта, что в употреблении языка взрослыми большинство речевых актов полифункционально. Например, на заседании комиссии обычной манерой поведения председателя является выражение в форме вопроса того, что предполагается и принимается как указание: «Не перейти ли нам к обсуждению следующего пункта повестки дня?» — прием, позволяющий также отдельным участникам трактовать это высказывание как вопрос типа «да/нет», не унижая достоинства председателя. То, что «взрослый» язык так очевидно многозначен, но что обычно одно значение принимается как доминирующее в конкретной совокупности обычаев, является главным камнем преткновения для тех, кто занят поиском правил, о которых с определенностью можно полагать, что они регулируют языковую интеракцию людей, и которые образуют такую характерную часть социальной жизни. В настоящее время, однако, мы стоим перед задачей, по-видимому, столь же трудноразрешимой, как и та, которую выдвинул в другом контексте П. Гич [Geach, 1969, 25], говоривший об «изобретении математической формулы, которая выразила бы нынешнюю береговую линию Англии и ее границу с Шотландией!» Но растущий интерес лингвистов-теоретиков не только к семантике, но и равным образом к некоторым аспектам прагматики, а также исследования многих философов, посвященные речевым актам и их связи с языковой формой и социальным использованием — все это в действительности на-

страивает на гораздо более оптимистический лад, по крайней мере, в отдаленном будущем.

Решительное изменение интересов можно заметить в переоценке установки по отношению к языку. Лингвистика стремилась — и это наиболее заметно в нынешнем веке — быть «объективной» в своих суждениях, избегая оценочных суждений, вытекающих из субъективных мнений отдельных носителей о языке. По мере развития теоретических и социолингвистических исследований становилось все более ясным, что оценочные установки часто являются чрезвычайно отчетливыми и последовательными факторами, на которые лингвист может опираться в попытках объяснить сложные и богатые явления человеческого языка. Помимо существенных свидетельств того, что носители языка вполне способны судить о социальных и психологических характеристиках других лиц на основе одних лишь речевых образцов (см. [Harms, 1961], а также широкий обзор вопроса в [Agheysi and Fishman, 1970; Williams, 1973]) — факт, интересный даже с простой корреляционной точки зрения, — в настоящее время быстро становится ясно, что наиболее удовлетворительное определение самого речевого коллектива зависит не от таких трудных измерений, как взаимопонимание (ср. попытки Хоккета в этом направлении, обсуждавшиеся выше в 2.4.1.1), а от отношений его членов к языку и его функциям. Грубо говоря, речевой коллектив может теперь рассматриваться не как группа индивидов, обладающих общим языком, принадлежность к которой обнаруживается путем некоторого объективного измерения сходства в языковой форме, а как группа индивидов, *считающих* себя принадлежащими к такому коллективу (см., например, [Blom and Gumperz, 1972]).

8.4.2. Социолингвистика и антропология

Упоминание о речевом коллективе вполне естественно приводит к рассмотрению отношений между социолингвистикой и антропологией. Эта тема уже затрагивалась ранее (3.1.2), и поэтому мы остановимся здесь подробнее на удивительных на первый взгляд сходствах между целями культурной антропологии и социолингвистики.

Культурная антропология в своих теоретических устремлениях изменяла направление и центр внимания таким же образом и почти в то же время, что и лингвистика на протяжении этого столетия. Вначале, как и в

лингвистике, основной акцент делался на изменении и развитии, когда представители эволюционного и диффузионного подходов искали структурные модели изменения в изучаемых культурах. Вскоре появился новый подход с акцентировкой статического описания, возглавляемый сторонниками функционального направления, которые стремились описывать внутреннюю организацию культуры, сравнивать одну культуру с другой и в конечном счете прийти к универсально применимым законам общества. Сходство между диахроническим подходом прежней теории и исторической лингвистикой и диалектологией и между синхроническим подходом функционализма и структурной и сопоставительной лингвистикой неопровержимо. Сходство это в действительности оказывается даже более глубоким. Представители как эволюционного, так и функционального направления пытались «построить монолитные, единые системы, претендовавшие на объяснение либо культур, либо их развития» [Tyler, 1969, 3], точно так же, как совсем недавно пыталась лингвистика. И, как неизбежный результат такой ориентации, вариация «...либо просто отбрасывалась, либо искусственно вставлялась в схему в качестве показателя изменения, диффузии, выживания, инновации, дисфункции, аномалии, культурной дезинтеграции, возможностей для проявления социального контроля и т. п. Единственно важными вариациями были вариации между культурами» [ibid.].

В последнее время интеллектуальная переоценка механистического философского базиса структурной лингвистики и того вида структурной антропологии, который обрисован выше, открыла дорогу более менталистской точке зрения, которая создала как когнитивную лингвистику, представленную трансформационализмом, так и когнитивную антропологию, цель которой формулировалась как стремление «...понять *организующие принципы, лежащие в основе поведения*» [ibid.]. Такая точка зрения сближается с целями как ортодоксальной, так и социальной лингвистики, но оказывается, особенно в своем новом отношении к вариации, гораздо более близкой к социолингвистике. Наиболее поразительно определение целей антропологии, принимаемое многими учеными, — определение, чрезвычайно похожее на то, которое мы использовали выше для социолингвистики, в частности при обсуждении природы коммуникативной компетенции (8.3). У. Гуденаф [Goodenough, 1957, 167] полагает, что

«...культура общества состоит из всего того, что необходимо знать или во что надо верить, чтобы действовать приемлемым для ее членов образом и поступать так в любой роли, которую они принимают для любого из них», и затем определяет язык точно в том же плане и в такой форме, которая вполне приемлема в качестве определения коммуникативной компетенции: «все то, что необходимо знать, чтобы общаться с его носителями столь же адекватным образом, как это делают они друг с другом, и в таком стиле, который они сочтут соответствующим их собственному» [op. cit., 168].

Недавно было проведено даже более прямое сравнение между дескриптивной лингвистикой и когнитивной антропологией: «...дескриптивная лингвистика — всего лишь особый случай этнографии, так как область ее исследования, речевые сообщения, является неотъемлемой частью более широкой области социально интерпретируемых актов и артефактов» [Frake, 1969, 123]. Действительно, задачи, интересы и методы тех, кто занимается этнографией речи, антропологической лингвистикой, социологией языка — междисциплинарными областями, в которых исходным моментом служит «сильное требование», выдвинутое Сёрлем (см. 1.5.1 и 8.3), — все они пронизаны стремлением согласовать подходы нескольких «родственных» дисциплин в направлении достижения общей цели: описания «...бесконечного множества варьирующих сообщений как манифестаций конечного общего кода, представляющего собой набор правил для социально адекватного построения и понимания сообщений» [Frake, *ibid.*], — описания, которое привело бы к теории кодов и теории культуры. Таким образом, вполне возможно, вслед за Фрейком, рассматривать социолингвистику как часть когнитивной антропологии (аналогично предположению Хомского — см. ниже 8.4. — о том, что лингвистика образует часть когнитивной психологии), используя тот же самый аргумент: «Поскольку код строится как знание, содержащееся в умах людей, такая теория должна сообщить нечто существенное в общем плане о познании и поведении» [*ibid.*].

8.4.3. Социолингвистика и социология

Отношение социолингвистики к социологии также отмечалось ранее (3.1.3). Задача этого раздела, следовательно, состоит в том, чтобы более подробно развить сказан-

ное выше, а более конкретно — чтобы показать, сколько ориентаций современной социологии близко соответствуют ориентациям социалингвистики, насколько схожие линии развития демонстрируют обе науки в своих подходах к предмету исследования, а также указать некоторые допущения и концепции социалингвистики, представляющиеся весьма существенными для социологии.

Подобно антропологии, социология несколько раз на протяжении этого столетия меняла свое отношение к данным и свою концепцию целей. Общей для антропологии, лингвистики и социологии в первые годы столетия была трактовка данных либо в исторической, либо в сравнительной перспективе. В социологии, а косвенно также в лингвистике, теории Дюркгейма знаменуют новый важный поворот своим акцентированием изучения «социальных фактов» — понятие, легко переносимое в лингвистику в виде «языковых фактов» Соссюра. Равным образом проводимое Дюркгеймом различие между *индивидуальным* и *социальным* является близкой аналогией соссюровского противопоставления индивидуальности *речи* (*parole*) и общей социальной природы *языка* (*langue*), о чем мы упомянули впервые в 1.3.1.1. Можно доказывать, как делают некоторые антропологи (ср. [Ardener, 1971, XXXII]), что вследствие принятия такой дихотомии лингвистика Соссюра была, в сущности, социалингвистикой, а не чистой лингвистикой. Однако впоследствии, как мы убедились, лингвисты предпочли делать акцент на несоциальных аспектах формы, нежели на функции, и независимо от того, была ли она в сущности своей социалингвистической или нет, теория Соссюра скорее уводила от социальных аспектов употребления языка, чем приближала к ним.

Кроме исторической и сравнительной трактовок социологии, в первую четверть века был представлен функциональный подход к описанию общества, связываемый прежде всего с именем социального антрополога Б. Малиновского, чье акцентирование детального и тщательного описания реального поведения в конкретных обществах наложило (как мы видели в 3.3.1.1) решающий отпечаток на научную мысль Фёрса, а через него и на многих лингвистов Англии и стран Содружества, что проявляется вплоть до настоящего времени. Под влиянием Малиновского Фёрс определял лингвистику как социальную науку и подчеркивал ее глубоко эмпирический характер: «В лингвистике, как и в других социальных нау-

ках, мы берем в качестве отправного момента активную деятельность человека в мире, о котором мы строим теории..; лингвистика воспринимает речевые и языковые тексты как связанные с жизнью, а следовательно, со «значением» жизни...» [Firth, 1957, 2].

Наконец, формальная, или системная социология Г. Зиммеля — современника Дюркгейма, хотя и не была до недавнего времени широко принятой, тем не менее, благодаря стремлению построить типологию социальных отношений вместо универалистских объяснений всей культурной жизни Человека, заложила фундамент для исследований в области этнометодологии (см. ниже) и имеет наиболее очевидные последствия для микросоциолингвистики.

По-видимому, во всей социологии наблюдаются два уровня описания, или два центра внимания, которые можно возвести к идеям Конта первой половины прошлого века [Inkeles, 1964, 3 сл.]: *социальная статика*, связанная с микроанализом институтов и отношений между институтами конкретных обществ, и *социальная динамика*, связанная с описанием обществ в целом и взаимодействий между ними. Это различие можно переформулировать несколькими способами, и все они существенны для социолингвистики: ср. разграничение между статичными и динамичными моделями (главы 3 и 4), между синхроническим и диахроническим (1.3.1.2) и микро- и макроописанием (1.4.3).

Однако общими фактически для всей социологии оказываются четыре главных положения: *институты*, охватывающие диапазон от семьи до государства, являются ключевой темой исследования; *взаимоотношения между институтами* должны быть установлены; *общество* является базисной единицей анализа, из чего непосредственно вытекает сравнение обществ; и, наконец, *социальные акты* и *социальные отношения* требуют описания и объяснения. Даже голый перечень основной тематики исследований в социологии (ср. [Inkeles, op. cit., 12, табл. 1]), трактуемый как некий набор факторов, подлежащих соотнесению с языком, дает обширную программу исследования в области социологии языка. Однако недавнее развитие в направлении когнитивной социологии (ср. когнитивную антропологию в 8.4.2) предполагает уровень объяснения, более абстрактный и более близкий к нынешнему «главному руслу» лингвистики, чем показалось бы возможным даже десять лет назад.

Этнометодология (типичным примером служат труды Г. Гарфинкеля [Garfinkel, 1972]) приравнивалась к микросоциolingвистике [Fishman, 1970, 44], поскольку она связана с изучением процессов интерпретации, лежащих в основе коммуникативных актов — как вербальных, так и невербальных; эта задача в сущности идентична социolingвистической попытке определения коммуникативной компетенции (см. 8.3.2). Эта нацеленность привела к такому пониманию «значения», которое находится гораздо ближе к фёрсовскому, чем к пониманию, бытующему среди лингвистов в более позднее время, т. е. для представителя этнометодологии, как и для Фёрса, значение — это исключительно «ситуативно обусловленное значение», «создаваемое в конкретных контекстах действующими лицами, которые должны активно интерпретировать то, что они слышат, чтобы оно имело смысл» [Garfinkel, *op. cit.*, 302]. Такое понимание значения как интерпретативных способностей, объединяющее компетенцию и употребление [Cicourel, 1973, 100], явным образом более близко соответствует социolingвистическому понятию коммуникативной компетенции, чем языковой компетенции трансформационно-генеративной лингвистики с ее упором на синтаксис.

В своем понимании культуры представители этнометодологии занимают позицию, напоминающую социolingвистическую концепцию речевого коллектива как группы с общей для ее членов установкой по отношению к языку и его употреблению: культура рассматривается как общие для всех правила интерпретации, а не как общее знание, т. е. основанное на «здравом смысле» знание того, что может считаться разумным, действительным, взаимосвязанным и т. п. Как далеко такой подход ведет к универсальным правилам, пока неясно, поскольку этнометодология остается все еще преимущественно эмпирической в своей ориентации, хотя, по мнению Гарфинкеля [*op. cit.*, 306], с определенностью можно предполагать, что имеются «некоторые в высшей степени общие и, вероятнее всего, универсальные процессы, посредством которых передается значение в естественном разговоре» (этот момент мы уже затрагивали при обсуждении дискурса в 8.3).

Еще более близкое сходство между установками этнометодологии и социolingвистики можно заметить в их понимании того, что составляет данные: «То, что для грамматиста может быть фактом, не заслуживающим

внимания, — усеченные, эллиптические, неполные предложения, может оказаться... именно тем способом, которым осуществляется данное конкретное высказывание» [Garfinkel, *ibid.*]. Короче говоря, близость интересов, связывающая этнометодологию и социалингвистику, предполагает плодотворные области совместного исследования ситуативно обусловленного использования языка, тем более что представители этнометодологии обычно по своей первоначальной подготовке являются специалистами в области социальных наук, заинтересовавшимися языком, тогда как социалингвисты в своей подготовке и эволюции интеллектуального подхода в общем обнаруживают обратное соотношение.

8.4.4 Социалингвистика и психология

Выше говорилось (3.1.4) о психологических, а точнее, социально-психологических моделях языка, и здесь мы остановимся на отношениях, с одной стороны, между ортодоксальной лингвистикой, типичным примером которой служит трансформационная лингвистика, и психологией, а с другой — между психалингвистикой и социалингвистикой.

Психология, наряду с другими «человековедческими науками», за последние 100 лет несколько раз колебалась в своей методологии и теории между основанными на самонаблюдении подходами менталистской философии и эмпиризмом механистических трактовок структуры и функции своего предмета исследования. Говоря проще, интроспективные методы конца XIX века (Вундт) уступили место эмпиризму Уотсона, создавая бихевиористские теории, которым суждено было господствовать в этой области до недавнего времени. Затем были высказаны весьма аргументированные возражения, покоящиеся на менталистских положениях, в пользу возврата к современному использованию интроспекции (см. краткий и информативный обзор в [Kendler and Kendler, 1968]).

Эти изменения в установке и подходе в психологии были важны не только для самой этой дисциплины, но и оказали глубокое воздействие на лингвистику: бихевиористские теории были инкорпорированы в структурную лингвистику со времен Блумфилда [Bloomfield, 1933], а теории антибихевиоризма послужили основой для нападок на структурализм, что проложило дорогу для современной трансформационно-генеративной лингвистики.

Главное направление лингвистической мысли будет, вероятно, по-прежнему вслед за Хомским рассматривать лингвистику как «...ветвь когнитивной психологии...» [Chomsky, 1972, 1], «...подобласть психологии...» [op. cit., 28]. Большинство лингвистов, должно быть, постулирует тесные связи между структурой и функцией человеческого разума и понятием языковой компетенции, считая такие связи аксиоматическими в своих исследованиях.

Однако теории *употребления* языка, определяются ли они в плане сохранения дихотомии компетенции — исполнения или в плане широкого понятия коммуникативной компетенции, должны принимать в расчет менее идеализированные данные, могут потребовать более эмпирической методики и неизбежно опираются на социальную психологию в своих попытках объяснения.

Психолингвистика может быть определена как отрасль психологии, пытающаяся ответить на вопрос: «Какими знаниями и навыками должен обладать человек, чтобы порождать предложения, которые воспринимаются *исконными носителями* языка как грамматически правильные и приемлемые?» [Hörmann, 1971, 45]. Решение такой задачи должно включать обнаружение того, «...как действуют процессы, приводящие к порождению предложений, и как они усваиваются» [ibid.], а также, в частности, «...в задачу психолингвистики входит конструирование моделей употребления для носителя языка...» [op. cit., 233]. Нетрудно заметить, что употребленные выше понятия «навыки» и «порождать» предполагают функционалистский подход к описанию языка, согласующийся с микроцелью социолингвистического исследования. Д. Бродбент [Broadbent, 1970, 90] очень ясно выражает позицию психолингвистики, доказывая, что «высказывания», порождаемые трансформационной грамматикой, «...производятся некоторым механизмом, который вполне может иметь совершенно иную основу действия», и настаивая на том, что «нет никакого необходимого основания для предположения, будто математически корректное описание выхода позволит проникнуть в глубинный базисный механизм» [ibid.].

Значительная работа была проделана психолингвистами по изучению таких особенностей, как например, явления неуверенности [Goldman-Eisler, 1968], представляющие исключительную важность для социолингвистического исследования реальной структуры необработанных языковых данных и приводящие к построению моделей

того, что выше (8.3.2) было названо «психо-физической» компетенцией носителей языка, которая является одним из элементов, в комплексе создающих общую коммуникативную компетенцию. Кроме того, наш очерк механизмов двуязычного переключения кодов (5.5) является, по существу, гораздо более психо-, чем социолингвистическим в своей ориентации вследствие акцентирования фактов, порождаемых психологическими и физиологическими факторами индивидуального разума.

8.4.5 Социолингвистика и образование

В четырех предыдущих разделах мы рассматривали, каким образом цели и методы социолингвистики смыкаются с целями и методами (или дополняют их) дескриптивных наук, заинтересованных целиком или частично в объяснении языка. Центр нашего внимания сместился с широкой области антропологии к более узкой и в большей степени личностной области психологии, и мы смогли показать интересные взаимосвязи между этими дисциплинами и социолингвистикой. Но помимо связей на описательном и теоретическом уровне, можно отметить несколько точек соприкосновения, когда эти дисциплины применяются как часть процесса планомерного изменения в обществе. В частности, можно заметить «растущее сознание того, что... социолингвистические знания должны, по возможности, применяться к насущным проблемам образования» [Shuy and Fasold, *op. cit.*, 2]: связь между различными социолингвистическими кодами и возможностью полностью использовать способности к формальному образованию; существенность социолингвистических факторов для изучения и преподавания L2; социолингвистические параметры языкового планирования... Мы можем, по крайней мере вначале, надеяться, что более решительная социальная ориентация в описании языка, подобная тому, что демонстрирует социолингвистика, должна быть более полезной для задач образования, чем асоциальная лингвистика, вне которой и как реакция на которую развилась данная область науки. Действительно, в вопросе полезности лингвистической теории для преподавателя языка Хомский и многие другие «...[говоря] откровенно, весьма скептически относительно значимости для преподавания языков такого проникновения и понимания, какое было достигнуто в лингвис-

тике» [Chomsky, 1966, 43]. Вопрос в том, не следует ли и социалингвистам быть столь же скептичными.

Если обратиться к вопросу преподавания родного языка, и не только детям из обездоленных слоев общества, то становится ясно, что главной целью должно быть более глубокое осознание ребенком диапазона и функций его языка и выработка больших навыков в его употреблении на основе, уже имеющейся у ребенка даже до начала формального образования. Как утверждает Р. Шай, результаты развития социалингвистики таковы, что приближают исследовательскую работу в этой области к потребностям школы; в частности, сосредоточение внимания на вариации ставит разыскания социалингвистики в такое положение, при котором может быть достигнута гораздо лучшая согласованность между академическими интересами лингвиста и обстановкой, в которой действует ребенок. «Ребенок окружен людьми, чья речь содержит вариации, обусловленные социальным статусом, полом, возрастом и стилем. Он сталкивается с противоречивыми воздействиями, требующими подчинения нормам его сверстников, родителей, школы и региона...» [Shuy, 1974, 156]; социалингвистика, благодаря оперированию с реальными, а не абстрактными языковыми ситуациями, учету факта вариации и разработке принципиальных методов описания и объяснения этого явления, «проникает в самую суть многих школьных проблем, включающих письмо, чтение и устную речь» [op. cit., 157]. Р. Шай далее полагает, что преподаванию родного языка до сих пор недоставало орудий для решения многих из его проблем и что «...социалингвистическая информация может способствовать разработке новых основ подготовки учителей, созданию учебных материалов, методов обучения и различного рода учебных программ» [ibid.].

Преподавание L1 может, следовательно, извлечь выгоду из социалингвистических исследований тремя очевидными способами: путем повышения осведомленности и знаний учителя и учащегося, путем совершенствования методических материалов и учебных пособий, а также путем введения социалингвистического параметра в процессы принятия решений, практикуемые составителями учебных планов и администраторами.

Преподавание L2 на протяжении многих лет испытывало влияние теорий лингвистики и психологии. В самом деле, предполагалось, что преподавание языка было и останется «порождением моды в лингвистике и психоло-

гии до тех пор, пока оно не станет автономной дисциплиной, которая использует эти родственные науки вместо того, чтобы быть использованной ими» [Maskey, 1966, 206]. Можно признавать силу этого аргумента, но тем не менее предлагать преподавателю языка некоторую поддержку со стороны социалингвистики. Говоря на тривиальном уровне, из интереса социалингвистики к ситуативно обусловленному употреблению языка и к отношениям между выбором кода и социальной целью следует, что четкое описание таких аспектов и формулировка правил, регулирующих такие отношения, должно представлять ценность для преподавателя языка. Например, исследование дискурса, будь то в классе, больнице или на производственном совещании, оказывается явно релевантным для создания реалистических курсов «для специальных целей», каковым является, если ограничиться одним примером, недавнее изучение интеракции в ресторане [Ehlich and Rehbein, 1974]. Практические применения можно найти в «ситуативных» и «понятийных» программах, созданных или разрабатываемых для ряда языков и нужд (см. краткий обзор вплоть до настоящего времени в [Wilkins, 1974]).

Более важной, по крайней мере с теоретической точки зрения, является необходимость вновь подтвердить полезность контрастивного (сопоставительного) анализа не на уровне чистой формы (подход, развиваемый в трудах Р. Ладо [Lado, 1957]), а на уровне функции. Крайне необходимы исследования, посвященные сравнению и сопоставлению таких социально релевантных систем, как широкие и полные смысла различия, передаваемые приемами обращения, используемыми разными языками и речевыми коллективами (мы обсуждали систему обращения в английском под рубрикой «Социальные правила», см. 4.2.3). Часто указывалось (ср. [Clyne, 1974, 23]), что «иностранность» говорящих на втором языке непосредственно проистекает из неспособности постигнуть и использовать социальные правила этого рода; очевидно, главной целью преподавателя языка должно быть уменьшение элементов «чужеземного» поведения его учащихся. Поэтому в применении социалингвистического измерения к контрастивному анализу можно увидеть новый и плодотворный путь использования методики, уже признанной как часть инвентаря прикладной лингвистики.

В этом разделе мы довольно широко рассмотрели вклад, который социалингвистика может внести в описательные и теоретические отрасли лингвистики, антропологии, социологии и психологии, а также способы практического применения полученной социалингвистикой информации, особенно в образовании и, в частности, в области обучения языкам — L1 и L2. Представляется правомерным заключить, что во всех этих дисциплинах растет осознание усиливающейся общности целей и методов, что служит хорошим предзнаменованием для развития междисциплинарной социологии языка, которая внесет ценный вклад в решение общих теоретических и методологических проблем и равным образом сможет представить информацию, которая, благодаря применению ее в сфере образования, будет на пользу всему обществу.

8.5 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Книгу такого рода трудно свести к какому бы то ни было заключению. Постоянно ведутся исследования, которые не только пополняют запас знаний в самой социалингвистике, но, как мы видим, имеют последствия для родственных дисциплин, как теоретических, так и прикладных. Ортодоксальная лингвистика может много приобрести или потерять от принятия или непринятия более социального подхода к описанию и объяснению языка. Лингвистика может либо перейти от исключительной заинтересованности кодом к признанию правомерности лингвистического описания, сочетающего форму и функцию — код с употреблением, либо повернуть вспять, к своему традиционно более узкому полю исследования — одному лишь коду, оставляя социальные аспекты использования языка полуавтономной Социологии Языка. Даже если социалингвистика, в строгом смысле этого термина, предложенном Фишманом (1.5), потерпит неудачу в своей попытке сделать всю лингвистику социальной, лингвистическая наука уже никогда не сможет снова стать прежней: попытка включить значение в описание подразумевает некоторые социальные признаки, что создает неудобное положение для тех, кто предпочел бы передать такие вопросы дисциплинам, входящим в четко очерченный круг социальных наук.

Вместо того, чтобы попытаться построить здесь заключение, основанное на суммировании заключений к каждой главе, рассыпанных по всей книге, обратимся к человеку, чьей памяти посвящается эта книга, — отчасти в шутку, но отчасти с серьезным намерением — к Иефтаю Галаадитянину, поскольку именно в его действиях мы можем увидеть надежду на будущее этой науки и опасности, которые могут ее подстергать. В вопросе метода Иефтай явно одобрял прямой корреляционный подход, на котором базировались ранние исследования в социолингвистике. Имея мощный *индикатор* — строгую корреляцию между способностью произнести согласный [ʃ] и принадлежностью к племени галаадитян, и наоборот, столь же строгую корреляцию между неумением произнести этот звук и принадлежностью к племени ефремлян, Иефтай сумел провести с помощью простой полевой методики явно удачное социолингвистическое расследование. Каждому воину, приходившему к переправе через реку Иордан, где закрепились галаадитяне, задавался прямой вопрос: «Скажи шибболет». Это была вполне уместная единица речи, которую включали в беседу на берегу реки, поскольку она означала и по-прежнему означает в современном иврите 'поток'. Результаты предположительно варьировали от полного успеха до полной неудачи, но Иефтай, по-видимому, избрал подход к данным по принципу «все или ничего» и фиксировал простые отметки '+' или — для своих информантов. В этом, очевидно, таилась опасность, связанная с вечной проблемой социальных наук: как расщепить континуум на дискретные единицы без обращения к методам, которые в результате оказываются произвольными? Однако Иефтай вполне может считаться первым социолингвистом-исследователем, использующим, правда, довольно упрощенную модель отношений между языковыми и социальными вариациями и несколько несовершенные исследовательский аппарат и полевую методику; но он был также первым социолингвистом-прикладником, попытавшимся применить свою социолингвистическую эрудицию к решению важной социальной проблемы: проникновение в его вооруженные силы «пятой колонны» врага. Применение им весьма несовершенной методики можно, вероятно, оправдать в свете того чрезвычайного положения, в котором ему приходилось действовать. И здесь мы извлекаем еще один урок для себя. Если социолингвист хочет помочь социальному планированию и изменению, он дол-

жен поспешить с результатами задолго до того, как он будет к этому готов; но если мы вообще хотим быть лингвистами-прикладниками, мы не можем постоянно просить тех, кто приходит к нам за помощью, подождать, пока наши модели, методы и теории не будут совершенными — они никогда такими не станут. Наконец, у Иеф-тая есть еще одно откровение для нас. На основе анализа полученных данных он предпринял социальную акцию в широком масштабе: каждого, кто не умел произнести «шибболет» на галаадитский манер, «... они взяли и заклали... и пало в то время из ефремлян сорок две тысячи» (Книга Судей, 12.6). Мораль проста: в области языкового планирования нужно быть осмотрительным в принятии крутых решений на основе возможно неадекватных данных и методов, ибо результаты могут оказаться губительными, через длительное время, если не тотчас, как в случае с ефремлянами!

Библиография

- ABERCROMBIE, D. (1967) *Elements of General Phonetics*, Edinburgh: University Press.
- ABERCROMBIE, D. "Paralanguage" in *British Journal of Disorders of Communication*, 3, 1968, pp. 55—9. Reproduced in Laver, J. and Hutcheson, S. (eds) (1972) pp. 64—70.
- ACKOFF, R. L. (1962) *Scientific Method: Optimizing Applied Research Decisions*, New York: Wiley.
- ✓ AGHEYISI, R. and FISHMAN, J. (1970) "Language Attitude Studies: a Brief Survey of Methodological Approaches" in *Anthropological Linguistics*, XII (1970), pp. 135—57.
- ✓ AILA-BAAL (1973) *The Communicative Teaching of English*, Seminar, Lancaster.
- ✓ ARDENER, E. (ed.) (1971) *Social Anthropology and Language*, London: Tavistock.
- ✓ ARGYLE, M. (1967) *The Psychology of Interpersonal Behaviour*, Harmondsworth: Penguin.
- ✓ ARGYLE, M. (1969) *Social Interaction*, London: Tavistock and Methuen.
- ASHBY, W. R. (1952, 1960) *Design for a Brain*, London: Chapman & Hall [русск. пер.: ЭШБИ У. Р. *Конструкция мозга*. М.: Изд. иностр. лит., 1962].
- AUSTIN, J. L. (1958) "Performative-Constatative". Paper delivered in 1958; printed in Caton, C. E. (ed.) (1963) pp. 22—54.
- AUSTIN, J. L. (1962) *How to Do Things with Words*, Oxford: OUP.
- BACH, E. and HARMS, R. (eds) (1968) *Universals in Linguistic Theory*, New York: Holt Rinehart.

- BAILEY, B. L. (1966) *Jamaican Creole Syntax*, London: Cambridge University.
- BAILEY, C.-J. N. (1969) "The Integration of Linguistic Theory: Internal Reconstruction and Comparative Method in Descriptive Linguistics", Working Papers in *Linguistics*, 2, Honolulu: University of Hawaii.
- ✓ BAILEY, C.-J. N. and SHUY, R. W. (1973) *New Ways of Analyzing Variation in English*, Washington: Georgetown University.
- BANJO, L. A. (1972) "The Goals of University English Language Teaching in West African Universities". Paper delivered to conference on the "Implications of English for West African Universities", Sierra Leone.
- BANSAL, R. K. (1969) The Intelligibility of Indian English, *Monograph No. 4*, Hyderabad: CIE. 1969.
- BARATZ, S. S. and BARATZ, J. C. (1970) "Early Childhood Intervention: the Social Science Base of Institutionalized Racism" in *Harvard Education Review*, 40, pp. 29—50. Repr. in Cashdan, A. and Grugeon, E. (eds.) (1972) pp. 188—97.
- BARKER, R. G. (ed.) (1963) *The Stream of Behavior*, New York: Appleton.
- BARNES, J. A. (1963) "Some Ethical Problems in Modern Fieldwork" in *British Journal of Sociology*, XIV (1963) pp. 118—34.
- BARTHES, R. (1966) "Introduction à l'Analyse Structural des Récits" in *Communications*, VIII (1966).
- BAUGH, A. C. (1951, 1965) *A History of the English Language*, London: Routledge.
- ✓ BAUMAN, R. and SHERZER, J. (eds) (1974) *Explorations in the Ethnography of Speaking*, Cambridge University Press.
- BAZELL, C. E. *et al.* (eds) (1966) *In Memory of J. R. Firth*, London: Longman.
- BEALS, R. L. and HOIJER, H. (1953) *An Introduction to Anthropology*, (1965) 3rd edn, New York: Macmillan.
- BEREITER, C. *et al.* (1966) "An Academically Oriented Pre-school for Culturally Deprived Children" in Hechinger, F. M. (ed.) (1966) pp. 105—37.
- BELL, R. T. (1973) "The English of an Indian Immigrant; an Essay in Error Analysis" in *ITL*, XXII, pp. 11—61.

- BELL, R. T. (1975) "The Expanded EEC" in *Incorporated Linguist* (1975a).
- BELL, R. T. (1975) *Interaction in Meetings: Feasibility Study*, mimeo, Lancaster (1975b).
- BELL, R. T. (1975) "On the Use of the Term 'System' in Linguistics" in *York Papers in Linguistics* (1975c).
- BELL, D. C. and BELL, A. M. (1878) *Bell's Standard Elocutionist*, London: Mullen and Son.
- ✓ BERNSTEIN, B. (1965) "A Socio-Linguistic Approach to Social Learning" in Gould, J. (1965) pp. 144—68.
- ✓ BERNSTEIN, B. (1966) "Elaborated and Restricted Codes: an Outline" in *Sociological Inquiry*, 36, 2, pp. 254—61.
- BERTALANFFY, L. VON (1950) "The Theory of Open Systems in Physics and Biology" in *Science*, III (1950) pp. 23—9, reprinted in Emery, F. E. (ed.) 1969, pp. 70—85.
- BICKERTON, D. (1972) "The Structure of Polylectal Grammars". Paper delivered at 23rd Annual Meeting of Georgetown Round Table.
- BICKERTON, D. (1972) in *Georgetown University Monograph Series on Language and Linguistics*, XXV.
- BIRDWHISTELL, R. L. (1952) *Introduction to Kinesics: an Annotation System for Analysis of Body Motion and Gesture*, Louisville.
- BLACK, M. (ed.) (1965) *Philosophy in America*, Allen and Unwin and Cornell University.
- BLOCH, B. (1948) "A Set of Postulates for Phonemic Analysis" in *Language*, 24.
- ✓ BLOM, J. P. and GUMPERZ, J. J. (1972) "Social Meaning in Linguistic Structures: Code-Switching in Norway" in Gumperz, J. J. and Hymes, D. (eds) 1972, pp. 407—34.
- BLOOMFIELD, L. (1933, 1965) *Language*, London: Allen and Unwin [русск. пер.: БЛУМФИЛД Л. *Язык*. М.: Прореец, 1968].
- BOAS, F. (1911) *Handbook of American Indian Languages*, Washington: Smithsonian Inst.
- BOGARDUS, E. S. (1925) "Measuring Social Distance" in *Journal of Applied Sociology*, IX, pp. 299—308.
- BOTHA, R. P. (1971) "The Phonological Component of a Generative Grammar". Excerpts from Botha 1971 reprinted in Fudge, E. C. (ed.) (1973) pp. 213—31.
- ✓ BOTTOMORE, T. B. (1962) "Sociology: a Guide to Problems

and Literature" in *Unwin University Books*, No. 13, London: Allen and Unwin.

BOULDING, K. E. (1967) "Expecting the Unexpected: the Uncertain Future of Knowledge and Technology" in Morphet, E. L. and Ryan, C. O. (eds) (1967) pp. 199—203.

BRAZZAVILLE (1964) *Symposium on Multilingualism*, London: CCTA/CSA Publications Bureau.

✓ BRIGHT, W. (ed.) (1966) *Sociolinguistics*, Hague: Mouton.

✓ BRIGHT, W. (ed.) (1968) "Language and Culture" in *International Encyclopedia of the Social Sciences*, New York: Crowell Collier Macmillan, pp. 18—22.

BROADBENT, D. E. (1970) "In Defence of Empirical Psychology" in *Bull. Br. Psychol. Soc.*, XXIII (1970) pp. 87—96.

✓ BURLING, R. (1970) *Man's Many Voices: Language in its Cultural Context*, New York: Holt Rinehart.

BURNS, D. G. (1965) *African Education: an Introductory Survey of Education in Commonwealth Countries*, London: OUP.

✓ BÜHLER, K. (1934) *Sprachtheorie*, Jena: Fischer.

DE CAMP, D. (1968) "The Field of Creole Language Studies" in *Latin American Research Review*, 3, pp. 25—46.

DE CAMP, D. (1971) "Toward a Generative Analysis of a Post-Creole Speech Continuum" in Hymes, D. (1971) pp. 349—70.

CATON, C. E. (ed.) (1963) *Philosophers and Ordinary Language*, Urbana: University of Illinois.

CAVE, G. N. (1973) "Some Communication Problems of Immigrant Children in Britain" in AILA-BAAL Seminar, 1973.

✓ DE CECCO, J. P. (1967) "The Psychology of Language, Thought and Instruction: Readings", New York: Holt Rinehart.

CHATMAN, S. (1969) "Analysing Narrative Structure" in *Language and Style*, II (1969), pp. 3—36.

✓ CHERRY, C. (1957) *On Human Communication*, New York: MIT/Wiley.

CHOMSKY, N. (1957) *Syntactic Structures*, The Hague: Mouton [русск. пер.: ХОМСКИЙ Н. Синтаксические структуры. — «Новое в лингвистике», вып. 2, М.: Изд. иностр. лит., 1962].

- CHOMSKY, N. (1965) *Aspects of the Theory of Syntax*, Cambridge Mass: M. I. T. Press [русск. пер.: ХОМСКИЙ Н. *Аспекты теории синтаксиса*. М., Изд-во МГУ, 1972].
- CHOMSKY, N. (1966) "Linguistic Theory" in *Language Teaching: Broader Contexts*. Report of N. E. Conference on the Teaching of Foreign Languages, Menasha. Wis. pp. 43—9.
- ✓ CHOMSKY, N. (1972) *Language and Mind*, enlarged edn, New York: Harcourt, Brace, Jovanovich [русск. пер.: ХОМСКИЙ Н. *Язык и мышление*. М.: Изд-во МГУ, 1972].
- CHOMSKY, N. and HALLE, M. (1968) *The Sound Pattern of English*, New York: Harper Row.
- ✓ CICOUREL, A. V. (1973) *Cognitive Sociology: Language and Meaning in Social Interaction*, Harmondsworth: Penguin.
- CLYNE, M. G. (1967) *Transference and Triggering*, The Hague: Nijhoff.
- CLYNE, M. G. (1974) "The Role of Sociolinguistics in a University German Course (for Non-Native Speakers)" in Verdoot (ed.) 1974, pp. 18—25.
- COCHRANE, G. R. (1959) "The Australian English Vowels as a Diasystem" in *Word*, 15, pp. 69—88.
- COOK, W. A. (1969) *Introduction to Tagmemic Analysis*, New York: Holt Rinehart.
- CORDER, S. P. (1967) "The Significance of Learners' Errors" in *IRAL*, 4, pp. 161—170.
- CORDER, S. P. (1971) "Idiosyncratic Dialects and Error Analysis" in *IRAL*, 9, pp. 147—60.
- CORDER, S. P. (1973) *Introducing Applied Linguistics*, Harmondsworth: Penguin.
- ✓ COSER, L. A. and ROSENBERG, B. A. (1964) *Sociological Theory*, New York: Macmillan, revised edition.
- ✓ CRYSTAL, D. and DAVY, D. (1969) *Investtgating English Style*, London: Longman.
- CRYSTAL, D. and QUIRK, R. *Systems of Prosodic and Paralinguistic Features in English*, The Hague: Mouton.
- ✓ DANCE, F. E. X. (ed.) (1967) *Human Communication Theory: Original Essays*, New York: Holt Rinehart.

- DAS GUPTA, J. (1970) *Language Conflict and National Development*, Berkeley: University of California.
- DAVIS, K. (1957) *Human Society*, New York: Macmillan.
- DECKER, T. (1965) "Julius Caesar in Krio" in *SLLR*, vol. 4, pp. 64—79.
- DREITZEL, H. P. (ed.) (1970) *Recent Sociology*, New York: Macmillan.
- DREVER, J. (1952) *A Dictionary of Psychology*, Harmondsworth: Penguin.
- EHLICH, K. and REHBEIN, J. (1974) "On Pragmatic Units in an Institution: Restaurant" in Verdoot (ed.) 1974, pp. 42—70.
- ELLIS, J. (1969) "On Contextual Meaning" in Bazel, C. E. *et al.* (eds) (1966) pp. 79—95.
- EMERY, F. E. (ed.) (1969, 1972) *Systems Thinking — Selected Readings*, Penguin Modern Management, Harmondsworth: Penguin.
- ERVIN, S. M. and OSGOOD, C. E. (1954) "Second Language Learning and Bilingualism" in Osgood, C. E. and Sebeok, T. A. (eds) (1954) pp. 139—46.
- ERVIN-TRIPP, S. M. (1967) "An Issei Learns English" in *Journal of Social Issues*, 23, pp. 78—90.
- ✓ ERVIN-TRIPP, S. M. (1973) "An Analysis of the Interaction of Language, Topic and Listener", revised version in Ervin-Tripp, S. (1973) pp. 239—61 [русск. пер.: ЭРВИН-ТРИПП С. *Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия*. — «Новое в лингвистике», вып. 7. М.: Прогресс, 1975.
- ✓ ERVIN-TRIPP, S. M. (1973) *Language Acquisition and Communicative Choice*, Stanford U. P.
- EYSENCK, H. J. (1952) *The Scientific Study of Personality*, London: Routledge and Kegan Paul.
- FEIBLEMAN, J. and FRIEND, J. W. (1945) "The Structure and Function of Organization" in *Philosophical Review*, LIV (1945) pp. 19—44, reprinted in Emery, F. E. (ed.) (1969) pp. 30—55.
- FERGUSON, C. A. (1959) "Diglossia" in *Word*, 15, pp. 325—340 and in Hymes, D. (1964) pp. 429—39.
- ✓ FERGUSON, C. A. (1966) "National Sociolinguistic Profile Formulas" in Bright, W. (ed.), *Sociolinguistics*, 1966, pp. 309—24.

- FERGUSON, C. A. (1971) "Absence of Copula and the Notion of Simplicity: a Study of Normal Speech, Baby Talk, Foreigner Talk, and Pidgins" in Hymes, D. (ed.) (1971) pp. 141—50.
- FICHTER, J. H. (1957) *Sociology*, (1971) 2nd edn, Chicago: University of Chicago.
- FIDELHOLTZ, J. L. (1973) "The Methodology and Motivation of Transformational Grammar" in Shuy, R. (ed.) (1973) pp. 82—94.
- FILLMORE, C. J. (1968) "The Case for Case" in Bach, E. and Harms, R. (eds) (1968).
- FIRTH, J. R. (1957, 1964) *Papers in Linguistics*, 1934—1951, London: OUP.
- FISHMAN, J. (1968) "Nationality-nationalism and Nation-ism" in Fischman, J. *et al.* (eds) (1968) pp. 39—51.
- FISHMAN, J. (1970) *Sociolinguistics: a Brief Introduction*, Rowley Mass: Newbury House.
- ✓ FISHMAN, J. (1971) "National Languages and Languages of Wider Communication in the Developing Nations" in Whiteley, W. H. (1971) pp. 27—56.
- ✓ FISHMAN, J. (ed.) (1968) *Readings in the Sociology of Language*, The Hague: Mouton.
- ✓ FISHMAN, J. (ed.) (1971) *Advances in the Sociology of Language I*, The Hague: Mouton.
- FISHMAN, J. *et al.* (1966) *Language Loyalty in the United States: the Maintenance and Perpetuation of Non-English Mother Tongues by American Ethnic and Religious Groups*, The Hague: Mouton Co.
- FISK, M. (1964) *A Modern Formal Logic*, Englewood Cliffs N. J. Prentice-Hall.
- FRAKE, C. O. (1969) "Notes on Queries in Ethnography" in Tyler, S. A. (1969) pp. 123—36.
- FRANCIS, W. N. (1958) *The Structure of American English*, New York; Ronald Press Co.
- FRIES, C. C. and PIKE, K. L. (1949) "Coexistent Phonemic Systems" in *Language*, 25, pp. 29—50.
- FROMKIN, V. (1968) "Speculations on Performance Models" in *JL*, 4, 1968, pp. 47—68.
- FUDGE, E. C. (ed.) (1973) *Phonology*, Harmondsworth: Penguin.

- GEACH, P. (1969) "Should Traditional Grammar be Ended or Mended? II" in Wilkinson, A. (1969) pp. 18—25.
- 30 GIGLIOLI, P. P. (1972) *Language and Social Context*, Harmondsworth: Penguin.
- GIMSON, A. C. (1962) *An Introduction to the Pronunciation of English* (1970) 2nd rev. edn, London: Edward Arnold.
- GLEASON, H. A. (1955) *An Introduction to Descriptive Linguistics*, (1961) rev. edn, New York: Holt, Rinehart [русск. пер.: Глисон Г. *Введение в дескриптивную лингвистику*. М.: Изд. иностр. лит., 1959].
- GLEASON, H. A. (1965) *Linguistics and English Grammar*, New York: Holt, Rinehart.
- GOLDMAN-EISLER, F. (1968) *Psycholinguistics: Experiments in Spontaneous Speech*, London: Academic Press.
- GOODENOUGH, W. H. (1957) "Cultural Anthropology and Linguistics" in Garvin, P. H. (ed.) Report of the Seventh Annual Round Table Meeting on Linguistics and Language Study. *Georgetown University Monograph Series on Languages and Linguistics*, 9, pp. 167—173.
- GOULD, J. (ed.) *Social Science Survey*, Harmondsworth: Penguin.
- GREENBERG, J. H. (1957, 1963) *Essays in Linguistics*, Chicago: Phoenix Books.
- GREENBERG, J. H. (1966) *The Languages of Africa*, Bloomington: Indiana U. P. Also part II of *IJAL*, 29, 1, 1963, The Hague: Mouton.
- ✓ GREENBERG, J. H. (1971) *Language, Culture and Communication*, Stanford University Press.
- GREGORY, M. (1967) "Aspects of Varieties Differentiation" in *Journal of Linguistics*, 3, pp. 177—98.
- GROSS, L. (ed.) (1967) *Sociological Theories: Inquiries and Paradigms*, New York: Harper Row.
- GUMPERZ, J. J. (1961) "Speech Variation and the Study of Indian Civilization" in *American Anthropologist*, 63, pp. 976—88.
- ✓ GUMPERZ, J. J. (1964) "The Social Group as a Primary Unit of Analysis in Dialect Study" in Shuy, R. W. (1964) pp. 127—29.
- ✓ GUMPERZ, J. J. (1966) "On the Ethnology of Linguistic Change" in Bright W. (ed.) (1966), pp. 27—49 [русск. пер.: ГАМПЕРЦ Дж. *Об этнографическом аспекте*

языковых изменений. — «Новое в лингвистике», вып. 7. М.: Прогресс, 1975].

- GUMPERZ, J. J. and HYMES, D. (eds) (1972) *Directions in Sociolinguistics: the Ethnography of Communication*, New York: Holt Rinehart, and Winston Inc.
- GURNEY, R. (1973) *Language, Brain and Interactive Processes*, London: Edward Arnold.
- GUTTMAN, L. (1944) "A Basis for Scaling Qualitative Data" in *American Sociological Review*, 9, pp. 139—50.
- HABERMAS, J. (1970) "Toward a Theory of Communicative Competence" in Dreitzel, H. P. (ed.) (1970) pp. 114—48.
- HALL, R. A. (1961) "Categories of the Theory of Grammar" in *Word*, XVII (1961) pp. 241—92.
- HALL, R. A. (1962) "The Life Cycle of Pidgin Languages" in *Lingua*, XI, pp. 151—57.
- HALL, R. A. (1964) *Introductory Linguistics*, New York: Chilton.
- HALLIDAY, M. A. K. (1967) *Intonation and Grammar in British English*, The Hague: Mouton.
- HALLIDAY, M. A. K. (1970) "Language Structure and Language Function" in Lyons, J. (ed.) (1970) pp. 140—65.
- HALLIDAY, M. A. K. (1973) *Explorations in the Functions of Language*, London: Edward Arnold.
- HALLIDAY, M. A. K. et al. (1964) *The Linguistic Sciences and Language Teaching*, London: Longman.
- HARMS, L. S. "Listener Judgments of Status Cues in Speech" in *Quarterly Journal of Speech*, XLVII (1961) pp. 164—8.
- HARRIS, Z. S. (1951, 1963) *Structural Linguistics*, Chicago: Phoenix Books.
- HARRIS, Z. S. (1952) "Discourse Analysis: a Sample Text" in *Language*, XXVIII (1952) a. pp. 1-30, b. pp. 474—94.
- HASAN, R. (1968) *Grammatical Cohesion in Spoken and Written English*, London: Longman.
- HAUGEN, E. (1953) *The Norwegian Language in America*, Philadelphia: University of Pennsylvania.
- HAUGEN, E. (1956) *Bilingualism in the Americas*, University of Alabama.
- HAUGEN, E. (1961) "The Bilingual Individual" in Saporta, S., 1961, pp. 395—407.

- HEALEY, A. (1964) "Handling Unsophisticated Linguistic Informants", Linguistic Circle of Canberra Publications, series A. Occasional Papers no. 2, Canberra: Australian National University.
- HECHINGER, F. M. (ed.) (1966) *Pre-School Education Today*, New York: Doubleday.
- ✓ HENSON, H. (1974) *British Social Anthropologists and Language: A History of Separate Development*, Oxford: OUP.
- HILL, A. A. (1958) *Introduction to Linguistic Structures*, New York: Harcourt, Brace and World Inc.
- HOCKETT, C. F. (1955) *Manual of Phonology*, Baltimore: Waverley Press.
- HOCKETT, C. F. (1958, 1965) *A Course in Modern Linguistics*, New York: Macmillan, New York. 1958, 1965.
- HÖRMANN, H. (1971) *Psycholinguistics: An Introduction to Research and Theory*, Berlin: Springer.
- 4) HYMES, D. (1967) "The Anthropology of Communication" in Dance, F. (1967) pp. 1—39.
- ✓ HYMES, D. (1967) "The Anthropology of Communication" (a) and "Why the Linguist Needs the Sociologist" (b) *Social Research*, XXXIV (1967) pp. 632—47.
- ✓ HYMES, D. (1971) "On Communicative Competence", original paper. Excerpts in Pride, J. B. and Holmes, J. (eds) (1972) pp. 269—293.
- HYMES, D. (1972) "Models of the Interaction of Language and Social Life" in Gumperz, J. J. and Hymes, D. (1972) pp. 35—71.
- ✓ HYMES, D. (1974) "Ways of Speaking" in Bauman and Sherzer (eds) (1974) pp. 433—52.
- ✓ HYMES, D. (ed.) (1964) *Language in Culture and Society: a Reader in Linguistics and Anthropology*, New York: Harper & Row.
- ✓ HYMES, D. (ed.) (1971) *Pidginization and Creolization of Languages*, London: Cambridge U. P.
- INKELES, A. (1964) *What is Sociology: an Introduction to the Discipline and Profession*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- JAKOBSON, R. (1960) "Closing Statement: Linguistics and Poetics" in Sebeok, T. A. (ed.) (1960) pp. 350—77.
- JONES, D. (1962) *The Phoneme: its Nature and Use*, 2nd edn, Cambridge: Heffer.

- JONES, D. (1918, 1964) *An Outline of English Phonetics*, Cambridge: Heffer, 1964.
- JONES, L. (1972) *Deep-sea Container Ports — Systems Appraisal and Simulation Modelling*, Bletchey: Open University.
- KENDLER, H. H. and KENDLER, T. S. (1968) "Concept Formation" in *International Encyclopaedia of the Social Sciences*, New York: Crowell-Collier-Macmillan, pp. 208—10.
- ✓ KJOLSETH, R. (1972) "The Development of the Sociology of Language and its Social Implications" in *Sociolinguistics Newsletter* III, no. 1 (1972) pp. 7—10 and 24—9.
- KLOSS, H. (1968) "Notes concerning a Language-Nation Typology" in Fishman, J. A. *et al.* (1968) *Language Problems of Developing Nations*, pp. 69—85.
- KRECH, D. *et al.* (1962) *Individual in Society: a Textbook of Social Psychology*, New York: McGraw-Hill.
- KROEBER, A. L. (1963) *Anthropology: Cultural Patterns and Processes*, New York: Harcourt Brace.
- KURATH, H. (1939) *Handbook of the Linguistic Geography of New England*, Providence, Rhode Island: Brown University.
- LABOV, W. (1963) "The Social Motivation of a Sound Change" in *Word*, 19, pp. 273—309.
- LABOV, W. (1966a) "On the Grammaticality of Everyday Speech". New York: Paper delivered to *Linguistic Society of America*.
- ✓ LABOV, W. (1966b) *The Social Stratification of English in New York City*, Washington: C. A. L.
- LABOV, W. (1966c) "Hypercorrection by the Lower Middle Class as a Factor in Linguistic Change" in Bright, W. (ed.) (1966).
- ✓ LABOV, W. (1969) "The Logic of Nonstandard English", *Georgetown University Monograph Series on Language and Linguistics*, 22. Excerpts in Giglioli, P. P. (1972) pp. 179—216.
- ✓ LABOV, W. (1970) "The Study of Language in its Social Context" in *Studium Generale* 23, pp. 30—87. Repr. in Fishman, J. (ed.) (1971) pp. 152—216 [русск. пер.: ЛАБОВ У. Исследование языка в его социальном контексте. — «Новое в лингвистике», вып. 7. М.: Прогресс, 1975].

- LABOV, W. (1971) "The Notion of 'System' in Creole Studies" in Hymes, D. (ed.) (1971) pp. 447—72.
- LADO, R. (1957, 1964) *Linguistics across Cultures; Applied Linguistics for Language Teachers*, Ann Arbor: University of Michigan, p. 141.
- LAMBERT, W. and JAKOBOVITS, L. (1961) "Semantic Satiation among Bilinguals", *Journal of Experimental Psychology*, 62, pp. 576—82.
- ✓ LAVER, J. and HUTCHESON, S. (eds) (1972) *Communication in Face to Face Interaction*, Harmondsworth: Penguin.
- ✓ LAWTON, D. (1968) *Social Class, Language and Education*, London: Routledge and Kegan Paul.
- LEAVITT, H. J. (1951) "Some Effects of Certain Communication Patterns on Group Performance" in *Journal of Abnormal Social Psychology*, 46, pp. 38—50.
- LEECH, G. N. (1969) *A Linguistic Guide to English Poetry*. London: Longman.
- LEECH, G. N. (1974) *Semantics*, Harmondsworth: Penguin.
- LENNEBERG, E. H. (1964) "A Biological Perspective of Language", pp. 65—88 of Lenneberg (1964) in Oldfield, R. C. and Marshall, J. C. (eds) (1968) pp. 32—47.
- LENNEBERG, E. H. (ed.) (1964) *New Directions in the Study of Language*, Cambridge, Mass: M. I. T.
- LENNEBERG, E. H. (1967) *Biological Foundations of Language*, New York: Wiley.
- LERNER, D. and GORDEN, M. (1969) *Euratlantica: Changing Perspectives of the European Elites*, Cambridge, Mass: M. I. T.
- LEVI-STRAUSS, C. (1972) *Structural Anthropology*, Harmondsworth: Penguin.
- LIEFRINK, F. M. P. (1973) *Semantico-Syntax*, London: Longman.
- LOTZ, J. (1956) "Linguistic: Symbols Make Man" from White Jnr., L. (ed.) (1956) *Frontiers of Knowledge*, pp. 207—31. Reprinted in Saporta, S. (ed.) (1961) pp. 1—15.
- LYONS, J. (1966) "Firth's Theory of 'Meaning' " in Bazell, C. E. et al. (eds), (1966) pp. 288—302.
- LYONS, J. (1968) *Introduction to Theoretical Linguistics*, London: Cambridge U. P. [русск. пер.: ЛАЙОНЗ Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978].

- LYONS, J. (ed.) (1970) *New Horizons in Linguistics*, Harmondsworth: Penguin.
- MACKEY, W. F. (1966) "Applied Linguistics: its Meaning and Use" in *English Language Teaching* XX, no. 1 (1966) pp. 197—206.
- MANDELBAUM, D. G. (ed.) (1966) *Edward Sapir: Culture, Language and Personality — Selected Essays*, Berkeley: University of California.
- MARTINET, A. (1961) *A Functional View of Language*, Oxford: OUP.
- MARTINET, A. (1968) "Neutralisation et syncrétisme" in *La Linguistique*, 1, pp. 1—20. Excerpts in Fudge, E. C. (ed.) (1973) pp. 74—80.
- ✓ MILLER, G. A. (1967) *The Psychology of Communication*, Harmondsworth: Penguin.
- MOORE, W. E. (1963) *Social Change*, Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- MORPHET, E. L. and RYAN, C. O. (eds) (1967) *Designing Education for the Future No. 1: Prospective Changes in Society by 1980*, New York: Citation Press.
- ✓ MORRIS, C. (1946) *Signs, Language and Behavior*, Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall.
- ✓ MORTON, J. (1964) "A Preliminary Functional Model for Language Behaviour" in *International Audiology*, 3, pp. 216—25. Repr. in Oldfield, R. C. and Marshall, J. C. (eds) (1968) pp. 147—58.
- MOSER, C. A. and KALTON, G. (1958, 1971) *Survey Methods in Social Investigation*, London: Heinemann.
- NAGEL, E. (1961) *The Structure of Science — Problems in the Logic of Scientific Explanation*, London: Routledge and Kegan Paul.
- NOSER, A. A. (1965) *Official Pidgin Texts of the Common Prayers and the Dialogue* Mass. Alexishafen: S. V. D. duplicated booklet.
- National Computing Centre (1973) *Computer Appreciation for the Majority*, Newton Abbot: NCC Publications.
- O'CONNOR, J. D. and ARNOLD, G. F. (1961) *The Intonation of Colloquial English*, London: Longman.
- OGDEN, C. K. (1934) *The System of Basic English*, New York: Harcourt Brace.

- OLDFIELD, R. C. and MARSHALL, J. C. (eds) (1968) *Language: Selected Readings*, Harmondsworth: Penguin.
- ORTON, H. (1962) *Survey of English Dialects*, Leeds: E. J. Arnold.
- OSGOOD, C. E. and SEBEOK, T. A. (eds) (1954) "Psycholinguistics" in *Journal of Abnormal Social Psychology Supplement*.
- OSGOOD, C. E. *et al.* (1957) *The Measurement of Meaning*. Urbana: University of Illinois.
- PALMER, F. (1971) *Grammar*, Harmondsworth: Penguin.
- PATTERSON, S. (1969) *Immigration and Race Relations in Britain, 1960—1967*; London: OUP/IRR.
- PEAL, E. and LAMBERT, W. E. (1962) "The Relation of Bilingualism to Intelligence" in *Psychological Monographs*, 76, no. 27.
- PEARCE, R. (1973) "Some Structural Complexities of Talk in Meetings" in *Working Papers in Discourse Analysis*, V, Birmingham.
- PERREN, G. E. and HOLLOWAY, M. F. (1965) *Language and Communication in the Commonwealth*. London: C. E. L. C./H. M. S. O., 88—5354.
- PERREN, G. (ed.) (1971) *Science and Technology in a Second Language*, CILT Reports and Papers, VII, London.
- ✓ PIKE, K. L. (1967) *Language in Relation to a Unified Theory of Human Behavior*, The Hague: Mouton.
- PITTENGER, R. E. and SMITH H. L. Jnr. (1957) "A Basis for Some Contributions of Linguistics to Psychiatry" in *Psychiatry*, 20, pp. 61—78.
- PRATOR, C. H. (1968) "The British Heresy in TESL". Paper in Fishman, J. *et al.* (eds) (1968) pp. 459—76.
- ✓ PRIDE, J. B. (1971) *The Social Meaning of Language*, London: OUP.
- ✓ PRIDE, J. B. and HOLMES, J. (eds) (1972) *Sociolinguistics: Selected Readings*, Harmondsworth: Penguin.
- QUINE, W. V. O. (1953) *From a Logical Point of View*, Harvard U. P., (1961) rev. edn, New York: Harper & Row.
- RAYFIELD, J. R. (1970) *Languages of a Bilingual Community*, The Hague: Mouton.
- ✓ REINICKE, J. (1959) "Trade Jargons and Creole Dialects as Marginal Languages" in Hymes, D. (ed.) (1964) pp. 534—46.

- REVZIN, I. I. (1966) *Models of Language*, London: Methuen & Co. [оригинал: РЕВЗИН И. И. *Модели языка*. М.: Изд-во АН СССР, 1962].
- RICE, F. A. (ed.) (1962) *Study of the Role of Second Languages*, Washington: C. A. L., p. 123.
- RIGTER, B. and MOORE, H. (1973) "Towards a Controlled Use of Variables in Language Teaching" in AILA-BAAL Seminar.
- RIGTER, B. and MOORE, H. (1974) "Towards a Performance Model of Language Behaviour", mimeo, Leyden.
- ROBINS, R. H. (1964, 1965) *General Linguistics: an Introductory Survey*, London: Longman.
- ROBINS, R. H. (1967) *A Short History of Linguistics*, London: Longman.
- ROBINSON, W. R. (1972) *Language and Social Behaviour*, Harmondsworth: Penguin.
- ROSE, E. J. B. et al. (1969) *Colour and Citizenship: A Report on British Race Relations*, London: IRR/OUP.
- ROSS, J. R. (1973) "A Fake NP Squish" in Bailey, C.-J. N. and Shuy, R. W. (eds) (1973) pp. 96—140.
- ROY, N. C. (1962) *Federalism and Linguistic States*, Calcutta: Mukhopadhyay.
- RUBIN, J. (1962) "Bilingualism in Paraguay" in *Anthropological Linguistics*. 4, pp. 52—8.
- RUBIN, J. (1968) *National Bilingualism in Paraguay*, The Hague: Mouton.
- RUSSELL, B. (1946) *A History of Western Philosophy*, London: Allen & Unwin.
- RYAN, A. (1970) *The Philosophy of the Social Sciences*, London: Macmillan.
- SAMARIN, W. J. (1967) *Field Linguistics*. New York: Holt Rinehart.
- SAPIR, E. (1966) in Mandelbaum, D. G. (ed.) (1966) *Culture, Language and Personality*, Berkeley: University of California.
- SAPORTA, S. (1961) *Psycholinguistics: a Book of Readings*, New York: Holt, Rinehart.
- SARBIN, T. R. (1968) "Role: Psychological Aspects" in *International Encyclopedia of the Social Sciences*, New York: Crowell Collier and Macmillan, pp. 546—52.
- SAUSSURE, de F. (1915, 1964) *Cours de Linguistique*

Générale, Paris: Payot [русск. пер.: ДЕ СОЦЦИОП Ф. *Труды по языкознанию*. М.: Прогресс, 1977].

SCHANE, S. A. (1973) *Generative phonology*, N. J.: Prentice-Hall.

SCHEGLOFF, E. A. (1968) "Sequencing in Conversational Openings" in *American Anthropologist*, 70.

✓ SEBEOK, T. A. (ed.) (1960) *Style in Language*, Cambridge, Mass.: MIT.

✓ SEARLE, J. (1965) "What is a Speech Act?" in Black, M. (ed.) (1965) pp. 221—239. Repr. in Giglioli, P. P. (ed.) (1972) pp. 136—54.

70 SEARLE, J. (1969) *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*, London: Cambridge U. P.

✓ SETLUR, P. H. (1973) *Towards a Theory of Code-Switching*. Unpublished MA thesis, Lancaster.

SEUREN, P. (1969) *Operators and Nucleus*, London: Cambridge U. Press.

SHANNON, C. E. and WEAVER, W. (1949) *The Mathematical Theory of Communication*, Urbana: University Illinois.

SHAW, M. E. (1968) "Communications Networks" in *Advances in Experimental Social Psychology*, 1, pp. 111—47.

SHILS, E. (1964) "The Primary Group in Current Research" in Coser and Rosenburg (1964).

SHUY, R. W. (ed.) (1973) *Some New Directions in Linguistics*, Washington: Georgetown University Press.

✓ SHUY, R. W. (ed.) *Social Dialects and Language Learning*, Champaign Illinois, N. C. T. E.

SHUY, R. W. (1974) "Sociolinguistic Strategies for Teachers in a Southern School System" in *AILA Proceedings*, II, 1972, in Verdoot, A. (ed.) (1974) pp. 155—71.

SIMON, H. A. (1945, 1965) *Administrative Behaviour: a Study of Decision-Making Processes in Administration Organization*, Toronto: Collier — Macmillan.

SINCLAIR, J. M. et al. (1972) *The English Used by Teachers and Pupils*, Birmingham S. S. R. C. Report.

SINCLAIR, J. McH. and COULTHARD, R. M. (1975) *Towards an Analysis of Discourse: the English Used by Teachers and Pupils*, Oxford: OUP.

✓ SKINNER, B. F. (1957) *Verbal Behavior*, New York: Appleton—Century-Crofts Inc.

- SOSKIN, W. F. and JOHN, V. (1963) "The Study of Spontaneous Speech" in Barker, R. G. (ed.) (1963).
- SOUTHWORTH, F. C. (1971) "Detecting Prior Creolization, an Analysis of the Historical Origins of Marathi" in Hymes, D. (ed.) (1971) pp. 255—74.
- SPENCER, J. (ed.) (1971) *The English Language in West Africa*, London: Longman.
- STACEY, M. (1967) *Methods of Social Research*, Oxford: Pergamon.
- STEWART, W. A. (1968) "A Sociolinguistic Typology for Describing National Multilingualism" in Fishman, J. (1968) pp. 531—45.
- STEWART, W. A. (1969) "An Outline of Linguistic Typology for Describing Multilingualism" in Rice, F. A. (ed.) (1962) *Study of the Role of Second Languages*, pp. 15—25.
- TAULI, V. (1968) *Introduction to a Theory of Language Planning*, Uppsala: University of Uppsala.
- THORNE, J. P. (1965) "Stylistics and Generative Grammars" in *Journal of Linguistics*, I, 1, pp. 49—59.
- TIMASHEFF, N. S. (1975) *Sociolinguistic Theory: its Nature and Growth*, New York: Random House (revised edn).
- TODOROV, K. (1966) "Les Catégories du Récit Littéraire" in *Communications*, VIII (1966).
- TORGERSON, W. (1957) *Theory and Methods of Scaling*, New York: Wiley.
- TRAGER, G. L. and SMITH, H. L. (1951) *An Outline of English Structure. Studies in Linguistics: Occasional Papers* 3. Norman Okl: Bettenburg Press.
- TRUBETZKOY, N. S. (1973) "Phonemes and How to Determine Them" in Fudge, E. C. (ed.) (1973) pp. 47—73.
- TRUDGILL, P. (1974) *Sociolinguistics: an Introduction*, Harmondsworth: Penguin.
- TURNER, G. W. (1969) *The English Language in Australia and New Zealand*, London: Longman.
- TURNER, R. (ed.) (1974) *Ethnomethodology*, Harmondsworth, Middx: Penguin.
- TYLER, S. A. (ed.) (1969) *Cognitive Anthropology*, New York: Holt, Rinehart.
- UNESCO (1953) *The Use of Vernacular Languages in Education*, Monographs on Fundamental Education, No. 8, Paris.

- UNESCO (1953) *African Languages and English in Education*, Educational Studies and Documents, No. 2, Paris.
- UNO. 1976 Report on the World Social Situation. New York: United Nations (1969).
- VERDOOT, A. (ed.) (1974) *Association Internationale de Linguistique Appliquée: 3rd Congress Proceedings Vol. II: Applied Sociolinguistics*, Heidelberg: Groos.
- ✓ VETTER, H. J. (1969) *Language Behaviour and Communication*, Itasca: Peacock Pubs. Inc.
- VOEGELIN, C. F. and HARRIS, Z. S. (1947) "The Scope of Linguistics" in *American Anthropologist*, 49, pp. 588—600.
- WAKEFORD, J. (1968) *The Strategy of Social Inquiry*, London: Macmillan.
- ✓ WAKELIN, M. F. (1972) *English Dialects: an Introduction*, London: Athlone Press.
- WEBB, E. J. *et al.* (1966) *Unobtrusive Measures: Non-Reactive Research in the Social Sciences*, Chicago: Rand McNally.
- WEINREICH, U. (1952) "Is a Structural Dialectology Possible?" in *Word*, 10, pp. 388—400.
- WEINREICH, U. (1953) *Languages in Contact*, The Hague: Mouton.
- WELLS, J. C. (1970) "Local Accents in English and Wales" in *Journal of Linguistics*, pp. 231—52.
- WHITELEY, W. H. (1964) "Swahili as a Lingua Franca in East Africa", *Brazzaville* (1964) pp. 183—88.
- WHITELEY, W. H. (ed.) (1971) *Language Use and Social Change: Problems of Multilingualism with Special Reference to Eastern Africa*, London: OUP.
- WHORF, B. L. (1962) *Language, Thought and Reality*. Cambridge Mass: M. I. T.
- WIDDOWSON, H. G. (1971) "The Teaching of Rhetoric to Students of Science and Technology" in Perren (ed.) (1971).
- WILKINSON, A. (ed.) (1969) "The State of Language" in *Educational Review*, XXII, Birmingham.
- WILLIAMS, F. (1973) "Some Recent Studies of Language Attitudes" in Shuy, R. W. (ed.) (1973) pp. 121—49.
- WURM, S. A. (1968) "Papua-New Guinea Nationhood: The Problems of a National Language" in Fishman *et al.* (1968) pp. 345—64.

Роджер Т. Белл

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
Цели, методы и проблемы

Редактор
М. А. РОМАНОВА

Издательский редактор
Н. Л. ОБРАЗЦОВА

Оформление художника
Г. П. ЕМЕЛЬЯНОВА

Художественный редактор
В. В. СУРКОВ

Технический редактор
И. Г. МАКАРОВА

Корректор
П. П. АНГЕЛОВА

ИБ № 297

Сдано в набор 02.08.79. Подписано в печать 04.12.79. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,80. Уч.-изд. л. 16,90. Тираж 7000 экз. Заказ № 572. Цена 2 руб. Изд. № 54/77 Ф.

Издательство «Международные отношения».
107053, Москва, Б-53, Садовая Спасская, 20.

Ярославский полиграфкомбинат
Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.